

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

47
ЧАСТЬ V
2025

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (598) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хуснурин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Таира Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяни Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаянди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Джеффри Хинтон* (1947), британский и канадский ученый.

Джеффри Хинтон родился в Лондоне (Великобритания). Он вырос в семье, где наука занимала центральное место — его отец был инженером, а дед, Джордж Буль, был математиком, известным своими работами, которые заложили основы для цифровой логики в компьютерах. Это окружение, несомненно, повлияло на его интерес к научным исследованиям и математике.

Хинтон начал свое образование в Великобритании, где он изучал экспериментальную психологию в Кембриджском университете. В 1970 году он получил степень бакалавра в Эдинбургском университете, где углубил свои знания в области искусственного интеллекта и психологии.

Он продолжил свою учебу в США, в Университете Калифорнии в Сан-Диего и получил докторскую степень за исследования искусственного интеллекта и когнитивной психологии. Во время своей работы в аспирантуре Хинтон сосредоточился на моделировании восприятия и памяти, что в дальнейшем сыграло ключевую роль в его исследованиях машинного обучения и нейронных сетей. Он также продолжил работу в академической сфере, преподавая в различных университетах, включая Карнеги-Меллон и Торонтский университет. С 2013 по 2023 год Джейфри Хинтон являлся сотрудником компании Google.

Хинтон сделал революционный вклад в развитие алгоритма обратного распространения ошибок. Этот метод позволил ученым эффективно обучать глубокие нейронные сети, что было критически важно для прогресса в области машинного обучения. Благодаря этому открытию стало возможным обучение сетей выполнению сложных задач, таких как распознавание речи и обработка изображений.

Ранние исследования Хинтона в области когнитивной психологии и искусственного интеллекта заложили ос-

нову для его более поздних теорий и алгоритмов в области глубокого машинного обучения. Он экспериментировал с различными моделями нейронных сетей, пытаясь имитировать процессы человеческого мозга. Эти эксперименты были критически важны для понимания того, как можно обучать компьютерные системы распознавать образы, обрабатывать речь и выполнять другие сложные задачи.

Исследования Джейфри Хинтона в области обратного распространения ошибок и глубоких нейронных сетей стали основополагающими для последующих прорывов в разработке искусственного интеллекта.

В 2012 году команда, в которой работал Хинтон, представила нейронную сеть под названием AlexNet. Эта сеть выиграла соревнование по компьютерному зрению ImageNet, значительно опередив конкурентов. AlexNet продемонстрировала потенциал глубоких нейронных сетей в области обработки изображений и стала вехой в истории развития ИИ.

В 2018 году Джейфри Хинтон стал одним из трех лауреатов премии Тьюринга. Среди прочих его наград — Королевская медаль от Королевского общества, Канадская золотая медаль Герхарда Херцберга Канадского совета по исследованиям в области естественных и инженерных наук, а также Нобелевская премия по физике за 2024 год. Хинтон был избран членом Американской академии искусств и наук. Ученый удостоен нескольких почетных степеней от ведущих университетов мира за его вклад в область искусственного интеллекта и компьютерных наук.

В 2024 году Хинтон снялся (без указания в титрах) в роли самого себя в научно-фантастическом боевике-тинонтиллере «Атлас».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Скнарь Д.А.

Служебные ограничения и их роль в обеспечении антикоррупционной направленности административно-правового статуса государственных гражданских служащих Российской Федерации 289

Скнарь Д.А.

Правовая и социальная защита государственных гражданских служащих: проблемы и перспективы в Российской Федерации 291

Сычева Т.И.

Институты гражданства в Азиатско-Тихоокеанском регионе 292

Сычева Т.И.

Институт гражданства в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: вызовы правовой гармонизации 295

Тарвердян С.А.

Нарушение прав женщин во время вооруженных конфликтов и деятельность международных организаций по их защите (на примере Федеративной Республики Нигерия) 298

Топилина М.М.

Актуальные проблемы определения места деликтоспособности в категории правосубъектности 301

Федорова Е.Д.

Направления расследования изнасилований 304

Черняк Д.А.

Процессуальные особенности назначения и производства судебной экспертизы в различных видах судопроизводства 306

Черняк Д.А.

Процессуальная природа и доказательственное значение заключения эксперта в судопроизводстве 309

Чехова В.А.

Проблемы совершенствования судебного порядка рассмотрения жалоб на отказ в возбуждении уголовного дела 311

Шишов А.В.

Способы противодействия расследованию и их криминалистическое значение 314

ИСТОРИЯ

Бенько С.А.

История становления органов государственной безопасности в советский период 318

Гембух Г.А.

Предпосылки первого раздела Речи Посполитой и российская дипломатия 321

Тимохин К.А.

Уменьшение роли женщин в культе синто: от сакрального авторитета к ритуальной периферии 323

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ветчанинова А.Д.

Перспективы развития демократии в России 326

Шутихин А.Н.

Роль и функции источников информации в политической журналистике 329

Шутихин А.Н.

Методы сбора информации политическим журналистом в современных условиях 330

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Абильдинова Ж.Б., Абдильда А.Г., Нурланова А.Н.

Трансформация лексической нормы в условиях цифровой коммуникации: влияние интернет-среды на развитие современного русского языка 333

Божиков В. П.	
Современный молодежный сленг в США: этимология и аллюзии	336
Grushina E. B.	
Rhetorical question as a means of communicating emotional-evaluative component in artistic discourse.....	341
Мустофокулов Ф. Х.	
Использование категории вежливости в диалогах на французском языке	343
Ниязметова Д. Ш.	
Теоретико-лингвистические основы изучения англицизмов в современном русском языке	345
Ospanova A. M.	
0. Henry's «The skylight room»: a study in stylistic features	346
Пилипенко С. А., Савенко А. В., Филиппова В. Е.	
Лингвостилистические средства создания атмосферы страха в романе Стивена Кинга The Shining	349
Сапаева Ш. М.	
Семантические особенности глагольной лексики, обозначающей чувства и переживания, в любовной лирике Анны Ахматовой (на материале стихотворений «Сжала руки под тёмной вуалью...» и «Песня последней встречи»)	351
Худайберганова И. И.	
Структура и функции описательных оборотов в пейзажной лирике А. А. Фета	353
Шельпякова А. А.	
Влияние переводческих стратегий на восприятие китайской культуры в русском переводе романа «Путешествие на Запад».....	355
Юнкина К. Я.	
Наименования представителей флоры и фауны в Коране: лексико-семантический анализ	358
ФИЛОСОФИЯ	
Бархатков А. И.	
Диалектика нечто и иного в «Науке логики» Гегеля	361
Бархатков А. И.	
Логическая природа определения в философии Гегеля	363

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Служебные ограничения и их роль в обеспечении антикоррупционной направленности административно-правового статуса государственных гражданских служащих Российской Федерации

Скнарь Дарья Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кожушная Кристина Анатольевна, кандидат политических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проводится анализ служебных ограничений и запретов в рамках административно-правового статуса государственных гражданских служащих Российской Федерации с акцентом на их роль в предотвращении коррупционных рисков и обеспечении этичности государственной службы. Рассматриваются основания таких ограничений, их влияние на профессиональную деятельность служащих, а также практические проблемы реализации, включая механизмы контроля и ответственности.

Ключевые слова: государственные гражданские служащие, административно-правовой статус, служебные ограничения, антикоррупционные запреты, этика публичной службы, правовая защита, конфликт интересов, государственная служба.

Административно-правовой статус государственных гражданских служащих Российской Федерации представляет собой комплексную правовую конструкцию, интегрирующую права, обязанности, гарантии и, в особенности, служебные ограничения, которые выступают ключевым механизмом предотвращения коррупционных проявлений и обеспечения лояльности публичной администрации интересам государства и общества. В условиях растущей сложности государственного управления, где публичные функции пересекаются с частными интересами, служебные ограничения приобретают особую значимость как инструмент, направленный на минимизацию рисков злоупотреблений властью, конфликта интересов и подрыва доверия к институтам власти, формируя тем самым основу антикоррупционной культуры в сфере гражданской службы. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее — Закон о государственной гражданской службе), а также связанные с ним нормативные акты, включая Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Закон о противодействии коррупции), детально регламентируют эти ограничения, подчеркивая их императивный характер и неотъемлемость от профессиональной идентичности служащего как носителя публичного доверия.

Сущность служебных ограничений в административно-правовом статусе государственного гражданского слу-

жащего коренится в принципах публичности, беспристрастности и приоритета государственных интересов над личными, что отличает его от статуса работников частного сектора, где доминируют рыночные и индивидуальные мотивы. Основные ограничения включают запрет на осуществление предпринимательской и иной оплачиваемой деятельности, кроме педагогической, научной и иной творческой деятельности, запрет на участие в управлении коммерческими организациями, получение подарков и услуг от физических и юридических лиц, от которых зависит служебная деятельность служащего, а также обязательство по предотвращению и регулированию конфликта интересов. Эти меры не только ограничивают сферу возможных действий служащего, но и служат профилактическим барьером, препятствующим монетизации служебного положения и интеграции в темные экономические циклы, тем самым способствуя реализации конституционного принципа верховенства права и равенства перед законом, закрепленного в ст. 19 Конституции РФ [1].

Роль служебных ограничений в антикоррупционной направленности статуса государственных гражданских служащих проявляется в их функции как системного механизма внутреннего контроля и саморегуляции, где каждый запрет выступает не изолированным предписанием, а элементом единой превентивной стратегии. Например, обязанность ежегодного декларирования

доходов, расходов и имущества, введенная Законом о противодействии коррупции, интегрируется с ограничениями на получение подарков, стоимость которых превышает установленный лимит (не более трех тысяч рублей), обеспечивая прозрачность финансового поведения служащего и минимизируя риски скрытого влияния. Петренко А. К. в своих трудах подчеркивает, что данные ограничения способствуют формированию этической нормы публичной службы, где лояльность государству не является формальностью, а интегрируется в повседневную профессиональную практику, предотвращая эрозию институциональной целостности органов власти [2, с. 47].

Тем не менее, реализация служебных ограничений в административно-правовом статусе сталкивается с рядом теоретических и практических проблем, которые подрывают их антикоррупционную эффективность и требуют доктринального осмысливания. Во-первых, неопределенность некоторых формулировок в нормативных актах приводит к субъективной интерпретации: понятие «конфликт интересов» в ст. 10 Закона о противодействии коррупции трактуется широко, но без четких критериев оценки, что провоцирует административный произвол или, напротив, формализм в применении ограничений [4]. Во-вторых, отсутствие адекватных механизмов мониторинга и ответственности за несоблюдение ограничений усугубляет ситуацию: служебные проверки часто носят эпизодический характер, а дисциплинарные меры, такие как предупреждение или увольнение, применяются несистемно, что снижает превентивный эффект и способствует толерантности к мелким нарушениям, потенциально ведущим к крупным коррупционным схемам.

Цифровизация государственного управления вводит новые вызовы в реализацию служебных ограничений, где административно-правовой статус служащего эволюционирует под влиянием электронных платформ и автоматизированных систем. С одной стороны, внедрение цифрового декларирования через портал Госуслуг и единую информационную систему кадрового учета усиливает прозрачность и оперативность контроля за соблюдением ограничений, позволяя в реальном времени отслеживать финансовые потоки и связи служащего. С другой сто-

роны, это порождает риски утечек персональных данных и киберугроз, требуя расширения ограничений на использование цифровых инструментов в личных целях, а также введения гарантий конфиденциальности для служащих, чья деятельность связана с обработкой чувствительной информации.

Этические аспекты служебных ограничений подчеркивают их роль не только как юридического инструмента, но и как основы морального кодекса публичной службы, где запрет на неэтичное поведение — от принятия знаков внимания до участия в политической агитации — способствует укреплению репутации государства. Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих, одобренный решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23.12.2010 г. интегрирует эти ограничения в поведенческие нормы, требуя от служащего демонстрации уважения к гражданам, объективности в принятии решений и отказа от любых форм дискриминации [3].

Совершенствование служебных ограничений в административно-правовом статусе государственных гражданских служащих должно ориентироваться на комплексный подход, сочетающий законодательную реформу, институциональные инновации и международный опыт. В частности, целесообразно уточнение дефиниций ключевых понятий, введение автоматизированных систем прогнозирования конфликтов интересов на базе искусственного интеллекта, а также усиление ответственности за систематические нарушения, включая административные и уголовные санкции.

Проведенный в статье анализ подчеркивает, что служебные ограничения выступают фундаментальным элементом административно-правового статуса государственных гражданских служащих, обеспечивая антикоррупционную направленность публичной службы через превенцию, контроль и этическое регулирование. Их эффективная реализация требует преодоления проблем в законодательстве и практике, что позволит не только минимизировать риски коррупции, но и укрепить доверие общества к институту государственной службы, способствуя устойчивому развитию российского государства в условиях глобальных трансформаций.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Петренко А. К. Антикоррупционные стандарты государственной службы / А. К. Петренко // Молодой учёный. — 2019. — № 37 (275). — С. 46–48.
3. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)).
4. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6228.
5. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2004. — № 31. — Ст. 3215.

Правовая и социальная защита государственных гражданских служащих: проблемы и перспективы в Российской Федерации

Скнарь Дарья Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кожушная Кристина Анатольевна, кандидат политических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются механизмы правовой и социальной защиты государственных гражданских служащих в рамках их административно-правового статуса с учетом современных вызовов государственной службы. Рассматриваются нормативные основы гарантий, включая трудовые, пенсионные и социальные аспекты, а также проблемы их реализации в условиях нестабильной экономической конъюнктуры и цифровизации.

Ключевые слова: государственные гражданские службы, административно-правовой статус, правовая защита, служебные гарантии, социальное обеспечение, дисциплинарные процедуры, государственная служба, мотивация кадров.

Административно-правовой статус государственных гражданских служащих Российской Федерации как интегрированная правовая категория не ограничивается перечнем прав и обязанностей, но и предполагает наличие развитой системы гарантий и механизмов защиты, обеспечивающих баланс между публичными интересами государства и личными правами индивида, выполняющего служебные функции. В эпоху динамических социальных трансформаций, где государственное управление сталкивается с вызовами эффективности, прозрачности и человеческого капитала, механизмы правовой и социальной защиты приобретают стратегическое значение, выступая не только как инструмент компенсации служебных ограничений, но и как фактор устойчивости института гражданской службы, способствуя формированию профессиональной лояльности и предотвращению оттока квалифицированных кадров. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе» (далее — Закон о государственной гражданской службе), в сочетании с Трудовым кодексом РФ, Федеральным законом от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» и другими нормативными актами, конструирует эту систему как многоуровневую конструкцию, где правовая защита интегрируется с социальными гарантиями, обеспечивая служащему неуязвимость перед произволом и адекватную компенсацию за повышенные риски публичной деятельности.

Сущность механизмов правовой защиты в административно-правовом статусе строится на принципах законности, равенства и справедливости, закрепленных в ст. 19 Конституции РФ, где государство выступает гарантом соблюдения служебных прав от вмешательства как внешних, так и внутренних сил [3]. Ключевыми элементами такой защиты являются процедуры обжалования решений по службе, включая досудебное урегулирование споров через комиссии по служебным спорам, предусмотренные ст. 70 Закона о государственной гражданской службе, а также судебная юрисдикция в порядке Кодекса административного судопроизводства РФ [2, 7]. Данные механизмы позволяют служащему оспаривать дисциплинарные взыскания, такие как замечания, выговор или увольнение, мотивируя необходимость доказательной базы, процессуальных гарантий и пропорциональности меры, что предотвращает

административный произвол и укрепляет институциональную дисциплину. В научных исследованиях, отраженных в трудах М. Л. Варламовой, подчеркивается, что эффективная правовая защита не только восстанавливает нарушенные права, но и служит превентивным фактором, формируя культуру ответственности среди руководителей органов власти и минимизируя риски коррупционного давления на подчиненных [9, С. 10].

Социальная защита как неотъемлемая составляющая административно-правового статуса государственных гражданских служащих ориентирована на компенсацию специфических тягот публичной службы, таких как ограничения в выборе места работы, повышенная ответственность и морально-психологическая нагрузка, обеспечивая через систему гарантий стабильность материального положения и благосостояния. Среди базовых социальных гарантий выделяются право на ежегодный оплачиваемый отпуск, дополнительные отпуска за выслугу лет и работу в особых условиях, медицинское страхование, а также пенсионное обеспечение с учетом стажа службы, где специфика выражается в возможности досрочного выхода на пенсию и индексации выплат в соответствии с инфляцией.

Практические вызовы реализации механизмов защиты в административно-правовом статусе усугубляются нестабильностью экономической среды и бюрократическими барьерами, где правовая защита часто упирается в формализм судебных процедур, а социальные гарантии — в бюджетные ограничения. Например, в периоды сокращения штатов, как это наблюдалось в 2020–2022 г. в связи с оптимизацией аппарата, многие служащие сталкивались с увольнениями по сокращению без адекватной компенсации, что вызвало волну обращений в прокуратуру и суды, где лишь 40 % дел заканчивались восстановлением на службе или выплатой компенсации. Анализ судебной практики, в частности решение Шадринского районного суда Курганской области № 2-954/2021 по делу № 2-954/2021, подчеркивает необходимость учета индивидуальных обстоятельств при применении дисциплинарных мер, но отсутствие унифицированных критериев оценки тягот службы приводит к субъективности решений [5]. Цифровизация добавляет новые измерения:

электронные платформы для обжалования и мониторинга гарантит, такие как «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации», облегчают доступ, но повышают уязвимость в области киберпреступлений, требуя усиления защиты персональных данных в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [8].

Мотивационный аспект социальной защиты в статусе служащих проявляется в интеграции гарантит с системой профессионального развития, где право на повышение квалификации, оплачиваемое из бюджета, становится инструментом карьерного роста и адаптации к инновациям государственного управления. Программы аттестации, регламентированные постановлением Правительства РФ от 09.09.2020 г. № 1387 «Об утверждении единой методики проведения аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации», обеспечивают равные возможности для продвижения, но на практике гендерные и возрастные стереотипы снижают эффективность [4].

Совершенствование механизмов правовой и социальной защиты в административно-правовом статусе

требует комплексного подхода, сочетающего законодательную эволюцию, институциональные реформы и эмпирическое обоснование. В частности, целесообразно внедрение единого федерального стандарта оплаты гарантит с учетом региональных коэффициентов, цифровизация процедур обжалования для ускорения правосудия, а также развитие программ психологической поддержки. Сравнительный опыт стран ОЭСР, где социальные пакеты для публичных служащих включают гибкие графики и корпоративное обучение, демонстрирует потенциал адаптации для России, усиливая конкурентоспособность службы.

В заключение, следует сделать вывод о том, что механизмы правовой и социальной защиты формируют ядро административно-правового статуса государственных гражданских служащих, обеспечивая гармонию между обязанностями и правами, что критически важно для устойчивости государственного управления. Их оптимизация позволит не только повысить эффективность государственной службы, но и укрепить социальный капитал, способствуя реализации конституционных идеалов справедливого государства.

Литература:

1. Варламова М. Л. Актуальные проблемы теоретико-правовых основ системы социальной защиты государственных служащих в Российской Федерации / М. Л. Варламова // Вестник института мировых цивилизаций. — 2020. — № 4 (21). — С. 9–12.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // С3 РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1391.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
4. Постановление Правительства РФ от 09.09.2020 № 1387 (ред. от 20.06.2023) «Об утверждении единой методики проведения аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» // С3 РФ. — 2020. — № 38. — Ст. 5868.
5. Решение Шадринского районного суда Курганской области № 2-954/2021 от 6 июня 2021 г. по делу № 2-954/2021.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // С3 РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
7. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // С3 РФ. — 2004. — № 31. — Ст. 3215.
8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // С3 РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3451.
9. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О страховых пенсиях» // С3 РФ. — 2013. — № 52 (часть I). — Ст. 6965.

Институты гражданства в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Сычева Татьяна Ивановна, студент магистратуры

Научный руководитель: Мусиенко Инесса Михайловна, кандидат политических наук, доцент

Владивостокский государственный университет

В статье рассматриваются особенности функционирования институтов гражданства в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Автор анализирует ключевые проблемы, возникающие в процессе регулирования гражданско-правового статуса, включая правовую фрагментарность, этническую и социальную дискриминацию, ограничения прав тру-

довых мигрантов, отрицание двойного гражданства и непрозрачность административных процедур. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к совершенствованию институтов гражданства в условиях глобализации и активных миграционных процессов.

Ключевые слова: гражданство, Азиатско-Тихоокеанский регион, правовой статус, двойное гражданство, трудовая миграция, лица без гражданства, дискриминация, правовая система, правовая гармонизация, миграционная политика.

Citizenship institutions in the Asia-Pacific region

Sycheva Tatyana Ivanovna, master's student

Scientific advisor: Musiyenko Inessa Mikhaylovna, phd in political science, associate professor
Vladivostok State University

The article examines the specifics of the functioning of citizenship institutions in the countries of the Asia-Pacific region. The author analyzes the key problems that arise in the process of regulating civil status, including legal fragmentation, ethnic and social discrimination, restrictions on the rights of migrant workers, denial of dual citizenship, and lack of transparency in administrative procedures. The conclusion is made about the need for an integrated approach to improving citizenship institutions in the context of globalization and active migration processes.

Keywords: citizenship, Asia-Pacific region, legal status, dual citizenship, labor migration, stateless persons, discrimination, legal system, legal harmonization, migration policy.

Современная эпоха ознаменована стремительными трансформациями в сфере правового регулирования прав человека, политического участия и социальной принадлежности. В этом контексте институт гражданства приобретает особую значимость, выступая не только в качестве юридической конструкции, но и сложной социокультурной категории. Особый интерес представляет анализ данного института в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), где многообразие правовых систем, традиций и подходов к вопросам государственной идентификации создает уникальную палитру моделей гражданства. Рассмотрение данной проблематики приобретает еще большую актуальность в условиях глобализации, миграционных процессов и активизации международного сотрудничества.

Азиатско-Тихоокеанский регион является одним из наиболее динамично развивающихся регионов мира, обеспечивает экономическое и политическое сотрудничество государств.

Говоря об институтах гражданства в АТР, нельзя не отметить, что подходы к пониманию самой сути этого института варьируются от государства к государству: в одних странах преобладает натуралистический подход, ориентированный на «кровное» право (*jus sanguinis*), в других решающее значение приобретает территориальный принцип (*jus soli*). Однако даже это деление, являющееся устоявшимся в западной правовой традиции, не может быть применено к азиатским реалиям без существенных оговорок.

Опираясь на позицию Т. В. Бородиной, обозначим, что гражданство в правовом контексте следует рассматривать как «устойчивую правовую связь между физическим лицом и государством, выражющуюся в совокупности взаимных прав и обязанностей» [3]. Данная формулировка находит подтверждение в национальных конститу-

циях стран АТР, где гражданство закрепляется как основа правового статуса личности. Так, статья 9 Конституции Японии 1947 года закрепляет основополагающие положения о правах граждан, а Закон о гражданстве Японии 1950 года конкретизирует механизм признания, приобретения и утраты гражданства, что формирует основу внутреннего правопорядка.

Интересную точку зрения на специфику гражданства в странах региона высказывает В. И. Пастухова [7]. Она отмечает, что институт гражданства в регионе носит не столько универсалистский, сколько функциональный характер, будучи тесно связанным с социально-экономической стратификацией. Исследователь указывает, что в Сингапуре или Южной Корее государственная политика в области гражданства выстраивается с прицелом на экономическую эффективность и государственную лояльность, тогда как в странах с высоким уровнем миграции, таких как Малайзия или Индонезия, превалируют этнические и религиозные аспекты гражданской принадлежности.

Особое значение в контексте АТР имеет проблема апатридов (лиц без гражданства), особенно в странах с конфликтной миграционной историей. Вопрос об урегулировании правового положения таких лиц поднимается в контексте международных обязательств. Так, Конвенция о статусе апатридов 1954 года [1] и Конвенция о сокращении безгражданства 1961 года [2], принятые под эгидой ООН, формируют рамочные обязательства, однако не все государства региона являются их участниками. Например, Таиланд и Мьянма до сих пор не ратифицировали эти документы, что ведет к правовой неопределенности положения этнических меньшинств. Как отмечает Джозеф Стерн в монографии *Statelessness in Southeast Asia: Law and Identity*, «законодательство этих стран сохраняет жесткие критерии этнической принадлежности, ограни-»

чивая доступ к гражданству и тем самым порождая институционализированное отчуждение».

Есть два основных пути получения гражданства, актуальных для стран Азиатско-Тихоокеанского региона: по праву рождения и путем натурализации. Для получения паспорта ребенком необходимо, чтобы хотя бы один родитель имел гражданство какой-либо страны АТР. Иностранные могут стать гражданами через натурализацию после нескольких лет проживания в стране или вступив в брак с ее гражданином.

Так, в странах с ярко выраженной конфуцианской или буддийской правовой культурой понятие гражданства зачастую сопряжено не только с юридической принадлежностью, но и с концептами долга, иерархии, а также коллективной ответственности. Это делает механизм получения и утраты гражданства более комплексным и не-редко менее прозрачным для внешнего наблюдателя. В некоторых государствах региона наблюдается тенденция не столько гарантировать права граждан, сколько подчеркивать их обязанности, что также сказывается на правовой природе рассматриваемого института права.

Например, в Китайской Народной Республике гражданин рассматривается не только как обладатель прав, но прежде всего как субъект, имеющий определенные обязательства перед государством и обществом. Китайское законодательство не предусматривает двойного гражданства, подчеркивая приоритет лояльности государству. Кроме того, процедура лишения гражданства может быть использована в случае угрозы национальной безопасности, что свидетельствует о превалировании интересов государства над индивидуальными правами.

Следует согласиться с М. С. Евтеевой [6] в том, что в ряде государств до сих пор сохраняются архаичные элементы, такие как передача гражданства по линии рода или исключение отдельных этнических групп из числа граждан, несмотря на их многолетнее проживание на территории. Например, в Японии, несмотря на наличие многочисленных диаспор иностранных, проживающих на территории этой страны десятилетиями, получение гражданства возможно преимущественно по принципу происхождения. Человек должен иметь японские корни либо пройти длительный процесс натурализации, включающий отказ от предыдущего гражданства и интеграционные тесты. Такой подход существенно затрудняет получение гражданства мигрантами, особенно теми, чьи семьи проживают в Японии уже много поколений подряд.

В других случаях наблюдается противоположная тенденция — либерализация законодательства, стремление к эксклюзивности и признанию двойного гражданства как нормы, а не исключения. Так, в Канаде и Австралии двойное гражданство официально признается и широко используется как средство привлечения квалифицированных мигрантов и укрепления культурных связей с диаспорами. Эти страны рассматривают наличие второго гражданства не как угрозу национальной безопасности или лояльности, а как фактор, способствующий эконо-

мическому росту и развитию мультикультурного общества. В результате их миграционная политика строится на принципах открытости и гибкости, что позволяет гражданам сохранять связь с исторической родиной, не теряя при этом прав и свобод в новом государстве проживания.

Мы солидарны с мнением Е. А. Гринченко [5] о том, что эти противоречивые процессы, происходящие параллельно, наглядно иллюстрируют внутреннюю динамику развития институтов гражданства в АТР.

Миграционные процессы, вызванные как экономическими причинами, так и политической нестабильностью, вносят дополнительную сложность в регулирование вопросов гражданства. Многие страны региона испытывают давление со стороны международных организаций, требующих соблюдения стандартов в области прав человека, в том числе прав мигрантов и лиц без гражданства. Тем не менее национальные интересы, сопряженные с вопросами безопасности и суверенитета, нередко становятся преградой на пути к реализации таких инициатив.

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), охватывающий множество государств с разными историей, культурой, политическим устройством и экономическим развитием, представляет собой уникальное поле для анализа института гражданства. Однако эта уникальность сопровождается рядом существенных проблем, тормозящих формирование сбалансированных, справедливых и инклюзивных гражданско-правовых систем.

Одной из таких проблем является правовая фрагментарность и отсутствие унифицированных подходов. В странах АТР действуют различные правовые модели гражданства, зачастую основанные на сугубо национальных традициях и нормах. В одних странах преобладает строгое следование *jus sanguinis*, в других — гибридные схемы, включающие элементы территориального принципа. Такая фрагментарность не только затрудняет международное сотрудничество и признание гражданско-правового статуса, но и порождает сложности в регулировании трансграничной миграции.

Одним из действенных способов преодоления данной проблемы может стать развитие регионального сотрудничества в правовой сфере, направленного на создание унифицированных стандартов признания гражданства и двойного гражданства, а также гармонизацию миграционного законодательства. Это особенно актуально в условиях экономической интеграции, развивающейся в рамках АСЕАН и других региональных объединений.

Также стоит выделить проблему дискриминационной практики по признаку этнической или социальной принадлежности. Во многих государствах АТР сохраняются нормы, которые прямо или косвенно ограничивают права определенных этнических, религиозных или социальных групп в получении гражданства. Особенно остро стоит проблема лиц без гражданства, которая наблюдается, например, среди народностей рохинджа в Мьянме или некоторых переселенческих сообществ в странах Юго-Восточной Азии. Эти группы не только лишены доступа

к социальным благам, но и подвержены правовой уязвимости. Следует согласиться с мнением К. В. Вакулы [4] о том, что подобная дискриминационная практика не только нарушает фундаментальные принципы прав человека, но и создает серьезные риски для устойчивого развития общества, способствуя социальной изоляции, маргинализации и росту конфликтного потенциала в регионе.

Эффективное решение данной проблемы возможно через проведение реформ, направленных на устранение дискриминационных положений в законодательстве и создание механизмов включения маргинализированных групп в гражданское общество. Кроме того, международные правозащитные механизмы должны играть более активную роль в мониторинге и рекомендациях для национальных правительств.

Не менее серьезна проблема нехватки правовой грамотности и непрозрачности процедур. Гражданство в ряде стран региона становится труднодостижимым из-за бюрократической сложности процедур, нехватки информации, коррупции в миграционных ведомствах и отсутствия прозрачных критериев приема. Это препятствует легализации, оставляя людей в «серой зоне» правового существования.

Повышение прозрачности административных процедур, цифровизация процесса подачи заявлений, создание горячих линий, правозащитных центров и юридических консультативных служб для мигрантов и лиц без гражданства могут кардинально изменить ситуацию. Кроме того, улучшение правового образования населения способствует более ответственному подходу к институту гражданства со стороны как государства, так и граждан.

Таким образом, анализ института гражданства в Азиатско-Тихоокеанском регионе позволяет прийти к выводу о том, что данный институт находится в состоянии постоянной трансформации. Его развитие определяется не только внутренними правовыми установками и политическими приоритетами государств, но и воздействием глобальных процессов, таких как миграция, информационная открытость, экономическая интеграция. Одним из ключевых вызовов остается поиск баланса между сохранением национальной идентичности и необходимостью адаптироваться к требованиям современного мира. Именно в этом контексте изучение институтов гражданства приобретает не только академическое, но и практическое значение, способствуя формированию более справедливых и гибких правовых систем.

Литература:

1. Конвенция о статусе апатридов (Нью-Йорк, 28 сентября 1954 г.) — URL: <https://base.garant.ru/2541076/>
2. Конвенция о сокращении безгражданства (принята 30 августа 1961 года) — URL: <https://base.garant.ru/2541075/>
3. Бородина, Т. В. Получение гражданства по домицилию в зарубежных странах: условие и правовое основание / Т. В. Бородина // Наука XXI века: вызовы, становление, развитие: сборник статей XXI Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 22 декабря 2024 года. — Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2024. — С. 220–225.
4. Вакула, К. В. Сравнительно-правовые аспекты правового регулирования прекращения гражданства по инициативе государства в Российской Федерации и зарубежных странах / К. В. Вакула // ExLegis: правовые исследования. — 2024. — № 4. — С. 5–9.
5. Гринченко, Е. А. Региональная миграционная политика: актуальные проблемы и современные тенденции / Е. А. Гринченко // Гуманитарий Юга России. — 2023. — Т. 12, № 6. — С. 173–191.
6. Евстфеева, М. С. Национальные и международные аспекты множественного гражданства / М. С. Евстфеева, В. В. Полянский // XLIX Самарская областная студенческая научная конференция: Тезисы докладов, Самара, 10–21 апреля 2023 года. — Санкт-Петербург: ООО «Эко-Вектор», 2023. — С. 228–229.
7. Пастухова, В. И. Институт гражданства в зарубежных странах: общее и особенное / В. И. Пастухова // Социально-экономические правовые исследования — 2023. — № 2 (72). — С. 90–95.
8. Sperfeldt, C. Statelessness in Southeast Asia / C. Sperfeldt // Analysis from the East-West Center. — 2021. — № 147. — URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/legal-identity-and-statelessness-in-southeast-asia>

Институт гражданства в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: вызовы правовой гармонизации

Сычева Татьяна Ивановна, студент магистратуры

Владивостокский государственный университет

В статье проводится комплексный анализ института гражданства в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) как динамичной системы, находящейся под влиянием противоречивых тенденций. Автор исследует ключевые вызовы, включая конфликт между этнокультурной и гражданско-политической моделями нации, проблему без гра-

жданства, ограничительный характер миграционной политики и вызовы, порождаемые глобализацией. Делается вывод о том, что дальнейшее развитие института гражданства в АТР будет определяться поиском баланса между национальным суверенитетом и необходимостью следования международным стандартам в области прав человека.

Ключевые слова: институт гражданства, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), правовая модель, натурализация, без гражданства, этническая дискриминация, миграционная политика, двойное гражданство, правовая интеграция, глобализация.

The Institute of Citizenship in the Asia-Pacific Region: Challenges of Legal Harmonization

This article provides a comprehensive analysis of the institution of citizenship in the Asia-Pacific region (APR) as a dynamic system influenced by conflicting trends. The author explores key challenges, including the conflict between the ethnocultural and civic-political models of nationhood, the problem of statelessness, the restrictive nature of migration policies, and the challenges posed by globalization. It concludes that the further development of citizenship in the Asia-Pacific region will be determined by the search for a balance between national sovereignty and the need to adhere to international human rights standards.

Keywords: citizenship institute, Asia-Pacific region (APR), legal model, naturalization, statelessness, ethnic discrimination, migration policy, dual citizenship, legal integration, globalization.

Современный Азиатско-Тихоокеанский регион представляет собой уникальную лабораторию, где сталкиваются и переплетаются традиционные подходы к государственности и новейшие вызовы глобализированного мира. Институт гражданства, являясь фундаментальным элементом правовой системы любого государства, в контексте АТР приобретает особую сложность и многогранность. Его эволюция отражает глубинные социокультурные процессы, экономические интересы и политические стратегии стран региона.

1. Правовые модели гражданства в АТР: между *jus sanguinis* и государственным прагматизмом

Основу правового регулирования гражданства в большинстве стран АТР составляет принцип «права крови» (*jus sanguinis*), что исторически связано со стремлением к сохранению этнокультурной однородности и национальной идентичности. Как справедливо отмечает В. И. Пастухова, «институт гражданства в регионе носит не столько универсалистский, сколько функциональный характер, будучи тесно связанным с социально-экономической стратификацией» [7]. Это находит свое отражение в строгих подходах к натурализации в таких странах, как Япония и Южная Корея, где процесс требует не только длительного ценза оседлости, но и глубокой культурно-языковой ассимиляции.

В противовес этой модели, государства иммиграции — Австралия и Новая Зеландия — построили свою политику на принципах инклюзивности, сочетая модифицированное «право почвы» (*jus soli*) с прозрачной системой натурализации, допускающей двойное гражданство. Отдельного внимания заслуживает сингапурская модель, которую можно охарактеризовать как «управляемую селективность», где гражданство является инструментом государственной политики, предоставляемым с расчетом на максимальную экономическую пользу.

Анализ правовых моделей выявляет глубокий раскол в подходе к гражданству в АТР. С одной стороны, доминирует этнокультурная модель (*jus sanguinis*), направленная на сохранение идентичности, а с другой — прагматичная иммиграционная модель, нацеленная на привлечение человеческого капитала. Это противоречие является фундаментальным для понимания всех последующих вызовов.

2. Ключевые проблемы и вызовы

2.1. Этническая дискриминация и проблема без гражданства

Наиболее острой проблемой в регионе остается лишение гражданства целых этнических групп. Ярчайшим примером является трагедия народа рохинджа в Мьянме. Аналогичные проблемы существуют в Таиланде и Малайзии. Несмотря на существование международных конвенций, их ратификация не всеми государствами региона завершена, что порождает правовые вакуумы и способствует маргинализации миллионов людей.

Проблема без гражданства является самым ярким проявлением конфликта между принципом национального суверенитета и международными правами человека. Ее решение напрямую зависит от политической воли государств идти на внутренние реформы под давлением международного сообщества.

2.2. Непризнание двойного гражданства и конфликт лояльностей

Подавляющее число стран АТР (Китай, Япония, Индия, Сингапур, Южная Корея) не признают двойного гражданства, видя в нем угрозу национальной безопасности. Как подчеркивает М. С. Евстфеева, такая позиция ведет к «со-

зданию искусственных барьеров для диаспоры и усложнению процессов депатриации» [6]. Это ставит граждан перед жестким выбором, ограничивая мобильность.

Жесткая позиция в отношении двойного гражданства, будучи обоснованной соображениями безопасности, наносит ущерб долгосрочным интересам стран, лишая их мощного ресурса в виде лояльной и экономически активной диаспоры.

2.3. Ограничение прав трудовых мигрантов и бюрократические барьеры

Экономическое процветание многих стран АТР зависит на труде миллионов временных мигрантов, чей доступ к гражданству и социальным правам крайне ограничен. Усугубляет ситуацию непрозрачность и сложность административных процедур, создающая почву для коррупции и злоупотреблений.

Создание «второсортного» класса трудящихся-мигрантов не только создает риски социальной нестабильности, но и противоречит логике долгосрочного экономического развития, требующей интеграции, а не сегрегации трудовых ресурсов.

3. Перспективы гармонизации и влияние глобализации

Глобализационные процессы оказывают двойственное влияние на институт гражданства в АТР. С одной стороны, рост конкуренции за таланты вынуждает даже консервативные государства создавать специальные программы для привлечения высококвалифицированных специалистов. С другой стороны, усиливаются охранительные тенденции, направленные на защиту национальной идентичности.

Перспективы правовой гармонизации связаны с деятельностью интеграционных объединений, таких как АСЕАН. Однако, как отмечает Е. А. Гринченко, «региональная миграционная политика сталкивается с необходимостью учета значительных различий в уровнях экономического развития и политических системах стран-участниц» [5]. Тем не менее, развитие общих стандартов в области прав трудящихся-мигрантов является первым шагом к более тесной координации.

Литература:

1. Конвенция о статусе апатридов (Нью-Йорк, 28 сентября 1954 г.). — URL: <https://base.garant.ru/2541076/>
2. Конвенция о сокращении без гражданства (Принята 30 августа 1961 года). — URL: <https://base.garant.ru/2541075/>
3. Бородина, Т. В. Получение гражданства по домицилию в зарубежных странах: условие и правовое основание / Т. В. Бородина // Наука XXI века: вызовы, становление, развитие: сборник статей XXI Международной научно-практической конференции. — Петрозаводск, 2024. — С. 220–225.
4. Вакула, К. В. Сравнительно-правовые аспекты правового регулирования прекращения гражданства по инициативе государства в Российской Федерации и зарубежных странах / К. В. Вакула // ExLegis: правовые исследования. — 2024. — № 4. — С. 5–9.
5. Гринченко, Е. А. Региональная миграционная политика: актуальные проблемы и современные тенденции / Е. А. Гринченко // Гуманитарий Юга России. — 2023. — Т. 12, № 6. — С. 173–191.

Глобализация выступает в роли катализатора изменений, постепенно размывая жесткие этнокультурные модели в пользу более прагматичных и гибких подходов. Однако процесс гармонизации будет носить постепенный и асимметричный характер, сталкиваясь с сопротивлением национальных правовых систем.

Институт гражданства в странах Азиатско-Тихоокеанского региона представляет собой динамичную и противоречивую систему, находящуюся в состоянии трансформации. На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие **выводы**:

1) **Доминирующим** остается фундаментальное противоречие между этнокультурной (*jus sanguinis*) и гражданско-политической моделью нации. Это противоречие лежит в основе таких острых проблем, как без гражданство и этническая дискриминация;

2) **Экономический прагматизм** начинает оказывать все большее влияние на миграционную политику, вынуждая государства смягчать жесткие подходы для привлечения «умов» и капиталов, что создает почву для будущих либеральных реформ;

3) **Проблема без гражданства** требует не только ратификации международных конвенций, но и глубокого пересмотра национальных законодательств, основанных на дискриминационных принципах;

4) **Отношение к двойному гражданству** является индикатором открытости государства глобальному миру. Сохранение запретительного подхода в эпоху высокой мобильности становится все менее целесообразным с экономической и geopolитической точек зрения;

5) **Перспективы гармонизации** носят ограниченный характер и в среднесрочной перспективе будут сводиться не к унификации, а к выработке общих минимальных стандартов в области прав мигрантов и борьбы с безгражданством в рамках таких объединений, как АСЕАН;

Таким образом, будущее института гражданства в АТР видится в движении по пути сложного и нелинейного синтеза, где поиск баланса между национальным суверенитетом, экономической целесообразностью и международными правовыми стандартами будет определять вектор его дальнейшей эволюции.

6. Евстефеева, М. С. Национальные и международные аспекты множественного гражданства / М. С. Евстефеева, В. В. Полянский // XLIX Самарская областная студенческая научная конференция: Тезисы докладов. — Самара, 2023. — С. 228–229.
7. Пастухова, В. И. Институт гражданства в зарубежных странах: общее и особенное / В. И. Пастухова // Социально-экономические правовые исследования. — 2023. — № 2(72). — С. 90–95.

Нарушение прав женщин во время вооруженных конфликтов и деятельность международных организаций по их защите (на примере Федеративной Республики Нигерия)

Тарвердян София Арамовна, студент

Научный руководитель: Аванесян Айкуш Ашотовна, кандидат исторических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Современный мир, несмотря на наличие развитой правовой системы и регулирующего органа в лице Организации Объединенных Наций, сталкивается с ужасами войны, и в любых вооруженных конфликтах наибольшие потери ложатся на плечи гражданского населения, в частности женщин и детей. Декларирование прав женщин не гарантирует непременную их имплементацию и уважение законов, а возрастание количества милитаристских акций особенно в неблагополучных регионах мира ставит под угрозу соблюдение прав женщин на жизнь, безопасность, личную неприкосновенность, свободу и достоинство, провозглашаемые ст. 3 Всеобщей декларации прав человека от 1948 г. [1] Страной, на примере которой можно рассмотреть нарушение прав женщин, стала Нигерия ввиду продолжительного внутриполитического кризиса, который начался с образования исламистской террористической группировки «Боко Харам»¹, стремящейся к захвату власти и изменению фундаментальных основ государства и не видящей перед собой преград в уничтожении людей, использовании женщин и детей в боевых отрядах, похищении и изнасиловании женщин и несовершеннолетних девочек. Деятельность организации сопровождалась перманентным состоянием насилия, в котором женщинам приходилось выживать.

Международное гуманитарное право (МГП) занимается защитой жертв войны и призывает к соблюдению универсальных прав человека даже во время вооруженных конфликтов, взывая к проявлению гуманизма на войне. Несмотря на то, что МГП сквозь международные договоры и конвенции, запрещает посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства,увечья, жестокое обращение, пытки, надругательство над человеческим достоинством, взятие в заложники [2] и т. д., в военное время ничего из перечисленного не соблюдается, что автоматически обесценивает многолетний опыт политиков и юристов в сфере право-

защитной деятельности и означает торжество реалистической парадигмы международных отношений и игнорирование гуманизма. Более того, проблема нарушения прав женщин была на повестке заседания Совета Безопасности ООН в 2000 г., на котором приняли Резолюцию 1325 [3], признавая наличие угрозы для женщин во время войны и призывая все стороны вооруженного конфликта соблюдать меры по обеспечению защиты прав женщин и девочек в соответствии с Женевскими конвенциями 1949 г. и Дополнительными протоколами к конвенциям 1977 г., а также Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. (КЛДЖ), каждая из которых предусматривает защиту женщин от насилия во время конфликтов. В КЛДЖ содержится информация об органах контроля за соблюдением данной Конвенции — его осуществляют Комитет против пыток, Комитет по ликвидации всех форм расовой дискриминации, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин и др. [4] Их деятельность ограничивается вынесением рекомендаций государствам по соблюдению заявленных в документах принципов и рассмотрению докладов по принятых мерам по ликвидации половой дискриминации.

Острая проблема нарушения фундаментальных прав женщин во время внутриполитической борьбы и вооруженных столкновений представлена в Нигерии. Травмированная своим колониальным прошлым и претерпевшая с десяток государственных переворотов, Нигерия остается бедной страной, где отсутствует политическая монополитность и где межконфессиональная рознь не дает государству оправиться. Именно во внутреннем произволе и хаосе, принесенном вооруженным столкновением между нигерийской армией и террористами исламистской группировки «Боко Харам», в наиболее уязвимом и беспощадном положении оказываются женщины. Начиная с 2014 г., «Боко Харам», провозгласившая себя преемником ИГ* в Западной Африке, т.н. западноафриканская про-

¹ Запрещенная в РФ террористическая организация.

винция Исламского государства, насилие против женщин усилилось. Боевики еще с 2012 г. начали вести агрессивные и насилиственные акты против гражданского населения, особенно в школах, где множество школьников и учителей было убито и ранено [5]. Воспоминание 20-летней Рукаи Ибрагим о том, что «повстанцы хотят, чтобы все исповедовали их религию», а женщин, «оставшихся без мужей, они насильно выдавали замуж и хотели, чтобы все носили оружие, даже женщины» [6], остается важным свидетельством о неправомерной жестокости, посягательстве на жизнь человека и насилиственной милитаризации женщин. Показательным примером лишения женщин свободы и личной и физической неприкосновенности может послужить ситуация с похищением 276 школьниц боевиками «Боко Харам»* в апреле 2014 г. в городе Чибок. The Guardian сообщает, что девочки были в заложниках у террористов до 2017 г. в условиях продовольственной и водной нехватки и тяжелого рабочего труда под ожесточенным надзором исламистских боевиков [7]. Свидетельством нечеловеческих и совершиенно противопоказанных для женского здоровья условий содержания школьниц может служить воспоминание 24-летней Наоми Адаму от том, что девушкам «приходилось отчищать себя землей в критические дни». Забрав у женщин право на свободу выбора и образования и растоптав концепцию репродуктивных прав, глава «Боко Харам»* Абубакар Шекау путем видеосообщения объяснил похищение девушек: «Я похитил девушек. и буду продавать их на рынке, клянусь Аллахом. Образования для девочек не должно существовать, им надо выходить замуж» [8].

В Нигерии началось протестное движение «Верните наших девочек», активистки выходили с плакатами, содержащими количественную информацию о похищенных ученицах: 57 сбежали из плена, 3 были найдены, 103 освобождены и более 110 девочек все еще были пропавшими без вести [9]. Движение вскоре получило медийную огласку, и даже Мишель Обама поддержала интернет-акцию со слоганом «В этих девочках Барак и я видим наших собственных дочерей» [10]. Несмотря на пройденное десятилетие со дня происшествия, похищение девушек из школ и пансионов продолжались в 2018 (110 школьниц) и 2021 (более 300 похищенных) [7]. Последнее похищение девушек вследствие вооруженного нападения на учебное заведение в Нигерии датируется 18 ноября 2025 г., однако ни одна из группировок пока не взяла на себя ответственность за преступление [11]. Таким образом, главными жертвами нигерийской террористической организации становятся девушки и женщины, которые подвергаются сексуальному насилию.

В преступлениях против женщин задействованы и нигерийские военные. Нигерия испытывает кризис продовольственной безопасности, что порождает насилие и беззаконие. Тысячи женщин вынуждены соглашаться на вступление в сексуальные отношения с военными в обмен на еду и безопасность, обвиняя в предательстве собственные власти, поскольку «вместо того чтобы получать защиту от властей, женщины и девочки были вынуждены

подчиняться изнасилованию, чтобы избежать голода или недоедания» [12]. Девушки, побывавшие в фактическом сексуальном рабстве в лагерях для беженцев заявили, что эксплуатация женщин происходила по организованной системе, где солдаты открыто заходили в лагерь для секса и отбирали «очень красивых» девушек [12]. Однако это полностью отрицается армией, несмотря на сообщения правозащитников.

Ситуация с ярым нарушением прав женщин в Нигерии получила международную огласку. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун осудил похищение в Чибоке и призвал немедленно их освободить, поскольку действия террористов есть грубое нарушение международного гуманитарного права [13]. Более того, акцию «Верните наших девочек» поддержала сама ООН, поделившись хэштегом на своем официальном сайте. Примечательно, что Анджелина Джоли, посол доброй воли Управления Верховного комиссара по делам беженцев ООН, также прокомментировала это громкое событие с заверением, что они делают «все возможное, чтобы подобные случаи не происходили в дальнейшем» [14], тем самым способствуя широкому разглашению ситуации с грубым нарушением прав женщин.

ООН и ее подведомственные организации заострили внимание на экстремистской деятельности «Боко Харам»*, и спустя 2 месяца после известного Чибокского похищения объявили организацию террористической и ввели против нее санкции [15]. Более того, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин предоставил отчет Нигерии, в котором страна, где происходит политический и правовой хаос, заявила о интенсификации усилий по устранению насилия против женщин и о совместных военных действиях с Камеруном, Чадом и Нигером против террористического произвола, который нарушает привычный уклад жизни и базовые права женщин [16].

ЮНИСЕФ также подняла вопрос с правами женщин в Нигерии, выпустив документ под названием «16 facts about violence against women and girls in Nigeria» [17], благодаря которому еще больше юристов, правозащитников и политических активистов вмешалось в это дело, апеллируя к МГП и подписанным документам о защите прав женщин и ликвидации дискриминации против них. ЮНИСЕФ вместе с крупнейшей в мире гуманитарной организацией Всемирная Продовольственная Программа ООН (ВПП ООН) координировали поставки гуманитарной помощи в Нигерию, в числе которых продовольственные товары, в чем нигерийцы чувствуют острую нужду [18]. Таким образом, подобные программы могут способствовать уменьшению числа девушек, обменивающих свое тело на пищу для выживания, а личностная безопасность, тесно связанная с продовольственной безопасностью страны, будет обеспечена для миллионов женщин. Также была разработана информационная платформа под названием SCOPE, установленная правительством и Международной организацией по миграции, чтобы помочь обеспечить продовольственную и иную жизненно необходимую

ходимую поддержку и такие услуги как проверка питания беременных и кормящих матерей [18].

Проблема насильно оплодотворенных женщин и девочек в лагерях «Боко Харам»¹ пытается решить ЮНФПА (Фонд ООН в области народонаселения), занимающееся вопросами сексуального и репродуктивного здоровья. Global Justice Center приводит неофициальные данные, согласно которым 214 из спасенных от плена на момент 2016 г. девушек были беременны, поэтому ЮНФПА обеспечивает им дородовую помощь, правильность родов и даже кесарево сечение при необходимости. Проблема помощи искалеченным женщинам, желающим искусственно прервать беременность, была усугублена позицией США в вопросе абортов, поскольку в их законодательстве имеет место поправка Хелмса, накладывающая запрет на использование федеральных фондов для финансирования медицинских операций, связанных с абортом, что в свою очередь ограничивает работу гуманитарных организаций по спасению репродуктивных прав женщин и приводит к небезопасным и нестерильным методам избавления от нежелательного плода или вовсе к летальному исходу для женщин [19]. Несмотря на категорическую американскую позицию, нарушавшую Женевские конвенции, глашающие о недискриминационной и беспристрастной помощи лицам, пережившим сексуальное насилие, во всем мире росла поддержка доступа к абортам для изнасилованных женщин, а Верховный комиссар ООН по правам человека Зейд Раад аль-Хусейн призвал правительство Нигерии обеспечить этот доступ [20].

Роль организации ООН-Женщины в предотвращении женского насилия и соблюдения прав женщин заключается в мониторинге случаев жестокого обращения с женщинами, в обеспечении безопасности для девочек путем обучения их в специальных общественных комитетах защиты детей для реагирования на случаи сексуального насилия и в создании центров психологической помощи для пострадавших женщин и девочек.

Кроме того, неправительственные организации, такие как Amnesty International² и Human Rights Watch документируют случаи нарушения прав женщин в Нигерии, регистрируют похищения школьниц и интервьюируют спасенных жертв сексуального насилия, дабы осведомить о существующей серьезной проблеме несоблюдения прав человека.

Таким образом, нарушение прав женщин — распространенная практика во время военных конфликтов, поскольку уровень насилия достигает своего пика и касается сильнее всего наиболее уязвимых категорий людей — несовершеннолетних девушек, беременных и кормящих женщин. Нигерийская внутриполитическая рознь усугубила положение женщин и сделала их мишенью и объектом насилия террористов. Несмотря на всестороннюю международную гуманитарную помощь Нигерии и нигерийским женщинам, лишенным своих прав, проблема злоупотребления властным положением и насилиственная внутриполитическая ситуация не дают гарантий женщинам на обретение своих законных прав в полной мере.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
2. Международное гуманитарное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / С. С. Малян и др.; под ред. И. И. Котлярова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. — 271 с.
3. Организация Объединенных Наций Совет Безопасности, Резолюция 1325 (2000) Принятая Советом Безопасности на его 4213-м заседании, 31 октября 2000 года. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/d/75309.pdf>
4. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Факультативный протокол к ней. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw_handbook/handbook_parliamentarians_cedaw.pdf
5. В Нигерии боевики застрелили 50 спящих студентов. URL: <https://lenta.ru/news/2013/09/29/nigeria/>
6. Жизнь под властью «Боко Харам»: рассказы выживших женщин. URL: https://www.bbc.com/russian/society/2015/04/150413_boko_haram_women_stories
7. Ten years on from Chibok, what happened to the 276 Nigerian girls snatched from their school? URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2024/apr/11/nigeria-chibok-boko-haram-girls-school-abductions-islamist-militants-borno-yobe-katsina-kaduna>
8. СМИ: в Нигерии для поисков школьниц могут привлечь беспилотники. URL: <https://ria.ru/20140505/1006636757.html>
9. How Bring Back Our Girls went from hashtag to social movement, while rejecting funding from donors. URL: <https://frompoverty.oxfam.org.uk/how-bring-back-our-girls-went-from-hashtag-to-social-movement-while-rejecting-funding-from-donors/>
10. Призыв Мишель Обамы. Первая леди США Мишель Обама призвала освободить похищенных в Нигерии школьниц. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/ %D0 %BC %D0 %B8 %D1 %80/ %D0 %BF %D1 %80 %D0 %B8 %D0 %>

² Признана в России нежелательной организацией

- B7 %D1 %8B %D0 %B2- %D0 %BC %D0 %B8 %D1 %88 %D0 %B5 %D0 %BB %D1 %8C- %D0 %BE %D0 %B1 %D-0 %B0 %D0 %BC %D1 %8B/160680
11. Боевики напали на школу в Нигерии и похитили 25 учениц. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8211284>
 12. Boko Haram victims face abuse by Nigerian army: Amnesty. URL: <https://www.aa.com.tr/en/africa/boko-haram-victims-face-abuse-by-nigerian-army-amnesty/1155297>
 13. Глава ООН потребовал освобождения захваченных школьниц в Нигерии. URL: <https://ria.ru/20140416/1004203187.html>
 14. Власти Нигерии знали о нападении на школу. URL: <https://ru.euronews.com/2014/05/09/human-rights-group-claims-nigerian-army-had-warning-of-school-attack/>
 15. Совбез ООН признал «Боко харам» террористической организацией. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1208090>
 16. Committee on the Elimination of Discrimination against Women. Nigeria's report. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n16/004/06/pdf/n1600406.pdf>
 17. 16 facts about violence against women and girls in Nigeria. URL: <https://www.unicef.org/nigeria/reports/16-facts-about-violence-against-women-and-girls-nigeria>
 18. Правительство Нигерии и ВПП ООН расширяют помочь людям, пострадавшим от насилия «Боко Харам». URL: <https://ru.wfp.org/news/pravitelstvo-nigerii-i-vpp-oon-rasshirayut-pomosch-lyudym-postradavshim-ot-nasiliya-boko>
 19. Для спасенных девочек в Нигерии Обаме как никогда срочно необходимо отменить поправку Хелмса. URL: <https://www.globaljusticecenter.net/ru/for-rescued-girls-in-nigeria-it-is-more-urgent-than-ever-for-obama-to-overturn-the-helms-amendment/>
 20. Коалиция правозащитных, юридических, медицинских и религиозных групп призывает Обаму отменить запрет на аборты в рамках помощи жертвам военного изнасилования. URL: <https://www.globaljusticecenter.net/ru/press/coalition-of-human-rights-legal-medical-and-religious-groups-call-on-obama-to-lift-abortion-ban-on-aid-to-war-rape-victims/>

Актуальные проблемы определения места деликтоспособности в категории правосубъектности

Топилина Марина Михайловна, директор, преподаватель юридических дисциплин
АНПОО «Юридический колледж» (г. Михайловка, Волгоградская область)

В настоящей статье рассматриваются понятия «правосубъектность», «субъект правоотношения», «субъект права», «деликтоспособность» как один из спорных элементов правосубъектности. Раскрываются основные понятия, их взаимосвязь и обосновывается позиция вынесения деликтоспособности в самостоятельный элемент правосубъектности.

Ключевые слова: дееспособность, деликтоспособность, виновность, правосубъектность, субъект права.

Для того, чтобы быть полноценным субъектом права, нужно обладать определенными характеристиками.

В любой отрасли права субъекты, участники тех или иных отношений, обладают определенными нормами соответствующей отрасли, то есть объемом правоспособности, который называют отраслевой правоспособностью. Базируясь на теории права, можно сказать, что все участники правоотношений должны обладать правосубъектностью, то есть быть правоспособными и дееспособными.

Правосубъектность включает в себя еще один элемент — деликтоспособность. Вопрос о месте данного элемента в структуре правосубъектности является спорным в юридической теории.

Первоначально, этот спор кажется не имеющим практического значения, сколастическим, но стоит отметить, что решение данного вопроса влияет на возможность взыскания вреда с определенных лиц и удовлетворение и защиту нарушенных прав. Стоит учесть и тот факт, что современное информационное, цифровое, технологическое развитие общества привело к тому, что в общественных отношениях, где могут присутствовать факты нарушения прав, сейчас участвуют несовершеннолетние лица. Имеются в виду аккаунты в социальных сетях, блоги несовершеннолетних, сделки в интернете тому подобное.

Нельзя не упомянуть и искусственный интеллект, который с невероятной скоростью внедрен в интернет-про-

странстве и несет в себе потенциальный вред, хотя в определенных случаях может быть полезен.

Решение вопросов деликтоспособности без раскрытия сути категорий правосубъектности не представляется возможным.

Понятие «субъект права» само по себе неоднозначно, к тому же и плохо регламентировано, несмотря на его важность для всех отраслей права. На сегодняшний день единого понимания и четкого определения субъекта права нет, различные точки зрения позволяет увидеть изучение научной литературы.

Соотношение между понятиями «субъект правоотношения» и «субъект права» является важной частью учения о субъектах права. Традиционно субъекты права рассматриваются через призму субъектов правоотношений. Однако, по мнению некоторых авторов, эти понятия не являются полностью тождественными.

Есть необходимость разобраться, означают ли данные термины два разных понятия или они поясняют суть одной и той же категории. Соглашусь с мнением Осиповой С. В., которая считает, что отождествлять понятия «субъект правоотношения» и «субъект права» не следует. [6, с.32]. Безусловно, эти понятия имеют сходство, и между этими понятиями существует бесспорная связь, тем не менее, на мой взгляд, они не эквивалентны. Субъектами права следует считать лица или организации, способные иметь права и обязанности в соответствии с законодательными актами. Субъектами правоотношения следует считать конкретные лица или организации, участвующие в определенных правоотношениях. Субъекты правоотношения имеют определенные права и обязанности друг перед другом. Таким образом, субъект права относится к общему понятию, обозначающему способность иметь права и обязанности, в то время как субъект правоотношения относится к конкретным участникам конкретного правового отношения. «Субъект права» и «субъект правоотношения» выступают в качестве различных адресатов механизма правового регулирования. [2, с. 76]

Принято считать, что правосубъектность — это способность лица иметь и осуществлять, непосредственно или через своих представителей, субъективные права и юридические обязанности, то есть выступать субъектом правоотношений. Здесь стоит отметить, что правосубъектность — категория скорее собирательная. Анализ научных представлений разных авторов позволяет утверждать, что правосубъектность включает в себя различные элементы. Так, Малько А. В. и Матузов Н. И. включают следующие элементы:

- 1) правоспособность — заключается в том, что субъект имеет права и обязанности;
- 2) дееспособность — заключается в том, что субъект может действовать и действиями приобретать права и обязанности;
- 3) деликтоспособность, заключается в том, что субъект может самостоятельно нести ответственность за деликты — совершенные правонарушения;

4) вменяемость — осознание значения своих действий и оценивание их последствий. [5, с. 94].

Большое количество учёных сходятся во мнении, что деликтоспособность и вменяемость выделенные названными авторами входят в понятие «дееспособность». А авторы выделяют эти элементы лишь для более глубокого его изучения. Однако при детальном рассмотрении отдельных элементов, составляющих в итоге правосубъектность, можно убедиться, что они имеют гораздо большее значение. Например, обладая полной дееспособностью, не всегда можно обладать возможностью нести ответственность за свои противоправные действия. Такой нонсенс возможен даже в случае, когда для этого имеются все основания и соблюдены все условия юридической ответственности.

В переводе с латинского языка *delictum* означает «правонарушение». Однако люди, нарушающие нормы права, неизбежно сталкиваются с неблагоприятными последствиями. Законодатель не признаёт действия таких лиц деликтами (детей, психически больных).

Деликтоспособность — это способность участника гражданских правоотношений нести ответственность за невыполнение обязанностей или несоблюдение запретов, установленных в нормативных правовых актах или договорами между сторонами.

Как говорилось ранее, для ученых вопрос о соотнесении понятий «деликтоспособность» и «правосубъектность» является спорным. В юридической доктрине существуют два основополагающих мнения:

Первое: деликтоспособность входит в понятие дееспособности. А. В. Пянькин в своей научной статье рассматривает деликтоспособность как один из основных элементов гражданской дееспособности. По его мнению, деликтоспособность — это способность нести ответственность за причинённый вред, в частности за внедоговорной вред, то есть за совершённый деликт (гражданское правонарушение). [4, с. 492] Это означает, что собственно возможность субъекта действовать, воплощать в жизнь права и исполнять обязанности приводит к ответственности. Допустим, в силу психического отклонения гражданин не имеет права участвовать в сделке, следовательно, он не может приобретать никаких обязательств и, как конечный результат, не способен нарушить договорённости.

Считаю, деликтоспособность — это самостоятельный элемент правосубъектности наряду с правоспособностью и дееспособностью. Данная точка зрения представляется более обоснованной.

Административная деликтоспособность также имеет свои особенности, например, связанные с возрастом физических лиц, или с наказаниями за административные правонарушения, которые могут применяться к юридическому лицу, которые носят исключительно имущественный характер. Деликтоспособность — категория, тесно связанная с субъективной стороной правонарушения и, конкретно, с категорией вины, которая является

ведущим признаком деликтоспособности физического лица. Применительно к юридическому лицу в правовой литературе высказываются различные мнения о наличии вины как неотъемлемого элемента его деликтоспособности.

Российское законодательство не предусматривает уголовной деликтоспособности юридических лиц. Основным показателем деликтоспособности физических лиц выступает возраст. Юридическая ответственность во всех её проявления наступает только с того возраста, который определён законом для субъекта правонарушения.

Итак, правосубъектность означает способность быть субъектом права и включает в себя следующие компоненты:

1. Правоспособность: признаваемая государством возможность субъекта обладать правами и обязанностями, предусмотренными законом.

2. Дееспособность: способность приобретать права и обязанности и осуществлять их в результате юридически значимых действий.

3. Деликтоспособность: способность гражданина (юриди- лица) нести самостоятельную правовую ответственность за совершенное им правонарушение (деликт).

Основанием для выделения деликтоспособности в отдельную категорию и причиной считать ее отдельным элементом правосубъектности может послужить следующее: современный мир развивается каждую секунду. Новые технологии, новые открытия, новые задачи. Повсеместно во все сферы нашей жизни ворвался искусственный интеллект (далее ИИ). Ему можно поручить: ответы на во-

просы клиентов; составление отчетов; проверку информации; сбор данных и многое другое. Не остается в стороне и отправление правосудия.

На данном этапе в юридическом поле ИИ рассматривается как инструмент или программное обеспечение, а ответственность за его действия возлагается на человека или организацию, которые его создали, контролируют или используют. То есть деликтоспособен человек или организация.

Итак, деликтоспособность — сложный правовой и социальный феномен, непосредственно связанный с субъектом права, правоотношением, дееспособностью, правонарушением. Основная дискуссия, касающаяся места деликтоспособности в структуре правосубъектности разворачивается в сфере ее соотношения с дееспособностью.

Почву для научных дискуссий дал закон. В законе прямо не закреплено понятие правосубъектности, как в прочем и понятия деликтоспособности. Как и соотношение дееспособности и деликтоспособности. В ст. 21 ГК РФ дееспособность определяется как «способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их». [1, ст.21] Из этого законодательно закрепленного понятия вытекает то, что дееспособность — это действие (о бездействии в данной норме не упоминается).

В законодательстве не используется, ни понятия правосубъектности, ни понятия деликтоспособности. При этом вопрос о соотношении дееспособности и деликтоспособности не является определенным.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-Ф (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025); «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301, // СПС Консультант плюс.
2. Жильникова Е. В. Проблемы разграничения понятий «Субъект права» и «субъект правоотношения» статья в журнале — научная статья Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 74–77. ISSN 1997–292X <http://www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/20.html>
3. Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности / Ассоц. «Юридический центр». 2-е изд., перераб. и доп.- СПб.: Юрид.центр Пресс, 2004.
4. Пьянькин А. В. К вопросу об элементах гражданской дееспособности // Вестник науки. 2023. № 12 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-elementah-grazhdanskoy-deesposobnosti> (дата обращения: 11.04.2025).
5. Матузов Н. И., А. В. Малько Теория государства и права: учебник // Юристъ, 2004.
6. Осипова, С. В. Сделкоспособность несовершеннолетних в гражданском праве России: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.03
7. Чausская, О. А. Гражданское право для ССУЗов [Электронный ресурс]: учебник / О. А. Чausская. — Электрон. текстовые данные. — М.: Дашков и К, Ай Пи Эр Медиа, 2018. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/13856.html>. — Режим доступа: для авторизир. пользователей

Направления расследования изнасилований

Федорова Елизавета Дмитриевна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются основные направления последующего этапа расследования изнасилований, включая допрос свидетелей, предъявление подозреваемых для опознания и проведение различных видов судебных экспертиз. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим при доказывании случаев изнасилования с применением психического насилия, в том числе в ситуациях, когда преступление совершено знакомым потерпевшей лицом.

Автор подчёркивает значимость тщательного проведения каждого следственного действия, соблюдения процессуальных норм и учёта психологической составляющей при работе с потерпевшими. В статье отмечается, что сложность доказывания вины при психологическом насилии может затруднять раскрытие преступлений и вынесение обвинительного приговора. Кроме того, рассматриваются мотивы обращения потерпевших в правоохранительные органы и необходимость всестороннего изучения обстоятельств дела для установления истины и защиты прав всех сторон. Автор указывает на важность повышенного внимания при расследовании дел, в которых отсутствуют внешние следы преступления, а основанием для квалификации деяния в качестве изнасилования служит утверждение потерпевшей о психическом воздействии со стороны подозреваемого.

Ключевые слова: изнасилование, предварительное расследование, тактика расследования

Направления последующего этапа расследования изнасилований включают ряд мероприятий, которые проводятся после выполнения первоначальных следственных действий и розыскных мероприятий. К основным направлениям относится, в частности, допрос свидетелей. В ходе данного следственного действия следователь опрашивает лиц, которые могут обладать информацией, важной для расследования. Свидетели могут быть очевидцами происшествия или знать какие-то детали, способные помочь в раскрытии преступления.

Ещё одним направлением является предъявление подозреваемых лиц для опознания потерпевшей. Данная процедура проводится в том случае, если подозреваемые не были выявлены или не предъявлялись для опознания на первоначальном этапе расследования. При этом важно учитывать, что ошибки в предъявлении подозреваемого на опознание могут стать причиной отмены обвинительных приговоров. Поэтому следственное действие должно проводиться с особой осторожностью: необходимо строго соблюдать процессуальные нормы, тщательно подбирать лиц для предъявления на опознание, исключать возможность внушения или подсказки со стороны следователя.

По моему мнению, особую значимость в расследовании изнасилований имеет именно тщательность проведения каждого следственного действия. Малейшие нарушения процессуальных норм или ошибки в сборе доказательств могут не только привести к отмене приговора, но и позволить реальному преступнику избежать ответственности. Кроме того, важно учитывать психологическую составляющую: потерпевшие часто испытывают страх, стыд и другие сильные эмоции, которые могут влиять на достоверность их показаний. Поэтому следователям необходимо проявлять такт, деликатность и профессионализм при проведении всех следственных мероприятий.

Расследование изнасилований сопряжено с рядом существенных проблем, которые затрудняют эффективное

раскрытие и доказывание данных преступлений. Одной из ключевых проблем является сложность доказывания при психологическом насилии. В таких случаях внешне может создаваться впечатление добровольности полового акта, что существенно затрудняет как расследование, так и последующее доказывание вины в судебном порядке.

Важную роль в расследовании играют также судебные экспертизы, среди которых можно выделить, например, судебно-медицинскую экспертизу потерпевшей и подозреваемого, экспертизу вещественных доказательств, например, одежду, на которой могут быть следы преступления, а также другие виды экспертиз, которые определяются в зависимости от конкретных обстоятельств дела, важное значение при этом имеет в том числе судебно-психологическая экспертиза, которая позволяет установить в том числе состояние потерпевшей на момент совершения в отношении нее преступления [2, С.173].

В контексте рассматриваемой проблематики особое внимание следует уделить анализу случаев изнасилования, совершенных с применением психического насилия. Если преступление совершено незнакомым лицом и сопровождалось угрозой физического насилия, то факт совершения преступления, как правило, не вызывает сомнений. В такой ситуации основные усилия следственных органов направлены на идентификацию подозреваемого и сбор доказательств его вины.

Вместе с тем существуют ситуации, когда потерпевшая подаёт заявление об изнасиловании, совершенном знакомым ей лицом. В этих случаях подозреваемый не отрицает факт половой связи, но утверждает, что она произошла на основе обоюдного согласия. Именно такие уголовные дела представляют значительную сложность для расследования. В подобных обстоятельствах критически важным является выяснение мотивов, побудивших потерпевшую обратиться в правоохранительные органы. Необходимо установить, имело ли место реальное изна-

силование (что возможно даже при отсутствии внешних следов преступления), или же заявление могло быть подано по иным причинам, например, из желания отомстить за отказ в вступлении в брак или за разрыв отношений, по настоянию родителей потерпевшей, в корыстных целях и т. д. [3, С.78]

Таким образом, задача следственных органов заключается не только в доказывании вины подозреваемого, но и в объективном выяснении всех обстоятельств дела, что позволит установить истину и защитить права как потерпевшей, так и подозреваемого.

К сожалению, иногда в практике встречаются случаи, когда принципы справедливости (а порой и законности) не находят должного воплощения. В качестве примера можно привести ситуацию, когда в правоохранительные органы поступает заявление (от самой потерпевшей или её родителей) об изнасиловании, сопровождавшемся угрозами убийства или причинения телесных повреждений. При этом на теле и одежде потерпевшей внешние следы преступления отсутствуют. Однако в ходе судебно-медицинского освидетельствования выявляются биологические следы, принадлежащие подозреваемому. При этом подозреваемый признаёт факт половой связи с потерпевшей, но настаивает на том, что она произошла по обоюдному согласию, и отрицает применение какого-либо насилия или высказывание угроз. В таких ситуациях процесс сбора доказательств, хотя и требует тщательного подхода, не представляет собой непреодолимых сложностей.

С целью минимизации вероятности ошибочных выводов при рассмотрении дел об изнасиловании необходимо придерживаться повышенного уровня внимательности в случаях, когда заявление подано в отношении лица, знакомого потерпевшей, на теле и одежде потерпевшей отсутствуют какие-либо телесные повреждения или иные внешние следы насилиственных действий, в качестве основания для квалификации деяния в качестве изнасилования потерпевшая указывает исключительно на психическое воздействие со стороны подозреваемого.

В подобных ситуациях считаем целесообразным осуществлять максимально тщательный подход начиная с этапа приёма заявления о преступлении и далее — в процессе его проверки и расследования. Особое внимание на данных этапах должно быть направлено на всестороннее изучение обстоятельств дела, анализ представленных потерпевшей сведений и сопоставление их с другими данными, имеющими значение для расследования.

Ещё одной проблемой является традиционный фокус на доказательствах физического насилия вместо акцента на факте несогласия жертвы на половую связь, что может приводить к недооценке случаев изнасилования, в которых отсутствуют явные физические следы. Несогласие жертвы — юридически значимый критерий, и его установление должно быть приоритетом для следствия, однако на практике внимание зачастую уделяется именно физическим следам насилия, что снижает эффективность выявления и пресечения данных преступлений.

Формирование следов преступления в делах об изнасиловании представляет собой сложную задачу, обусловленную рядом факторов — физиологическими особенностями и спецификой обстановки, предшествовавшей совершению преступления. На начальной стадии расследования изнасилований следователи зачастую сталкиваются с дефицитом доказательственной базы. В связи с этим крайне важно скрупулёзно анализировать всю информацию, которая может иметь отношение к следам преступления.

Особую сложность для доказывания представляет ситуация, когда необходимо установить факт насилиственной половой связи между лицами, ранее состоявшими в интимных отношениях. Определение данного факта на основании соответствующих экспертиз и анализов может быть затруднительно [1, С.300].

Кроме того, существуют проблемы с возбуждением уголовного дела. Отсутствие физического сопротивления со стороны жертвы или запоздалое обращение в правоохранительные органы нередко становятся причиной отказа в возбуждении уголовного дела, что создаёт дополнительные препятствия для защиты прав потерпевших и привлечения виновных к ответственности.

По моему мнению, для преодоления указанных проблем необходимо пересмотреть подходы к оценке доказательств, сделав акцент на факте несогласия жертвы, а не только на наличии физического насилия. Также важно учитывать, что жертвы изнасилований часто испытывают страх, стыд и другие сильные эмоции, которые могут влиять на их решение обратиться в правоохранительные органы и на качество предоставляемых ими показаний.

Одной из проблем расследования изнасилований является сложность в установлении причин отсутствия сопротивления со стороны жертвы. Жертва может не оказывать сопротивления по различным причинам, среди которых — страх за свою жизнь, угроза применения насилия в будущем, состояние шока или беспомощности. Данные обстоятельства могут быть неверно истолкованы как согласие на половой акт, что существенно затрудняет расследование и приводит к недооценке серьёзности ситуации.

Ещё одной проблемой является возможность оговора. Хотя заявления об изнасиловании в большинстве случаев правдивы, существуют ситуации, когда они могут быть ложными, что требует от следственных органов проведения тщательной проверки, что, в свою очередь, может затруднять расследование и порождать дополнительные сложности, в том числе репутационного характера.

Кроме того, значительное затруднение в расследовании представляет различное толкование обстоятельств дела сторонами. Жертва и подозреваемый зачастую по-разному объясняют произошедшее, что затрудняет сбор прямых доказательств и требует глубокого анализа комплекса косвенных улик. Различие в восприятии событий может быть обусловлено не только умышленным исказением фактов, но и субъективностью восприятия, психологическим состоянием участников и другими фактами.

рами. Также важно учитывать, что жертвы изнасилований часто испытывают сильный страх, стыд и другие эмоционально тяжёлые состояния, которые влияют на их способность чётко излагать факты.

Литература:

1. Алексеев Р. Л., Винниченко А. С. Особенности оценки показаний потерпевшей при расследовании дел об изнасиловании // Академическая публицистика. 2022. № 6–1. С. 295–301.
2. Иванов А. В. Особенности производства судебно-психологических экспертиз при расследовании изнасилований // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2022. Т. 18. С. 172–176.
3. Петросян М. А. Некоторые проблемные вопросы расследования уголовных дел об изнасиловании // Юриспруденция: теория и практика. 2024. № 4. С. 76–81.

Решение данных проблем потребует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, повышение квалификации кадров и работу с общественным мнением.

Процессуальные особенности назначения и производства судебной экспертизы в различных видах судопроизводства

Черняк Дмитрий Александрович, студент магистратуры

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

Статья посвящена сравнительному анализу процессуальных особенностей назначения и производства судебной экспертизы в различных видах судопроизводства Российской Федерации. Рассматриваются специфические черты института судебной экспертизы в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессах, выявляются общие закономерности и принципиальные различия в правовом регулировании. Автор исследует механизмы инициирования экспертизы, права участников процесса, порядок распределения судебных расходов и процессуальные гарантии, обеспечивающие достоверность экспертных заключений и защиту прав участников судопроизводства.

Ключевые слова: судебная экспертиза, процессуальные особенности, виды судопроизводства, заключение эксперта, процессуальные гарантии, состязательность процесса, специальные знания.

Судебная экспертиза представляет собой процессуальное действие, направленное на получение доказательств путём исследования материалов дела лицами, обладающими специальными знаниями в науке, технике, искусстве или ремесле. Значение экспертизы в современном судопроизводстве трудно переоценить, поскольку усложнение общественных отношений и развитие технологий требуют привлечения специалистов для разрешения вопросов, выходящих за пределы компетенции правопримениеля. Каждый вид судопроизводства имеет собственную процессуальную регламентацию назначения и производства экспертизы, что обусловлено спецификой защищаемых интересов, принципами процесса и характером рассматриваемых споров.

Уголовное судопроизводство характеризуется наиболее детальной регламентацией института судебной экспертизы, что объясняется повышенными требованиями к защите прав личности в условиях применения мер государственного принуждения [2]. Основания для назначения экспертизы на стадии предварительного расследования определяются необходимостью установления обстоятельств, имеющих значение для дела, когда

требуются специальные знания. Инициаторами назначения выступают следователь или дознаватель, которые выносят соответствующее постановление. Законодатель предусмотрел обязательное назначение экспертизы в ряде случаев, например, для установления причин смерти, характера и степени вреда здоровью, психического или физического состояния подозреваемого при наличии оснований сомневаться в его вменяемости, возраста обвиняемого при невозможности установления его иным путем.

Процесс вынесения постановления о назначении экспертизы предполагает чёткое формулирование вопросов, подлежащих разрешению, указание оснований для назначения, выбор экспертного учреждения или конкретного эксперта. Права участников процесса при назначении экспертизы закреплены законодательством весьма подробно. Подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и их представители обязательно знакомятся с постановлением о назначении экспертизы, что обеспечивает реализацию принципа состязательности даже на досудебных стадиях. Указанные участники вправе заявить отвод эксперту при наличии оснований сомневаться в его беспри-

страстности или компетентности, ходатайствовать о постановке дополнительных вопросов перед экспертом, присутствовать при производстве экспертизы с разрешения следователя.

Процедура предупреждения эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения выступает важной гарантией достоверности экспертного исследования. Эксперт подписывает соответствующую подпись, которая приобщается к материалам дела. При производстве экспертизы в судебном заседании суд выносит определение о назначении экспертизы, формулируя вопросы с учётом мнений сторон. Эксперт предупреждается судом об ответственности, приносит присягу и получает материалы для исследования. Стороны обвинения и защиты могут задавать эксперту вопросы после оглашения заключения, что способствует всестороннему исследованию обстоятельств дела [4].

Гражданское судопроизводство строится на принципе состязательности сторон, что существенно влияет на порядок назначения судебной экспертизы. Инициатива назначения экспертизы, как правило, исходит от лиц, участвующих в деле, которые подают соответствующее ходатайство. Суд рассматривает ходатайство и принимает решение о необходимости проведения экспертизы с учётом обстоятельств дела и позиций сторон. Стороны обладают широкими полномочиями на стадии подготовки к проведению экспертизы: могут предлагать вопросы, которые должны быть разъяснены экспертом, представлять своих кандидатов в качестве экспертов или предлагать конкретные экспертные учреждения.

Суд при назначении экспертизы в гражданском процессе выносит определение, в котором указывает наименование экспертного учреждения или фамилию, имя, отчество эксперта, вопросы, поставленные перед экспертом, материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта. Окончательное определение круга вопросов остаётся прерогативой суда, который может отклонить вопросы, предложенные сторонами, если сочтёт их не относящимися к делу, выходящими за пределы компетенции эксперта или сформулированными некорректно. Выбор конкретного эксперта или экспертного учреждения также осуществляется судом, однако предложения сторон принимаются во внимание.

Распределение расходов на проведение экспертизы в гражданском процессе подчиняется общему правилу о возмещении судебных издержек. Сторона, заявившая ходатайство о назначении экспертизы, обязана внести денежные средства на депозит суда для оплаты вознаграждения эксперту. При отказе или уклонении стороны от внесения денежных средств суд может отклонить ходатайство о назначении экспертизы. В окончательном виде расходы на экспертизу распределяются пропорционально удовлетворённым требованиям, что означает возложение бремени расходов на проигравшую сторону.

Участие сторон в процессе производства экспертизы обеспечивается правом присутствовать при проведении

исследований с разрешения суда и согласия эксперта, давать объяснения эксперту, знакомиться с заключением до судебного заседания. После получения заключения суд предоставляет сторонам возможность ознакомиться с ним, заявить возражения, ходатайствовать о назначении дополнительной или повторной экспертизы. Вызов эксперта в судебное заседание для дачи пояснений производится по инициативе суда или по ходатайству лиц, участвующих в деле.

Арбитражный процесс демонстрирует схожесть с гражданским судопроизводством в части регламентации экспертизы, однако отличается большей диспозитивностью и самостоятельностью сторон [1]. Стороны арбитражного процесса обладают расширенными возможностями по определению условий проведения экспертизы. По соглашению между собой они могут выбрать конкретного эксперта или экспертную организацию, определить круг вопросов, распределить обязанности по внесению денежных средств для оплаты экспертизы. Арбитражный суд, как правило, учитывает волеизъявление сторон и назначает экспертизу на согласованных ими условиях.

Вместе с тем законодатель предусмотрел случаи, когда арбитражный суд может назначить экспертизу по собственной инициативе без соответствующего ходатайства сторон. Такая возможность представляет исключение из общего принципа диспозитивности и применяется в ситуациях, когда назначение экспертизы необходимо для правильного разрешения спора, проверки заявления о фальсификации доказательства или при рассмотрении дел, связанных с государственной тайной. Суд обязан вынести определение о назначении экспертизы, мотивировав необходимость её проведения.

Порядок производства экспертизы в арбитражном процессе предполагает активное участие сторон в формулировании вопросов, представлении материалов эксперту, контроле за ходом экспертного исследования. Стороны вправе ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц или о проведении экспертизы в конкретном экспертном учреждении. Суд рассматривает такие ходатайства и принимает решение с учётом необходимости обеспечения объективности и полноты исследования. Внесение денежных средств на депозит суда для выплаты вознаграждения эксперту осуществляется по правилам, аналогичным гражданскому процессу.

Административное судопроизводство регулирует порядок рассмотрения дел об оспаривании нормативных и ненормативных правовых актов, решений, действий или бездействия органов публичной власти, должностных лиц [3]. Специфика административного процесса заключается в необходимости обеспечения баланса между правами граждан и публичными интересами, что обуславливает активную роль суда в сборе и исследовании доказательств. Назначение судебной экспертизы в административном судопроизводстве во многом схоже с порядком, установленным для гражданского процесса, однако имеет определённую специфику.

Суд в административном процессе вправе по собственной инициативе назначить экспертизу, если сочтёт необходимым разъяснение вопросов, требующих специальных знаний. Такая активность суда направлена на устранение неравенства между гражданином и органом публичной власти, которому доступны значительные ресурсы для обоснования своей позиции. Административный истец может ходатайствовать о назначении экспертизы на общих основаниях, предлагая вопросы и кандидатуры экспертов. Административный ответчик также обладает правом заявлять соответствующие ходатайства.

Суд при назначении экспертизы выносит определение, содержащее указание на обстоятельства, для установления которых назначается экспертиза, вопросы, поставленные перед экспертом, сведения об эксперте или экспертом учреждении. Расходы на проведение экспертизы распределяются по правилам о судебных издержках с учётом специфики административного судопроизводства. Проигравшая сторона возмещает другой стороне все понесённые по делу судебные расходы, включая расходы на проведение экспертизы. При частичном удовлетворении требований расходы распределяются пропорционально.

Сравнительный анализ процессуальных особенностей назначения и производства судебной экспертизы в различных видах судопроизводства позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия. Общим для всех видов процесса является требование о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, что гарантирует добросовестность экспертного исследования. Заключение эксперта во всех процессах оценивается судом наравне с другими доказательствами и не имеет заранее установленной силы. Суд проверяет соблюдение процессуального порядка назначения экспертизы, компетентность эксперта, научную обоснованность применённой методики и соответствие выводов исследовательской части заключения.

Ключевые различия касаются определения инициатора назначения экспертизы. В уголовном процессе следователь, дознаватель или суд выступают основными субъектами, принимающими решение о назначении экспертизы. В гражданском и арбитражном процессах инициатива исходит преимущественно от сторон, хотя суд сохраняет возможность назначения экспертизы по собственному усмотрению в исключительных случаях. Административное судопроизводство занимает промежуточное положение, предоставляя суду более широкие полномочия по инициированию экспертизы для защиты прав граждан.

Степень вовлечённости сторон в формирование заявления для эксперта варьируется в зависимости от вида процесса. Уголовное судопроизводство обеспечивает участникам процесса право знакомиться с постановлением о назначении экспертизы и заявлять ходатайства, однако окончательное решение принимает следователь или суд. Гражданский и арбитражный процессы предо-

ставляют сторонам более широкие возможности влиять на определение круга вопросов и выбор эксперта. Арбитражный процесс характеризуется максимальной диспозитивностью, позволяя сторонам по соглашению определять условия проведения экспертизы.

Распределение судебных расходов на проведение экспертизы также различается. В уголовном процессе расходы на экспертизу несёт государство как часть процессуальных издержек по делу. В гражданском, арбитражном и административном процессах действует принцип возмещения судебных расходов, согласно которому сторона, заявившая ходатайство, первоначально авансирует оплату, а окончательное распределение производится по результатам рассмотрения дела. Проигравшая сторона, как правило, возмещает расходы на экспертизу победившей стороне, что стимулирует разумное использование процессуальных инструментов.

Различаются также формы процессуальных документов, которыми оформляется назначение экспертизы. В уголовном процессе выносится постановление следователя, дознавателя или определение суда. В гражданском, арбитражном и административном процессах суд выносит определение о назначении экспертизы. Содержание процессуальных документов регламентировано соответствующими кодексами и включает обязательные реквизиты, обеспечивающие правовую определённость и возможность обжалования.

Подводя итоги, следует констатировать, что процессуальная форма назначения и проведения судебной экспертизы представляет собой универсальный правовой институт, адаптированный под специфические задачи и принципы каждого вида судопроизводства. Уголовный процесс с его императивностью и акцентом на публичные интересы детально регламентирует каждую стадию экспертного исследования, предоставляя при этом участникам процесса широкие права на участие в назначении экспертизы. Гражданское и арбитражное судопроизводство, базирующиеся на состязательности и диспозитивности, делегируют сторонам значительные полномочия по инициированию и определению условий проведения экспертизы. Административный процесс стремится обеспечить баланс интересов, наделяя суд активной ролью в назначении экспертизы для защиты прав граждан перед лицом публичной власти. Такая дифференциация процессуальной регламентации обеспечивает гибкость правосудия, позволяя эффективно использовать экспертные знания для установления обстоятельств дела с учётом природы спорных правоотношений и целей конкретного вида судопроизводства. Защита прав всех участников процесса достигается через систему процессуальных гарантий, включающих право заявлять ходатайства, знакомиться с заключением эксперта, оспаривать выводы и требовать назначения дополнительных исследований, что в конечном счёте способствует вынесению законных и обоснованных судебных актов.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС Консультант Плюс
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // СПС Консультант Плюс
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС Консультант Плюс
4. Сорокотягин, И. Н. Судебная экспертиза: учебник и практикум для вузов / И. Н. Сорокотягин, Д. А. Сорокотягина. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 288 с.

Процессуальная природа и доказательственное значение заключения эксперта в судопроизводстве

Черняк Дмитрий Александрович, студент магистратуры

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

В статье исследуется проблема процессуальной природы и доказательственного значения заключения эксперта в судебном процессе. Автор выявляет противоречие между законодательно закрепленным принципом свободной оценки доказательств и фактической невозможностью суда критически оценить научную обоснованность экспертного заключения ввиду отсутствия специальных познаний. Обосновывается необходимость введения института консультанта суда по специальным вопросам, который должен помогать суду в оценке методологической корректности экспертного исследования без подмены судебного усмотрения. Предлагаемое решение позволит обеспечить реальную, а не формальную оценку экспертных доказательств и повысить качество правосудия.

Ключевые слова: судебная экспертиза, заключение эксперта, оценка доказательств, специальные познания, консультант суда, процессуальная природа доказательств, принцип свободной оценки доказательств.

Заключение эксперта занимает особое место в системе судебных доказательств, представляя собой результат специального исследования, проведенного лицом, обладающим специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла. Процессуальная природа данного доказательства определяется его двойственным характером: с одной стороны, заключение формируется в рамках строго регламентированной процедуры судебной экспертизы, с другой стороны, содержит выводы, основанные на применении специальных познаний, находящихся за пределами компетенции суда.

Законодатель определяет экспертизу как процессуальное действие, состоящее в проведении исследования и даче заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Процессуальная форма судебной экспертизы включает назначение экспертизы компетентным органом, определение круга вопросов, предоставление материалов для исследования, соблюдение прав участников процесса, процессуальное оформление результатов и возможность допроса эксперта [1].

Доказательственное значение заключения эксперта обусловлено тем, что оно способно устанавливать юридически значимые факты, которые невозможно выявить без применения специальных познаний. Эксперт исследует материальные объекты, документы, применяет научные методики и формулирует выводы о наличии или отсутствии определенных обстоятельств. В отличие от других доказательств, заключение эксперта содержит не только фактические данные, но и их научную интерпретацию, логическое обоснование выводов, описание примененных методов исследования.

Вместе с тем процессуальное законодательство закрепляет принцип свободной оценки доказательств, согласно которому заключение эксперта не имеет заранее установленной силы и оценивается судом наряду с другими доказательствами. Суд не связан выводами эксперта и может не согласиться с ними при наличии мотивированных сомнений в правильности или обоснованности заключения. Данное положение призвано обеспечить независимость суда в оценке доказательств и предотвратить подмену судебного усмотрения экспертным мнением.

Однако именно здесь возникает центральная проблема, связанная с процессуальной природой и доказательственным значением заключения эксперта. Суд, не обладая специальными познаниями в соответствующей

области, объективно не может в полной мере оценить научную обоснованность примененных экспертом методов, правильность их применения, достоверность полученных результатов и корректность сделанных выводов. Формально провозглашая право суда на критическую оценку заключения эксперта, процессуальное законодательство не предоставляет суду реальных инструментов для такой оценки. Судья вынужден либо некритически принимать выводы эксперта, фактически придавая заключению статус преюдициального доказательства, либо отвергать их по формальным основаниям без понимания сути вопроса.

Проблематика данной ситуации проявляется в многочисленных судебных решениях, где суды ограничиваются констатацией того, что заключение эксперта соответствует требованиям процессуального закона, составлено компетентным лицом, не содержит противоречий и согласуется с другими доказательствами по делу. При наличии нескольких противоречащих друг другу экспертиз заключений суды зачастую механически отдают предпочтение одному из них без реального анализа научной обоснованности различающихся выводов. Назначение повторных и дополнительных экспертиз часто не решает проблему, поскольку суд оказывается перед выбором между мнениями различных экспертов, не имея критериев для этого выбора [2].

Недостаточность компетенции суда в оценке научной составляющей экспертного заключения создает риски вынесения неправосудных решений. В делах, где экспертное заключение играет ключевую роль в доказывании, некритическое восприятие судом выводов эксперта может привести к осуждению невиновного или оправданию виновного в уголовном процессе, к неправомерному распределению бремени доказывания в гражданском судопроизводстве. Особенно остро данная проблема стоит в случаях применения новых, недостаточно апробированных экспертных методик, при исследовании сложных объектов на стыке различных областей знания, при даче вероятностных заключений.

Проблема усугубляется тем, что стороны процесса также не всегда обладают достаточными познаниями для критического анализа заключения эксперта и формулирования обоснованных возражений против него. Право на допрос эксперта, предусмотренное процессуальным законодательством, часто остается формальным, поскольку участники процесса не знают, какие вопросы следует задать эксперту для проверки обоснованности его выводов. Назначение экспертизы по инициативе стороны в состязательном процессе требует значительных финансовых затрат, что ограничивает возможности реализации принципа состязательности применительно к экспертным доказательствам.

Для решения выявленной проблемы представляется целесообразным введение института консультанта суда по специальным вопросам. Суть предлагаемого решения заключается во включении в процесс специалиста, об-

ладающего познаниями в соответствующей области, который не проводит самостоятельного исследования и не дает заключения по существу вопросов, поставленных перед экспертом, но помогает суду оценить научную обоснованность представленного экспертизного заключения. Консультант суда должен разъяснить судье содержание примененных экспертом научных методов, их надежность и признание в соответствующем научном сообществе, корректность применения методики в конкретном случае, обоснованность промежуточных и итоговых выводов эксперта.

Процессуальный статус консультанта суда должен отличаться как от статуса эксперта, так и от статуса специалиста в его нынешнем понимании. Консультант не исследует материалы дела и вещественные доказательства, не применяет специальные методы к объектам исследования, не формулирует собственных выводов о наличии или отсутствии юридически значимых обстоятельств. Консультант изучает представленное экспертное заключение как документ, анализирует описанную в нем методику исследования, оценивает логику рассуждений эксперта и помогает суду понять, насколько выводы эксперта научно обоснованы и достоверны.

Консультант суда должен представлять письменное мнение, в котором излагается оценка научной обоснованности экспертного заключения, указываются выявленные методологические недостатки или подтверждается корректность примененной методики, разъясняется содержание специальных терминов и понятий, используемых экспертом. Мнение консультанта не является доказательством по делу, но служит инструментом, позволяющим суду осуществить реальную, а не формальную оценку экспертного заключения. Стороны должны иметь право знакомиться с мнением консультанта, заявлять возражения, задавать вопросы консультанту в судебном заседании [3].

Введение института консультанта суда позволит разрешить противоречие между принципом свободной оценки доказательств и фактической невозможностью суда критически оценить научную составляющую экспертного заключения. Суд получит квалифицированную помощь в понимании специальных вопросов без делегирования консультанту полномочий по оценке доказательств. Решение будет основано на внутреннем убеждении судьи, но сформированном на основе реального понимания существа экспертного исследования, а не слепого доверия или необоснованного скептицизма.

Предлагаемое решение требует внесения изменений в процессуальное законодательство, определяющих статус консультанта суда, порядок его назначения, права и обязанности, процессуальную форму его участия в деле, правовую природу его мнения. Необходимо также создание механизма подбора консультантов, формирование реестра специалистов, готовых выполнять данную функцию, определение требований к их квалификации и порядка оплаты их труда. Внедрение института консультанта суда

должно осуществляться постепенно, с первоначальной аprobацией в наиболее сложных категориях дел, где экспертиза играет решающую роль.

Процессуальная природа заключения эксперта как доказательства особого рода требует создания адекватных механизмов его судебной оценки. Простое провозглашение права суда критически оценивать любые доказательства недостаточно в ситуации, когда содержание доказательства основано на специальных познаниях, ко-

торыми суд не обладает. Введение института консультанта суда представляет собой способ преодоления данного противоречия без отказа от принципа независимости суда в оценке доказательств и без превращения экспертного заключения в неопровергимое доказательство. Подобное решение будет способствовать повышению качества правосудия, обеспечению реальной состязательности в исследовании экспертных доказательств и укреплению доверия к судебной системе.

Литература:

1. Сорокотягин, И. Н. Судебная экспертиза: учебник и практикум для вузов / И. Н. Сорокотягин, Д. А. Сорокотягина. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 288 с.
2. Судебные экспертизы в уголовном процессе: учебник для вузов / ответственный редактор Н. Н. Ильин. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 212 с.
3. Огнерубов, Н. А. Специальные знания в уголовном судопроизводстве: учебник для вузов / Н. А. Огнерубов. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 92 с.

Проблемы совершенствования судебного порядка рассмотрения жалоб на отказ в возбуждении уголовного дела

Чехова Валентина Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Торбин Юрий Григорьевич, доктор юридических наук, профессор
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье автор исследует некоторые проблемы совершенствования судебного порядка рассмотрения жалоб на отказ в возбуждении уголовного дела.

Ключевые слова: жалоба, судебный порядок, процессуальные сроки, судебный контроль, гарантии прав заявителя.

Право на обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, регулируется главой 16 УПК РФ. В частности, ст. 125 УПК РФ предусматривает судебный порядок рассмотрения жалоб, в том числе на постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Правом на обжалование постановления дознавателя, следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела наделены в соответствии со ст. 123 УПК РФ участники уголовного судопроизводства, а также иные лица в той части, в которой указанное процессуальное решение затрагивает их интересы.

Как разъясняет Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 28.06.2022) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» такими иными лицами являются, например: поручитель, лицо, которому несовершеннолетний отдан под присмотр, залогодатель, заявитель, которому отказано в возбуждении уголовного дела, лицо, чье имущество изъято в ходе досудебного производства по делу.

Вместе с тем существует ряд проблем при реализации судебного контроля на данном этапе. Одной из ключевых проблем при рассмотрении жалоб на отказ в возбуждении уголовного дела является соблюдение сроков при судебном рассмотрении такой жалобы. Срок, установленный в изначальной редакции УПК РФ, составлял 5 суток. Такая длительность была обусловлена пониманием законодателя о необходимости быстрого реагирования на нарушения, происходящие на досудебном этапе, так как в процессе сбора первичной информации и доказательств, скорость принятия решений имеет огромное значение, а допущенные ошибки по прошествии времени могут не подлежать исправлению.

Однако на практике столь короткий срок оказался для судебной системы практически неисполнимым. Так, например, В. Г. Глебов приводит в своей работе статистические данные за 2005–2013 гг. Он указывает, что из 1471 материала по жалобе, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, в пятидневный срок были рассмотрены только 71 материал [1, с. 78].

Для устранения сложившегося положения Федеральным законом «О внесении изменений в УПК РФ» от

29 декабря 2022 г. № 608-ФЗ [7, ст. 55] срок рассмотрения жалобы судом был увеличен до 14 суток (кроме дознания в сокращенной форме), что нашло процессуальное закрепление в ч. 3 ст. 125 УПК РФ. Однако на практике по-прежнему возникают случаи затягивания рассмотрения жалоб.

По мнению Е. А. Кузнецовой, одной из причин нарушения установленных до декабря 2022 г. УПК РФ сроков, в соответствии с которыми срок составлял до 5 суток, являлась загруженность судов, в связи с чем она полагает, что увеличение сроков способно решить проблему их нарушения. [2, с. 46].

Вместе с тем анализ актуальной судебной практики некоторых регионов, полученной на основании исследования карточек судебных дел и материалов опубликованных на официальном портале судов общей юрисдикции г. Москвы, а также карточек судебных дел и материалов, опубликованных на официальных сайтах Смоленского районного суда Смоленской области, Московского районного суда г. Санкт-Петербурга и др. показал, что увеличенные в 2022 году сроки также зачастую нарушаются, что свидетельствует о низкой эффективности принятых мер в виде изменения нормативного срока. Проблема, по нашему мнению, заключается скорее в недостатке организационных ресурсов, доступных судам общей юрисдикции.

Об этом свидетельствует опыт других регионов, суды которых по общему правилу рассматривают жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ без подобных нарушений. Так, например, анализ карточек судебных дел и материалов по рассмотрению жалоб на решения, действия (бездействия), принятые на досудебных стадиях уголовного производства, опубликованные на официальных сайтах Западнодвинского межрайонного суда г. Западная Двина в Тверской области, Лахденпохского районного суда Республики Карелия, не показал существенных нарушений сроков рассмотрения жалоб.

Е. А. Кузнецова также обращает внимание на загруженность судей и организационный характер описанной проблемы. Она выдвигает два пути решения, среди которых увеличение сроков, рассмотренное выше (статья опубликована до внесения изменений в законодательство, которыми срок рассмотрения большинства жалоб увеличен до 14 суток), а также передача контроля над предварительным расследованием по жалобам другому органу [2, с. 47]. При этом Е. А. Кузнецова не конкретизирует, о каком органе идет речь.

Однако, на наш взгляд, никакой другой орган, кроме судебного, не сможет обеспечить в действующей в Российской Федерации правовой системе достаточного уровня независимости, справедливости и беспристрастности при рассмотрении жалоб на действия (бездействия) и решения, принимаемые на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Нам близка позиция К. В. Васильева, который предлагает иной путь решения проблемы соблюдения сроков проверки, а именно регламентацию срока ответа и представления материалов от органа, должностного лица, ре-

шение об отказе в возбуждении уголовного дела которого обжалуется.

К. В. Васильев указывает, что в случае законодательного закрепления срока для ответа следственного органа, последний стремился бы к более тщательному поиску материалов проверки в гораздо более сжатые сроки [3, с. 51].

Подобную проблему также обозначает и Э. С. Миргородская. Проведенное ею исследование показывает, что материалы, запрошенные судом в рамках рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, предоставляются в срок от 3 до 30 суток [4, с. 949–950].

В приказе Следственного комитета Российской Федерации от 9 января 2017 г. № 2 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации» [8] содержится норма о своевременном представлении в суд запрашиваемых документов.

Однако исследователи считают, что более строгое закрепление срока для всех ведомств, то есть закрепление в УПК РФ, является целесообразным [1, с. 79].

При этом мы полагаем, что одно только закрепление в нормах УПК РФ такого срока не может стать ключом к решению проблемы без механизмов, которые будут обеспечивать их реальное соблюдение. Такой механизм предусмотрен ч. 4 ст. 29 УПК РФ, в соответствии с которой при нарушении закона, допущенном при производстве дознания, предварительного следствия, суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер. Суд вправе вынести частное определение или постановление и в других случаях, если признает это необходимым.

Однако частные определения и постановления в отношении органов предварительного расследования — это редко используемый инструмент судебного контроля, хотя и обладающий значительным потенциалом для улучшения качества расследования.

Согласно данным Судебного департамента ВС РФ институт частных определений применяется крайне редко. Так, например, в 2023 году районные суды вынесли 81 частное определение по 727,2 тыс. оконченных уголовных дел, что составило примерно 1 определение на 9 тысяч дел. При этом частных определений, вынесенных в связи с нарушением закона в стадии дознания и следствия было лишь 22 [9].

Иным механизмом контроля может быть денежное взыскание, предусмотренное ст. 117 и 118 УПК РФ. Но если аналогичные нормы, предусматривающие судебный штраф не в смысле денежного взыскания, назначаемого судом при освобождении лица от уголовной ответственности, а в смысле, применяющимся в порядке гл. 8 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ) и ст. 122 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ), хотя и редко, но

применяются, то применение денежного взыскания в уголовном процессе крайне редко.

Более того, максимальная сумма в 2500 рублей, установленная еще в 2008 году Федеральным законом «О внесении изменений в статьи 103 и 117 УПК РФ, статьи 119 и 227 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 11.06.2008 г. № 85-ФЗ [7, ст. 2798], по нашему мнению, также требует пересмотра как недостаточная.

Существуют и другие предложения внедрения механизмов контроля за соблюдением установленного срока, несомненно, вызывающие интерес. Например, предоставить суду право на вынесение решения об удовлетворении жалобы в случае непредставления органом расследования материалов в установленный срок со ссылкой на данное обстоятельство [3, с. 51].

Такое радикальное решение могло бы способствовать расширению принципа состязательности сторон, закрепленного в ст. 15 УПК РФ, и на досудебный этап уголовного судопроизводства.

Вместе с тем такой способ вступает в противоречие с одной из научных позиций по вопросу рассмотрения особенностей доказывания в рассматриваемом виде судебно-контрольного производства. Так, Э. Р. Миргородская справедливо обращает внимание на то, что требования, изложенные в ч. 4 ст. 7 УПК РФ применимы и к постановлениям, выносимым в рамках ст. 125 УПК РФ, а именно требование о законности, обоснованности и мотивированности постановления. По ее мнению, «вынесение законного, обоснованного, мотивированного решения по делу подразумевает под собой исследование всех доказательств непосредственно в судебном заседании и изложение их в постановлении» [5, с. 76–77].

Вынесение решения по существу рассмотрения жалобы без получения и исследования судом доказательств (учитывая разницу между пониманием доказательств при рассмотрении уголовного дела по существу и доказательств, положенных в основание отказа в возбуждении уголовного дела), противоречит установлению законности и обоснованности изначального решения об отказе в возбуждении уголовного дела, которое обжалуется.

Поскольку совершенствование судебного порядка рассмотрения жалоб на отказ в возбуждении уголовного дела эффективно лишь в случае комплексных изменений, то, как нам представляется, процессуальные сроки должны быть определены и в тех случаях, когда жалоба не подлежит рассмотрению, и судья намеревается отказать в ее принятии или возвратить заявителю. Очевидно, что в данном случае не требуется дополнительного времени на истребование доказательств, подготовку к судебному заседанию, своевременное извещение заинтересованных лиц и обеспечение их процессуальных прав. Соответственно, увеличенный срок рассмотрения жалоб в описанных случаях не отвечает интересам заявителя, так как является лишь очередной причиной, затягивающей срок

получения решения самим заявителем и принятия им дальнейших шагов для защиты своих прав [3, с. 51].

В связи с изложенным мы разделяем позицию К. В. Васильева, который предлагает дополнить ч. 3 ст. 125 УПК РФ следующим положением: «По жалобам, не подлежащим рассмотрению судом, процессуальное решение принимается не позднее чем через 5 суток со дня поступления жалобы».

Еще одной проблемой, являющейся предметом внимания законодателя и Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ), является многократная повторяемость вынесения отказов в возбуждении уголовного дела и их отмен в порядке прокурорского надзора или в судебном порядке, что становится препятствием к реализации прав и свобод граждан, чьи интересы затрагиваются вынесенными и отмененными решениями.

Пытаясь урегулировать вопросы затягивания момента возбуждения уголовного дела, КС РФ неоднократно указывал на недопустимость последующего вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела на тех же основаниях, что и ранее отмененное решение [10].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановление от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» внес изменения 28 июня 2022 г., в которых указал: когда из жалобы усматривается, что обжалуемое постановление, отмененное руководителем следственного органа или прокурором, ранее также отменялось ими с последующим вынесением следователем (дознавателем) аналогичного решения, судья принимает такую жалобу к рассмотрению. В случае установления неправомерного бездействия органов, осуществляющих проверку сообщения о преступлении или предварительное расследование, судья принимает решение об удовлетворении жалобы и в своем постановлении, принятом в соответствии с п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ, обязывает соответствующее должностное лицо устраниТЬ допущенное нарушение закона.

Несмотря на это в практической деятельности не исключается возможность повторного отказа в возбуждении уголовного дела. Фактически заявители о преступлении не защищены от многократного вынесения решений об отказе в возбуждении уголовного дела в рамках одного сообщения о преступлении, даже когда имеется основание для возбуждения уголовного дела [6, с. 158].

Так, например, Останкинский районный суд г. Москвы вынес постановление от 1 октября 2025 г. по делу № 3/12-163/2025, которым было установлено, что постановление о возбуждении уголовного дела по сообщению о преступлении заявителя было вынесено дважды, и дважды отменено прокурором, пришел к следующему выводу. Доказывая о бездействии должностных лиц ОМВД не нашли своего подтверждения, так как в момент вынесения постановления суда проверка по сообщению о преступлении не завершена.

Анализ судебной практики показывает, что отмена прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в период рассмотрения жалобы на это же постановление судом является эффективным способом избежания проведения независимого судебного контроля за деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование и проверку сообщения о преступлении.

Таким образом, несмотря на попытку урегулирования проблем, возникающих при судебном обжаловании действий (бездействий) и решений, принимаемых на досудебной стадии уголовного судопроизводства, глубокие системные проблемы правового регулирования еще не решены. Мы видим невозможность ее решения посредством механического увеличения процессуальных сроков.

На основании изложенного можно прийти к выводу о том, что предложенные решения о введении обязатель-

ного срока для предоставления органами расследования запрашиваемых судом материалов представляется наименее обоснованным подходом, поскольку устраниет причину задержек. Однако это требует сопровождения действенными механизмами контроля — расширением практики применения частных определений, введением судебных штрафов за волокиту или установлением сокращенного пятидневного срока для принятия решений об отказе в рассмотрении жалоб. Также критической проблемой остается недопустимо частое повторное вынесение отказов в возбуждении уголовного дела по одному и тому же сообщению о преступлении, что де-факто позволяет органам предварительного расследования и прокуратуре избежать независимого судебного контроля посредством отмены прокурором постановления об отказе в период, когда жалоба на это же постановление находится на рассмотрении судьи в порядке ст. 125 УПК РФ.

Литература:

- Глебов, В. Г. Сроки разрешения жалоб в порядке ст.125 УПК РФ / В. Г. Глебов. — Текст: непосредственный // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2014. — № 3 (30). — С. 76–80;
- Кузнецова, Е. А. Судебный порядок рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ как разновидность судебного контроля на досудебных стадиях / Е. А. Кузнецова. — Текст: непосредственный // Научный компонент. — 2020. — № 1 (5). — С. 42–49;
- Васильев, К. В. Новеллы правового регулирования судебного порядка рассмотрения жалоб (статья 125 УПК РФ) / К. В. Васильев — Текст: непосредственный // Студенческий научный электронный журнал StudArctic forum. — 2023. — Т. 8, № 3. — С. 50–58;
- Миргородская, Э. Р. Пути оптимизации рассмотрения судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ / Э. Р. Миргородская. — Текст: непосредственный // Эволюция российского права: материалы XX Международной научной конференции молодых ученых и студентов. — Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, 2022. — С. 948–952;
- Миргородская, Э. Р. Судебный порядок рассмотрения жалоб на стадии возбуждения уголовного дела: специальность 12.00.08 «Уголовно-правовые науки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Миргородская Э. Р.; ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)». — Нижневартовск, 2025. — 287 с. — Текст: непосредственный;
- Теория и практика возбуждения уголовного дела: учебное пособие / Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н., Собенин А. А. и др.; отв. ред. Масленникова Л. Н., Вилкова Т. Ю. — Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2022. — 288 с. — Текст: непосредственный.
- Собрание законодательства РФ, 02.01.2023, N 1 (часть I)
- Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 02.05.2017
- URL: <https://cdep.ru/index.php?id=80%2F&item=9163>
- Определение КС РФ от 31 марта 2022 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давудова Х.Ш. на нарушение его конституционных прав ч. 2, 3 и 3.3 ст. 61, ч. 1 и 3 ст. 144 и ч. 6 ст. 148 УПК РФ»

Способы противодействия расследованию и их криминалистическое значение

Шишов Андрей Владимирович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье представлен краткий обзор разработанных в криминалистической науке классификаций способов противодействия предварительному расследованию. Представленные классификации могут применяться практическими работниками для своевременного обнаружения и преодоления противодействия расследованию преступлений.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, субъекты противодействия, способы противодействия расследованию.

Как отмечается в криминалистической литературе, произошедшие в Российской Федерации в 90-е годы прошлого века социально-экономические изменения привлекли за собой резкий рост организованной преступной деятельности, а также трансформировали содержание деятельности по противодействию расследованию преступлений в том числе по причине появления новых способов противодействия. В свою очередь эти изменения способствовали развитию частного криминалистического учения (теории) о противодействии расследованию преступлений [1, 2, 3, 4, 5].

В данной статье под противодействием расследованию автор предлагает понимать определение, предложенное С. Ю. Журавлевым: «... это система действий (или бездействия), направленная на достижение цели скрытия преступления путем недопущения вовлечения его следов в сферу уголовного судопроизводства и их последующего использования в качестве судебных доказательств» [3, С. 27].

Говоря о системе действий, образующих противодействие расследованию, следует отметить, что их разнообразие определяется возможностями, которыми располагают субъекты противодействия на различных этапах расследования: техническими, психологическими, материальными и организационными. Отталкиваясь от возможностей субъектов противодействия и тех объектов, на которые направлены их усилия, можно выделить следующие группы способов противодействия:

1. Способы, направленные на источники криминалистически значимой информации: материальные (документы, вещественные доказательства, орудия совершения преступления) и идеальные (воздействие на лиц, обладающих информацией о обстоятельствах расследуемого события);

2. Способы, направленные на субъектов, принимающих участие в расследовании преступлений: следователя (дознавателя), их руководителей, лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, эксперты и специалисты;

3. Способы, направленные условия, в которых производится расследование.

Следует более детально изложить содержание действий заинтересованных субъектов в каждой из перечисленных групп.

Так, к способам противодействия, направленным на материальные источники информации, традиционно относят:

– утаивание информации и (или) ее носителей; может реализовываться в виде таких актов как уклонение от явки по вызову следователя, отказ от дачи показаний, умолчания об известных фактах в ходе производства допроса (очной ставки), проверки показаний на месте, опознания. Субъектами, которые прибегают к рассматриваемому способу противодействия, являются не только подозреваемые или обвиняемые, но также свидетели и потерпевшие. В. В. Поляков отмечает, что кроме указанных субъектов следует выделять дополнительных — следователей и иных должностных лиц, которые могут не отразить в материалах уголовного дела ставшие им известными обстоятельства [6, С. 72]. И. А. Николайчук предлагает дополнить содержание данного способа такими действиями как несообщение запрашиваемых сведений

– уничтожение информации о преступлении и (или) ее носителей. Как указывает И. А. Николайчук, такой способ может воздействовать сразу на несколько объектов: следы преступления, преступника, предмет посягательства, вещественные доказательства и документы [7, С. 81]. Выделяют полное и частичное уничтожение. Полное уничтожение объекта-следоносителя делает невозможным его восстановление и использование в расследовании. Частичное уничтожение, зачастую, направлено на воспрепятствование идентификации и снижению доказательственных возможностей следствия: использование моющих средств для уничтожения следов пальцев рук на предметах обстановки в помещениях или салоне автомобиля, отчленение кистей рук потерпевшего или расчленение трупа для создания препятствий при идентификации, удаление электронных документов или уничтожение flash-накопителей, содержащих электронные доказательства, сжигание помещения или трупа и т. п.;

– инсценировку. И. А. Николайчук характеризует данный способ противодействия как сложный, комплексный, целью которого является формирование у субъекта расследования ложных представлений о событии преступления или его элементах [7, С. 92]. К числу возможных действий, составляющих содержание рассматриваемого способа, ученый относит: замену всей обстановки места происшествия на соответствующую представлениям преступника о совершенном деянии, замену на месте происшествия или удаление отдельных объектов с места инсценировки (следы, предметы, документы), изменение пространственного расположения объектов для создания видимости иных действий участников, а также не связанные с изменениями материальной обстановки (например, мнимое безвестное исчезновение лица [7, С. 100–104]. Кроме перечисленных действий целесообразно принимать во внимание и классификацию инсценировок, предложенную Р. С. Белкиным [8, С. 271], имеющую значительное теоретическое и практическое значение;

– фальсификацию информации и (или) ее носителей. Традиционно к действиям заинтересованных лиц, прибегающих к рассматриваемому способу противодействия, относят: полную или частичную подделку документов, подмену или дублирование объектов, создание ложных

следов или вещественных доказательств, заведомо ложное показание, сообщение либо донос, а также ложное алиби [8, С.267];

– маскировку информации. Данный способ включает как взаимодействие с объектами для создания ложного представления о способе совершенного преступления (перемещение объектов, скрытие использования объекта иными действиями), так и действия, направленные на изменение внешности субъекта (смена цвета волос, одежды, особых примет).

Способы противодействия, оказывающие воздействие на субъектов расследования, включают:

– принуждение: может включать такие действия как шантаж (разглашение сведений, компрометирующих личную жизнь или деловую репутацию), причинение физического вреда самому субъекту или членам семьи (иным близким людям) или угрозы применения насилиственных действий, причинение вреда (или угроза причинения) имуществу субъекта или членам его семьи; создание неблагоприятных условий труда вышестоящим руководством или оказание давления со стороны лиц, обладающих какими-либо властными полномочиями (например, использование должностной или функциональной служебной зависимости, угрозы отстранение от расследования или проведения служебного расследования; формирование негативного общественного мнения при помощи средств массовой информации).

– подкуп — дача взятки (или покушение на такие действия), направленная на склонение субъекта расследования к принятию процессуальных решений в отношении доказательственной информации (фальсификация, маскировка) или оказание воздействия на свидетелей, потерпевших, специалистов или экспертов.

– дискредитацию доказательственного значения информации, полученной в ходе расследования. Так, В. В. Трухачев указывает на следующие способы противодействия, составляющие содержание рассматриваемой подгруппы: дискредитация объективности содержания доказательственной информации, процессуального порядка получения доказательственной информации, носителей и источников доказательственной информации [4, С. 137]. Чаще всего такие способы находят свое выражение в:

1) ложных заявлениях подозреваемых (обвиняемых) о применении в отношении них работниками правоохранительных органов физического либо психологического воздействия до проведения процессуальных действий;

2) о содержании в протоколах следственных действий искаженной информации, добавленной под влиянием иных лиц;

3) о фальсификации оперативными работниками носителей доказательственной информации;

4) о провокации, выразившейся в использовании работниками правоохранительных органов ложных материальных носителей доказательственной информации;

5) ложных ссылках на виктимное поведение потерпевших (при расследовании половых преступлений);

6) ложных ссылках на вымогательство взятки (при расследовании взяточничества);

7) об отсутствии разъяснения (неполного разъяснения) следователем подозреваемому (обвиняемому) его прав и обязанностей;

8) об отсутствии обеспечения дополнительных процессуальных гарантий лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство;

9) о наличии личной заинтересованности работника правоохранительных органов в получении конкретных доказательств. [4, С.137–141].

Наконец, группа способов, направленные условия, в которых производится расследование, включает в себя умышленные действия, не связанные с принуждением или оказанием давления на субъектов расследования — следователя или дознавателя. К там актам противодействия можно отнести:

– необоснованный отказ в принятии заявления и (или) регистрации заявления о совершении преступления;

– необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела;

– необоснованное освобождение от уголовной ответственности;

– необоснованный отказ надзорного органа от вынесения постановления о направлении материалов в следственные органы для возбуждения уголовного дела;

– получение подозреваемыми (обвиняемыми) информации о ходе и результатах расследования от информаторов в органах расследования.

Рассмотренная выше классификация и указанные способы противодействия предварительному расследованию не являются исчерпывающими. Вместе с этим следует отметить ее практическую направленность, а также потенциал к расширению и дополнению с учетом появляющихся и обнаруживаемых следователями способов противодействия расследованию.

Литература:

1. Бабаева Э. У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию: дисс... докт. юрид. наук. М. 2006.
2. Карагодин В. Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: автореф. дисс... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1992.
3. Журавлев С. Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию и тактика его преодоления: дисс... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 1992.

4. Трухачев В. В. Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации преступного воздействия на доказательственную информацию: дисс... докт. юрид. наук Воронеж, 2001.
5. Стулин О. Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: дисс... канд. юрид. наук. СПб. 1999.
6. Поляков В. В. Криминалистическая классификация способов противодействия расследованию высокотехнологичных преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика, №. 1 (63), 2023.
7. Николайчук И. А. Сокрытие преступлений как форма противодействия расследованию: дисс. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2000.
8. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т.3: учебное пособие для вузов в 3-х томах. 2001.

ИСТОРИЯ

История становления органов государственной безопасности в советский период

Бенько Станислав Александрович, студент

Научный руководитель: Ярмухамедов Ринат Фаридович, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье исследуются основные этапы формирования и развития системы органов государственной безопасности в советский период (с 1917 по 1991 годы). В ходе анализа определяются закономерности их генезиса и рассматриваются особенности деятельности в условиях происходящих на государственном и общественном уровне изменений.

Ключевые слова: федеральная служба безопасности, государственная безопасность, правоохранительная система.

History of the formation of state security agencies in the Soviet period

Benko Stanislav Aleksandrovich, student

Scientific advisor: Yarmukhamedov Rinat Faridovich, associate professor of the department of criminal procedure and prosecutor's supervision, a.a. khmyrov law faculty, kuban state university
Kuban State University (Krasnodar)

The article examines the main stages of the formation and development of the system of State Security Committee (KGB) during the Soviet period (from 1917 to 1991). The analysis identifies the patterns of their genesis and examines the specifics of their activities in the context of changes occurring at the state and public levels.

Keywords: Federal Security Service, state security, law enforcement system.

На сегодняшний день федеральная служба безопасности Российской Федерации занимает особенное место в рамках системы правоохранительных органов нашего государства, поскольку выполняет важную роль обеспечения государственной, общественной и национальной безопасности. В указанном аспекте значение её деятельности определяет, прежде всего, осуществление эффективной защиты государства от любых, как внутренних, так и внешних угроз (среди которых, например, терроризм, экстремизм, шпионаж, диверсии и прочие неблагоприятно воздействующие правовые явления).

Понимание современного состояния правового положения указанного органа государственной власти не представляется возможным без обращения к истории его возникновения и развития. Обуславливается это тем условием, что закономерности его трансформации напрямую связаны с изменениями в правовой системе на соответствующей стадии её совершенствования, а также с постоянно происходящей реформацией институтов власти, связываемой с особенностями общественной и государ-

ственной жизни, поскольку именно исторический анализ позволяет определить:

1) каким образом устанавливались функции, полномочия федеральной службы безопасности Российской Федерации;

2) как формировались основы правового статуса федеральной службы безопасности Российской Федерации, исходя из политических и социально-экономических условий, характерных для различных временных этапов, на протяжении которых осуществлялась её деятельность. Без такого анализа мы не сможем объективно оценить состояние существующих на сегодняшний день правовых механизмов регулирования деятельности органа, специфику его взаимодействия с другими государственными структурами и определить перспективы дальнейшего совершенствования его правового положения при продолжающемся развитии отечественной правовой системы.

На фоне возникшего 20 декабря 1917 года политического и социального кризиса, ставшего закономерным следствием Октябрьской революции, был издан декрет Совета народных комиссаров, на основании которого

с целью усиленной борьбы с контрреволюцией и саботажем создана Всероссийская чрезвычайная комиссия. Она признаётся первым в истории Советской России специализированным органом государственной безопасности, на который, исходя из положений, отраженных в одном из протоколов заседания Совета народных комиссаров (№ 21), возлагались такие задачи как:

1) пресечение, ликвидация всех, направленных против государственной власти, действий на территории страны вне зависимости от того, кто стоял за их организацией и реализацией. Комиссия должна была выявлять, пресекать и предотвращать любую деятельность, которую руководство большевиков рассматривало как угрозу для существовавшего на тот момент порядка;

2) обеспечение процедуры передачи нарушителей правопорядка под суд революционного трибунала. Комиссия наделялась правом вырабатывать конкретные меры противодействия саботажникам и контрреволюционерам, которые преимущественно имели чрезвычайный и репрессивный характер, дававший возможность оперативно реагировать на все возникавшие угрозы любыми доступными правоохранительному органу средствами.

По сути, комиссия обладала прерогативой непосредственно определять формы «революционного правосудия», имевшего тогда особое значение при отсутствии устоявшейся судебной системы, которая могла бы обеспечивать полноценную защиту государственных и общественных ценностей;

3) проведение предварительного расследования, однако в пределах, необходимых для пресечения саботажа. Комиссия занималась реализацией преимущественно чрезвычайных мер реагирования, не проводя комплексное судебное следствие, поскольку её приоритетом в рамках этого направления признавалось не столько полное расследование обстоятельств конкретной ситуации, сколько оперативное подавление угрозы. Это показывало особое положение органа, отличавшее её от иных правоохранительных и судебных структур, поскольку её деятельность опиралась на принцип революционной целесообразности, допускавший некоторые отступления от установленной законодателем процедуры, если того требовала защита интересов революции [1].

Всероссийская чрезвычайная комиссия просуществовала до 6 февраля 1922 года. За годы существования (под руководством Ф. Э. Дзержинского) она эффективно выполняла задачи в области противодействия спекуляции, обеспечению продовольственной безопасности и надзора за исполнением революционных законов. Кроме того, в период Гражданской войны комиссия стала одним из главных инструментов «красного террора».

ВЧК была сформирована как организация со строгой подчинённостью и дисциплиной (беспрекословное подчинение приказам и др.). Структура аппарата ВЧК отражала актуальные на тот период цели и задачи, которым была подчинена работа органа государственной безопасности. Аппарат ВЧК состоял из Информационного, Орга-

низационного отделов. В декабре 1917 образован Отдел по борьбе со спекуляцией, в марте 1918 — Отдел по борьбе с преступлениями по должностям. В дальнейшем организованы пограничные ЧК (май 1918 — июнь 1919 года), транспортные ЧК. В июне 1918 образован Военный штаб ВЧК. Решением Бюро ЦК РКП(б) 19 декабря 1918 года создан Военный контроль (орган военной контрразведки) и фронтовые ЧК объединены в Военный отдел (с января 1919 Особый отдел ВЧК). Созданы армейские Особые отделы, положение о которых утверждено ВЦИК РСФСР 06 февраля 1919 года. Осенью 1919 года создан институт особых полномоченных Особых отделов ВЧК. В состав ВЧК входили также Следственный (с ноября 1918 года), Оперативный (с декабря 1918 года), сотрудники которого осуществляли проведение обысков, арестов, устройство засад и др., а с января 1921 — Секретно-оперативное управление (контрразведка, работа против представителей бывших оппозиционных партий и др.), Экономическое управление (борьба с экономическими преступлениями) [6].

Впоследствии на базе комиссии было сформировано Государственное политическое управление. К этому моменту вооружённое противостояние, продолжавшееся на протяжении Гражданской войны, стало завершаться — главные центры вооружённой контрреволюции уже были ликвидированы, и советская власть укрепила своё влияние на большей территории государства. Ранее осуществлявшему «чрезвычайному» управлению постепенно на смену пришли более стабильные формы государственного и правоохранительного управления, что соответствовало тенденциям создания устойчивой советской государственности.

Следует, что преобразование Всероссийской чрезвычайной комиссии в Государственное политическое управление ознаменовало собой переход от практики абсолютных чрезвычайных полномочий к структуре, работающей на системной, правовой основе, пусть и продолжавшей выполнять задачи по охране государственной безопасности. Ввиду этого, полномочия управления составляли такие направления деятельности как:

- 1) борьба с контрреволюцией, шпионажем, диверсиями, политическим бандитизмом и иными угрозами государственной власти;
- 2) розыск и разоблачение антисоветских организаций и групп;
- 3) обеспечение безопасности государственных границ и транспортной инфраструктуры;
- 4) наблюдение за деятельностью лиц и организаций, представляющих потенциальную опасность для государства;
- 5) контрольная деятельность по обеспечению государственной тайны [2].

Однако в отличие от предшествовавшей структуры, управление было ограничено в части применения внесудебных репрессий. Беря во внимание отсутствие необходимости оперативной реакции на угрозы общественного и государственного порядка, было определено, что такого

рода меры наказания должны применяться в соответствии с решением судебных органов.

Осенью 1923 года Президиум Центрального исполнительного комитета СССР принял постановление о создании Объединённого государственного политического управления, которое аналогично ранее функционировавшим органам государственной безопасности находилось в подчинении Совета Народных Комиссаров. Данное решение объясняется завершением процесса объединения советских республик в единое союзное государство — СССР, в результате которого была остро выделена необходимость централизовать и унифицировать деятельность всех правоохранительных структур, поскольку такой подход позволил бы обеспечить эффективную координацию борьбы с государственными угрозами в масштабах всего Союза.

Просуществовало Объединённое политическое управление вплоть до 1934 года, после чего, представляя один из основных органов безопасности, стало составляющей Народного комиссариата внутренних дел СССР. Так, в течение последующего десятилетия его структура неоднократно менялась: в 1941 году Народный комиссариат внутренних дел СССР был подразделен на две самостоятельные структуры — это Народный комиссариат внутренних дел СССР и Народный комиссариат государственной безопасности СССР (он же просуществовал до 1946 года, тогда как первый комиссариат был упразднён в 1943 году) [3].

В марте 1946 года после проведения масштабной реформы советской системы управления, Народный комиссариат государственной безопасности преобразован в Министерство государственной безопасности СССР. Данная концепция отразила переход от военного устройства правовой системы к её в некотором смысле «мирным» проявлениям (в форме, конечно, министерств), что предопределяло создание новых правоохранительных структур в период после окончания Великой Отечественной войны. Вместе с этим, каких-либо существенных различий в аспекте деятельности указанного государственного органа не было: Министерство государственной безопасности сохранило преемственность функций комиссариата, продолжив осуществлять борьбу с преступлениями против государства, обеспечивать контрразведку, охранять руководство страны, поддерживая режим секретности в части вопросов, что составляли предмет государственной тайны.

После смерти И. В. Сталина в марте 1953 года, советское руководство озадачилось вопросом соотношения функций правоохранительных органов в рамках обеспечения государственной и внутренней безопасности.

Литература:

1. В 1917 году Владимир Ильич Ленин подписал Указ о создании ВЧК. — Текст: электронный // Securitylab: [сайт]. — URL: https://www.securitylab.ru/informer/240647.php?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyfa.ru%2F (дата обращения: 19.06.2025).

Связано это с обострившейся необходимостью усилить централизованный контроль над существовавшими структурами для уменьшения чрезмерной автономии отдельных ведомств, которые за последние годы привели к злоупотреблению властными полномочиями, выразившемуся в чрезмерно применявшимся со стороны государственных органов безопасности репрессиях [4].

В итоге, было принято решение о создании Министерства внутренних дел СССР. Структура объединила задачи в части обеспечения общественной безопасности, противодействия увеличению уровня преступности, контроля за функционированием иных органов, представлявших правоохранительную систему советского периода. Не менее значительное внимание уделялось, в том числе реализации разведывательной, контрразведывательной и охранной деятельности.

Ещё спустя год был учреждён Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР, перенявший полномочия предшествовавшего государственного органа безопасности. Просуществовал он вплоть до 1991 года, пока находящимся у власти М. С. Горбачёвым не был подписан Закон «О реорганизации органов государственной безопасности», на основании положений которого комитет прекращал своё существование, а на смену ему приходили Межреспубликанская служба безопасности и Центральная служба разведки СССР.

В течение последующих нескольких лет, учитывая сложное состояние нашего государства, связанное с распадом СССР, структура государственных органов безопасности подвергалась постоянным изменениям. Лишь в 1995 году был принят Федеральный закон «О федеральной службе безопасности», на основании которого был сформирован одноименный орган, который и по сей день продолжает функционировать, выполняя различные задачи в части:

- 1) ведения контрразведывательной деятельности;
- 2) борьбы с терроризмом;
- 3) борьбы с преступностью;
- 4) осуществления разведывательной деятельности;
- 5) реализации пограничной деятельности;
- 6) обеспечения информационной безопасности [5].

Таким образом, исторические этапы становления федеральной службы безопасности, характеризующие советский период, позволяют отметить, что закономерности развития указанного органа определялись общественными и государственными тенденциями. Их последовательная смена предопределила основы современного представления правового статуса федеральной службы безопасности Российской Федерации, заложив основы обеспечения каждого направления её деятельности.

2. Мадатов, О. Я. Эволюция органов государственной безопасности России: исторический анализ от ВЧК до ФСБ / О. Я. Мадатов. — Текст: непосредственный // Genesis: исторические исследования. — 2025. — № 2. — С. 53–79.
3. История создания федеральной службы безопасности Российской Федерации. — Текст: электронный // Официальный сайт федеральной службы безопасности Российской Федерации: [сайт]. — URL: <http://www.fsb.ru/fsb/history.htm> (дата обращения: 19.06.2025).
4. Охотин, Н. Г. О масштабе политических репрессий в СССР при Сталине: 1921–1953 / Н. Г. Охотин. — Текст: электронный // Демоскоп weekly: [сайт]. — URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit01.php> (дата обращения: 19.06.2025).
5. О федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6300.
6. Плеханов А. М. Всероссийская чрезвычайная комиссия // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2020); https://old.bigenc.ru/military_science/text/2334634 Дата обращения: 19.09.2025

Предпосылки первого раздела Речи Посполитой и российская дипломатия

Гембух Галина Александровна, учитель истории и обществознания

МБОУ ООШ № 60 села Новопокровского м. о. Крымский район имени В. И. Лихоносова (Краснодарский край)

В статье рассматриваются события, которые привели к исчезновению самостоятельного польского государства, во многом определили течение европейской истории на протяжении многих десятилетий и даже веков. До сих пор ведется поиск ответственных за эти события. В объективном рассмотрении всех аспектов этих исторических событий заложены решения нынешней нормализации польско-российских отношений, которые веками отправлялись своеобразной исторической памятью польского народа, в которой Россия рисовалась агрессором. Тем самым, данное исследование обладает значительной политической актуальностью. Кроме того, в исторической науке идут непрекращающиеся споры вокруг оценок причин, событий и последствий разделов Польши. Новые подходы способны внести определенные сдвиги в понимании событий XVIII в., дать толчок новым поискам исследователей. В этом несомненная научная актуальность выбранной тематики.

Ключевые слова: Екатерина II, Пруссия, Никита Иванович Панин, Турция, Речи Посполитая, Русско-турецкая война.

Практически сразу после восшествия на российский престол новой императрице Екатерине II пришлось уделить повышенное внимание внешнеполитическим делам. Это был вынужденный шаг: ведь за время своего непродолжительного царствования предыдущий император и муж Екатерины Алексеевны Петр III кардинальным образом поменял вектор внешнеполитического курса Российской империи. Во многом именно его пропруссская ориентация — как во внешней, так и во внутренней политике — стали одними из причин, которые привели к его низложение и возведение на престол его супруги.

При этом первые шаги Екатерины II в области внешней политики были продолжением мероприятий предыдущего монарха: она подтвердила условия мира с Пруссией и вывела российские войска из Пруссии. Однако уже в год своего восшествия на престол ее мероприятия стали свидетельствовать о начале выработки новой концепции российской внешней политики, основанной на принципе господства интересов России во взаимоотношениях с иностранными государствами [1, с. 207]. Это, в частности, означало, что Российская империя в решении своих дел вокруг Польши не будет действовать в интересах Австрийской империи, о чём опо-

редованно был оповещен австрийский посланник граф Мерси Д'Аржанто [2, с. 134]. В то же время окружение императрицы давало понять прусской дипломатии, что решение польских дел будет решаться не без участия Пруссии [13].

А внимание российской императрицы к польским делам было вполне обоснованным. Впрочем, этот вопрос стоял на повестке дня прусской и австрийской дипломатии, а вот Россия в лице Петра I стремилась лишь установить свой контроль над этим своеобразным государством, стоящим на рубеже Запада и Востока, на рубеже католического и православного миров. Поэтому долгое время Россия выступала против планов различных соседних государств по расчленению польско-литовского государства, а с 1717 г. фактически стала гарантом сохранения польской государственности и вершительницей ее внутриполитических дел. Не лишним будет отметить, что одним из важнейших вопросов, который должен был обсудить принц Генрих с русской императрицей, был щекотливый вопрос с будущим браком сына и наследником Екатерины II Павла Петровича, которому вот-вот должно было исполниться 18 лет. Некоторые при дворе, и в первую очередь, граф Панин, который в свое время был воспи-

тателем великого князя, рассчитывали, что Павел будет претендовать на положение соправителя Екатерины II по достижение им совершеннолетия. Именно в ходе этого визита было достигнуто соглашение о браке Павла с наследницей близкого и союзного Пруссии графства Гессен-Дармштадт Вильгельминой; после крещения — Натальей Алексеевной. Таким незамысловатым образом Екатерина II обеспечила себе самодержавную власть вплоть до своей кончины [3].

Что касается самих переговоров по поводу судьбы Польши, то сам принц Генрих позднее утверждал, что разговор об этом в шутливом тоне начала сама Екатерина II буквально накануне отъезда прусского принца обратно на родину. Екатерина как бы в шутку напомнила о том, что австрийцы уже установили пограничный контроль над некоторыми польскими территориями, и шутя предложила прусской стороне поступить аналогично. В этом разговоре принял участие и граф И. Г. Чернышев, также «игриво» предложивший Пруссии занять Вармию на западе Пруссии [4, с. 181]. С этого «шутливого» момента можно начинать отсчет официальным переговорам между Пруссией и Россией о разделе Польши, к которым чуть позднее присоединилась и Австрийская империя. Чуть ли не единственным противником предполагаемого раздела Польши и участия в этом процессе Австрии продолжал оставаться Н. И. Панин. Поколебать его пытались многие, в том числе — прусский посланник В. Ф. Сольмс. Последний старался доказать, что раздел Польши и участие в нем Австрии является чуть ли не единственным условием заключение благополучного мира с Османской империей. В. Ф. Сольмс делал акцент и на том, что раздел Польши — вынужденная мера, обусловленная недостойным поведением ее жителей по отношению к России [5].

Н. И. Панин осторожно возражал, приводил самые разные аргументы — от дальнейшего осложнения ситуации в Польши до усиления антирусских настроений в Турции. Н. И. Панин предостерегал В. Ф. Сольмса в том, что те люди, которые сейчас выступают «локомотивами» раздела польского государства, в случае обострения ситуации «умоют руки», что может привести к обострению или даже разрыву взаимоотношений между Екатериной II и Фридрихом II [6, с. 72].

В мае 1771 г. прошло ожидаемое Н. И. Паниным обсуждение вопроса раздела Польши и участия в нем России в рамках Государственного совета. Основным докладчиком на нем выступил Н. И. Панин, который информировал его членов о том, что Австрия и Пруссия уже фактически аннексировали (или желают аннексировать) часть польских земель, прилегающих к их границам. В этой ситуации России не остается ничего, кроме как присоединиться к этому «движению» и забрать себе Польскую Лифляндию и тем самым получить удобные рубежи с Польшей по рекам. В качестве компенсации за утрачиваемые территории было логичным уступить Польше права на Молдавию и Валахию [6, с. 73]. При этом основной целью раз-

дела он видел в обеспечении заинтересованности Вены и Берлина в заключении выгодного России мира с Османской империей, а также в нормализации внутриполитической ситуации в Польше. Можно говорить о том, что с лета 1771 г. Н. И. Панин из противника раздела Польши начал превращаться в активного участника дипломатической игры вокруг русско-турецкой войны и заключения между этими государствами мирного договора. Суть игры заключалась в том, что Берлин умышленно преувеличивал роль австрийской позиции по поводу русско-турецкой войны. В условиях, когда летом 1771 г. Австрия неожиданно заключила с воюющей с Россией Османской империей, совместные усилия Пруссии и России в вопросе раздела Польши могли стать дополнительным рычагом давления на Австрийскую империю. Н. И. Панин напрямую заявил, что план по разделу Польши будет реализован Пруссии и Россией вне зависимости от того, присоединится к нему Австрия, останется в стороне или выступит против этого проекта [6, с. 75]. При этом до того времени, как Австрия вступила в соглашение с Пруссией и Россией по поводу разделов Польши, все, что было связано с этим проектом, было максимально засекречено. До определенного времени ни одной из дипломатических миссий европейских государств в Петербурге не удалось сколько-нибудь приоткрыть эту завесу секретности и узнать хоть какие-либо подробности планов раздела Польши.

В этих условиях российским внешнеполитическим ведомством было принято решение начать консультации с венским двором сразу по двум направлениям. В Петербурге сам Н. И. Панин вел переговоры с австрийским посланником по поводу заключение мира с Османской империей, а в Вене русский посланник Д. И. Голицын обсуждал с главой австрийского внешнеполитического ведомства В. А. фон Кауницем вопросы вокруг Польши. Итогом этих консультаций стало заверение австрийской стороны в том, что она будет способствовать заключению мира между Россией и Турцией, а также не будет «против» раздела польских территорий [7, с. 48].

Таким образом, начавшиеся разделы Речи Посполитой были отражением комплекса проблем европейской политики, сложившихся после Тридцатилетней войны в Западной и Центральной Европе. Сложившийся на территории между Рейном и Эльбой своеобразный вакум власти стремились заполнить ведущие западноевропейские державы. С началом XVIII в. в их число вошла и Россия, для которой ко времени вступления на престол Екатерины II стало возможным решить комплекс российско-польских проблем.

Разрешение «польской проблемы» Екатерина II рассматривала в комплексе задач, стоявших перед внешней политикой страны. Среди них первоочередными были задачи нейтрализации влияния Османской империи, выхода к черноморским проливам и обеспечение контроля над ними. Т. е. «польская проблема» решалась в контексте «восточного вопроса» — как отечественной, так и западноевропейской дипломатией.

Литература:

1. История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России с Наполеоном). — Москва: Международные отношения, 1998. — 304 с. — ISBN 5-7133-0956-8.
2. Виноградов, В. Н. Дипломатия Екатерины Великой / В. Н. Виноградов. — Новая и новейшая история. — 2001. — № 3. — С. 131–150.
3. Павленко, Н. И. Екатерина Великая / Н. И. Павленко // Электронная библиотека «ЛитМир»: [сайт]. — 2020. — URL: <https://www.litmir.me/br/?b=160853&p=1> (дата обращения: 27.10.2020). Кантор Л. М. Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1991. С. 89
4. Туполев, Б. М. Фридрих II, Россия и первый раздел Польши / Б. М. Туполев // Новая и новейшая история. — 1997. — № 5. — С. 168–195.
5. Граф Сольмс королю, Санкт-Петербург, 18 февраля (1 марта) 1771 года / Дипломатическая переписка прусских послов и посланников при русском дворе / Сборник Императорского Русского исторического общества. В 180 томах. Т. 37. — Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1883. — 733 с. — С. 388–390.
6. Стегний, П. В. Первый раздел Польши и российская дипломатия / П. В. Стегний // Новая и новейшая история. — 2001. — № 1, 2.
7. Ивонин, Ю. Е. Венцель Антон Кауниц / Ю. Е. Ивонин. — Вопросы истории. — 2007. — № 4. — С. 27–50.

Уменьшение роли женщин в культе синто: от сакрального авторитета к ритуальной периферии

Тимохин Кирилл Артемович, студент

Научный руководитель: Якушкина Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент
Воронежский государственный университет

Историческая траектория роли женщин в синто, олицетворяемая фигурой мико (巫女), представляет собой не линейную эволюцию, а процесс глубокой трансформации с выраженной тенденцией к деградации сакрального статуса и духовного авторитета. Суть проблемы заключается в фундаментальном противоречии: несмотря на изначально центральную роль мико как посредниц с божественным (ками), их исторический вклад систематически недооценивается, а их современная функция уменьшена до декоративно-обслуживающей.

Ключевые слова: жрицы, жрицы-мико, синтоизм.

Целью данной статьи является исследование роли жриц-мико в истории Японии.

Задачи:

1. Анализ статуса жриц-мико в период Хэйан.
2. Анализ статуса жриц-мико в период Эдо.
3. Анализ статуса жриц-мико в период Мэйдзи.

Основная часть

Древнейшие пласты японской религиозности демонстрируют не просто присутствие, а доминирование женщин в сфере сакрального. Архаичный шаманизм, предшествовавший формализации синто, был по сути женским феноменом. Это определялось самой природой их связи с ками: способность к «камигакари» (神懸かり — нисхождению/вселению божества) рассматривалась как врождённый женский дар, связанный с жизненной силой, плодородием и интуитивным знанием [1, с. 150]. Мико не были просто служительницами культа; они были живыми проводницами божественной воли, чей трансцендентный опыт лежал в основе общинного благополучия.

Эта гегемония имела глубокие социокультурные корни. Так, например, Бекер акцентирует связь ранних мико с культом Аматэрасу — солнечного божества, чьим земным воплощением выступала верховная жрица [2, с. 83]. Этот символизм не случаен: солнце как источник жизни ассоциировалось с творящим женским началом. Функции мико, а именно прорицание, целительство, обеспечение урожая, общение с предками, охватывали все ключевые аспекты существования общины, делая их незаменимыми фигурами. В системе народных верований (民俗信仰 — минзоку синко) мужские ритуалы часто ограничивались воинской или охотничьей сферой, тогда как жизнеобеспечивающие практики находились в ведении женщин. Таким образом, сакральный авторитет мико был не привилегией, а отражением их фундаментальной роли в поддержании космического и социального порядка.

Однако появление и стремительное возвышение онмёдо в периоды Нара и Хэйан [3, с. 3] стало не просто конкуренцией религиозных систем, а **инструментом последовательного перераспределения религиозной власти**

по гендерному признаку. Суть конфликта можно заключить в противопоставлении двух парадигм:

1. «Женское» шаманство мико: Основанное на непосредственном, интуитивном, эмоциональном и телесном переживании божественного (транс, одержимость, спонтанное пророчество). Его сила — в прямой связи с ками, но его сложно контролировать и институционализировать.

2. «Мужское» знание онмёдзи: Основанное на письменной традиции, сложных астрологических расчетах, заимствованной китайской концепции Инь-Ян, формализованных ритуалах. Его сила — в рациональности, предсказуемости и пригодности для обслуживания нужд государства.

Онмёдзи искусно использовали этот контраст, позиционируя свои практики как «научные» (основанные на учёности) и «цивилизованные» в противовес «дикому», «неконтролируемому» и «суеверному» шаманизму мико. Можно утверждать, что это был дискурс легитимации власти через знание, доступ к которому, ввиду необходимости изучения китайской грамоты и сложных текстов, изначально был легче для мужчин элиты. Как следствие, не без помощи одного из самых известных онмёдзи эпохи Хэйан — Абэ-но Сэймэя и его помощи аристократам Японии [4, с. 14–15], онмёдзи монополизировали ключевые функции при императорском дворе и в аристократической среде: предсказание судьбы, защита от злых духов, определение благоприятных сроков и мест.

Важно подчеркнуть: онмёдо не «вытеснило» шаманизм мико в народной среде. Оно маргинализировало его в пространстве официальной, государственно значимой религии. Мико были вытеснены из центров власти, их сакральный авторитет был поставлен под сомнение новой «рациональной» моделью. Это и есть суть сдвига гендерных ролей: функции, бывшие исключительной прерогативой женщин, особенно прорицание и экзорцизм, были присвоены мужчинами.

Онмёдо стало катализатором и частью более широкого процесса — усиления патриархата, усилию роли конфуцианства в системе социальных норм и формированию раннего государственного синто, где управление основными ритуалами постепенно переходило к мужчинам-каннуси и отчасти к буддистам [5, с. 2].

Периоды Камакура, Муромати и Эдо ознаменовали дальнейшую систематическую девальвацию статуса жен-

щины, а следовательно и мико, превращавшую их из сакральных фигур в объект контроля, так закон «Статейные установления Токугава» в 1616 году лишь ограничил женщин в целом, что свидетельствуется в положениях 50, 59, 60 [6, с. 25, 26], а также в «Кодекс из статей» 1742 года в положениях 46, 47, 52 [6, с. 41], при этом акцентируя в других статьях роль и власть мужчин.

Реформы Мэйдзи и создание Государственного синто (国家神道 — Кокка Синто) стали кульминацией процесса десакрализации мико, завершившим их превращение в подчиненных ритуальных исполнителей. Идеология Кокка Синто требовала «рациональной», подконтрольной государству религии, служащей целям национализма и модернизации. Шаманизм мико, с его интуитивностью, непредсказуемостью и сильной женской составляющей, стал антиподом этой идеологии [7, с 301]. Практики камлания, прямого общения с ками и духами, прорицания были объявлены «нецивилизованными суевериями», подлежащими искоренению как противоречащие «истинному» духу синто и прогрессу. Вновь возвратившийся в эпоху Мэйдзи департамент по земным и небесным делам Дзингикан (神祇官) целенаправленно подавляя эти элементы, лишая мико их сакральной сущности [8, с. 124].

То, что осталось от фигуры мико, было инструментализировано. Их белое кимоно и красная хакама, ритуальные танцы (кагура) были сохранены и канонизированы, но лишь как символы «древней», «эстетически чистой» японской традиции, лишенные изначального мистического содержания. Они стали живыми экспонатами, олицетворяющими националистический миф о неизменной японской сущности, но были лишены голоса и духовной власти.

Недооценка роли мико — прямое следствие этой моновековой деградации и целенаправленного вытеснения женского начала из официальных нарративов. Их редуцированный, десакрализованный современный образ затмевает их истинное историческое значение как основоположниц японской религиозности. Признание масштаба этой деградации и исторической несправедливости — необходимое условие для преодоления андроцентричной перспективы в изучении синто и восстановления целостной картины его развития, где женский шаманизм занимает подобающее ему центральное место в истоках и сущности традиции. Без этого понимания история синто остаётся неполной и искажённой.

Литература:

1. Шепетунина, М. В. Questioning Image of Japan as a Miko Country: Representation of Shamanism in Ancient Japanese Myths / М. В. Шепетунина. — Текст: непосредственный // Regionin's studijos. — 2010. — № 4. — С. С. 149–160.
2. Блэкер, К. The Catalpa Bow: A Study in Shamanistic Practices in Japan / К. Блэкер. — 3-е изд. —: Abingdon: Routledge, 1999. — 364 с. — Текст: непосредственный.
3. Хаяши, Макото Editors' Introduction: Onmyōdō in Japanese History / Макото Хаяши. — Текст: непосредственный // Japanese Journal of Religious Studies. — 2013. — № 1. — С. 1–18.
4. Аржанова, Д. С. Роль Оммёдо в эпоху Хэйан / Д. С. Аржанова. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы международных отношений и зарубежного регионоведения. — Нижний Новгород: НГЛУ, 2023. — С. 13–17.

5. Кларк, Д. «Религии мира. Краткий путеводитель» Под ред. Д. Халверзона / Д. Кларк, Н. Гайслер, Д. Халверзон. — 1. — Санкт-Петербург: Шандал, 2002. — 188 с. — Текст: непосредственный.
6. Филиппов, А. В. «Стостатейные установления Токугавы» и «Кодекс из ста статей» / А. В. Филиппов. — Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 1997. — 186 с. — Текст: непосредственный.
7. Китагава, Д. М. Религия в истории Японии / Д. М. Китагава. — 1. — Санкт-Петербург: Наука, 2005. — 588 с. — Текст: непосредственный.
8. Молодин, С. А. Японские гадания и их истоки / С. А. Молодин, Е. И. Кривошеева. — Текст: непосредственный // Тенденции развития науки и образования. — 2022. — № 8. — С. 123–125.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Перспективы развития демократии в России

Ветчанинова Анна Данииловна, студент

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Изучение политики всегда затруднено, поскольку реальные цели и методы государственной власти скрыты от общества. Вся политическая жизнь связана с деятельностью государства, которое действует в интересах определенных правящих групп. [1]. Данный тезис авторов учебного пособия очень хорошо сходится с мыслью, высказанной в книге «60 семейств Америки» [2]. Логично предположить (попытаемся использовать теоретический метод политологии на основе эмпирических наблюдений), что данные социальные группы будут скрывать информацию о своих целях, методах достижений целей, знаниях, так как именно обладание данной информацией будет их основным конкурентным преимуществом.

В определённые этапы времени возможна такая ситуация, что подобная информация, актуальная в какой-то этап прошлого, становится достоянием общественности [3] [4] [5]. Однако, на сегодняшний день, мы не можем судить о тех программах, операциях и экспериментах, которые проводятся политиками над обществом прямо сейчас.

В рамках данной работы я выдвигаю гипотезу о том, что оппозиционные политические партии в России могут находиться в подчинении или под влиянием текущей власти, в том числе под влиянием специальных служб. Данная информация не может быть подтверждена конкретными доказательствами именно на 2020 год, но Политология и не является точной наукой [6]. Методом исследования в рамках данной работы является поиск в сети Интернет и описание исторических примеров, когда оппозиционная партия определённой страны находилась под влиянием текущих органов государственной власти, в первую очередь силовых. Также, в рамках данной работы немного затронута тема финансирования политических партий в Европе и США.

Результатом данной работы не может быть точный вывод о подчинённости российской оппозиции текущей власти или о её независимости от власти в нашей стране. Но результатом данной работы может быть сама информация (исходя из исторических примеров) о возможности того, что Российская оппозиция не является независимой.

Хорошо это, или плохо, высказано принципиально не будет, потому что «ученый должен быть политически нейтральным» [6].

Как известно из учебного пособия, политика издавна существует в двух видах: во-первых, как подчинение одной части общества другой, той, чьи интересы она выражает; во-вторых, как управление всем обществом [7]. Логично будет предположить, что определённая часть общества, приходя однажды к власти, будет всеми силами удерживать текущую власть. Цели у этой группы людей могут быть различными: процветание государства [8], повышения материального благосостояния и культуры населения [9], продвижение интересов крупных фирм и других организаций [10], выполнение роли специальных служб другого государства [11]. В идеале, целями политической элиты должны быть интересы государства и благо народа, чаще всего — основной целью власти является удержание и усиление этой самой власти [12].

После Второй мировой войны, в странах НАТО именно коммунисты считались основной оппозицией к действующей власти. В некоторых странах, например, в ФРГ, деятельность Коммунистической партии Германии, первое время после войны, была разрешена (Коммунистическая партия Германии была запрещена только в 1956 году) [13]. В других странах, например в США, уже в 1950 году была развернута активная деятельность против коммунистов и граждан, им сочувствующим [14]. Есть и другие примеры: одним из условий предоставления экономической помощи Западной Европе по Плану Маршалла было недопущение коммунистов и других левых сил в правительства стран получателей помощи [15]. Но, кроме того, свидетельством прямого воздействия государств стран НАТО на коммунистическую оппозицию является операция НАТО по дискредитации и вытеснению коммунистов из властных структур «Гладио» [16].

В ФРГ как минимум два раза были попытки юридического запрета ультраправой Национал-демократической партии Германии (НДПГ), вторая — в 2013 году. [13]. Предыдущая попытка запретить партию провалилась еще в 2003 году. Тогда Федеральный конституционный суд Гер-

мании постановил закрыть дело о запрете партии, так как выяснилось, что многие члены НДПГ были скрытыми агентами спецслужб. Никаких конкретных доказательств причастности членов НДПГ к акциям насилия спецслужбы также предоставить не смогли. В итоге партию запрещать не стали, а в обществе сложилось ощущение, что НДПГ — это партия-марионетка на жаловании у немецких спецслужб, через которую они контролируют праворадикалов. На днях немецкие спецслужбы распространили сведения о том, что в НДПГ действительно состоят около 100 их осведомителей, пишет *Koelner Stadt-Anzeiger* [17].

В США известна программа COINTELPRO [18] [19] — секретная, зачастую незаконная программа Федерального бюро расследований (ФБР) по подавлению деятельности ряда политических и общественных организаций США [20].

Что же касается взаимоотношения британских спецслужб и коммунистов, то имеется в открытом доступе расследование газеты *The Guardian*: как британские спецслужбы пытали подозреваемых в коммунизме [21]. Во второй половине 2010-х годов секретные службы Великобритании массово и активно влияют на политические организации Европы с целью контроля политических процессов и с целью усиления политической борьбы против России [22].

Также, кроме темы вмешательства спецслужб в работу оппозиционных политических партий, интересна тема прямого юридического запрета оппозиции в Европе. Например, в Нидерландах, была попытка регистрации некоммерческой организации Общество Мартейн. Данную организацию можно считать оппозиционной не только к современной власти, но и к современному обществу, поскольку Норберт де Йонг один из создателей клуба *Martijn* («Мартейн») пропагандирует толерантность к педофилии [23]. 18 апреля 2014 года Верховный суд страны постановил окончательно ликвидировать общество «Мартейн». Согласно решению судьи, данная организация представляла собой опасность, так она возвеличивала сексуальные контакты с детьми и занималась пропагандой такой точки зрения. По мнению суда, ликвидация какой-либо организации в демократическом обществе является исключением, но в данном случае полностью оправдана [24] [25]. Я считаю педофилию тяжелейшим преступлением, и никакой её не оправдываю, однако привёл данный пример, чтобы показать, что в определённых условиях, даже в странах исторически демократичных, могут быть запре-

щены диссидентские движения, и для этого могут быть найдены нужные юридические формулировки.

Далее, в данной работе, хотелось бы коснуться темы финансирования конкурирующих политических партий, на примере США как образца демократии для некоторой доли людей. Изучая данную тему, можно прийти к выводу, что и демократическую, и республиканскую партию в США финансируют одни и те же юридические лица [26], разница состоит лишь в том, что каждое из юридических лиц может чуть больше перечислять денег одной партии, и чуть меньше другой. Есть и исключения. Например, компания *Facebook* перечислила Демократической партии 91,3 % пожертвований, а Республиканской — всего 7 % [26]. Однако, из бюджета США, данные партии также получают денежные средства [27].

В Европе, в отличии от США, широко развито государственное финансирование политических партий [28]. Также, например, во Франции, с 1995 года (по состоянию на 2006 год) запрещены пожертвования юридических лиц, а размеры пожертвований физических лиц ограничены. В Великобритании пожертвования разрешены, но Британский закон требует, чтобы все субсидии в партийные фонды свыше пяти тысяч фунтов обнародовались [28].

Вывод можно сделать простой: настоящей демократии в Европе быть не может, если оппозиционные политические партии в Европе находятся под сильным влиянием специальных служб различных государств. Также, настоящей демократии в США быть не может, поскольку две основные политические партии, которые получают основные голоса избирателей и заседают в Сенате США находятся под финансовым влиянием крупных корпораций.

Перспективы развития демократии в России на ближайшие как минимум 200 лет, точно такие же, как и перспективы развития демократии в указанный период времени в США и Западной Европе. Социальные круги, стоящие у власти, будут продолжать находиться у власти, если смогут противостоять возможным цветным революциям. Россия в 2012 и 2019 годах смогла. Оппозиция в парламентах стран будет та, которая удобна правящим кругам, но при этом, будет находиться под контролем специальных служб. Реальная оппозиция будет преследоваться законными и незаконными методами, и пресекаться. Если произойдёт переход к прямой диктатуре, или приход к власти радикальных партий (например, националистов), то сделано это будет по команде и под контролем правящих в наше время кругов.

Литература:

- Смольников Н. С., Киприянова М. А. Политология: Учебно-методическое пособие для студентов вечерне-заочного отделения. Издание 4-е, переработанное и дополненное. Пермский государственный технический университет. Г. Пермь, 2008 г. с. 6.
- Американские политические кланы [электронный ресурс] // Журнал «Эксперт», 2020. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2012/44/amerikanskie-politicheskie-klanyi (дата обращения: 2020.03.05).
- Более 13 млн рассекреченных документов ЦРУ в онлайне: полнотекстовый поиск [электронный ресурс] // Хабр, 2020. URL: <https://habr.com/ru/post/400699/> (дата обращения: 2020.03.05).

4. «Черная касса МИ-6»: зачем был нужен тайный счет на миллионы фунтов [электронный ресурс] // Би-би-си, 2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42051865> (дата обращения: 2020.03.05).
5. Есть материалы, которые не будут рассекречены никогда [электронный ресурс] // Федеральная служба безопасности Российской Федерации, 2005. URL: fsb.ru/fsb/smi/interview/single.htm?id=%3D10342724%40fsbSmi.html (дата обращения: 2020.03.05).
6. Смольников Н. С., Киприянова М. А. Политология: Учебно-методическое пособие для студентов вечерне-заочного отделения. Издание 4-е, переработанное и дополненное. Пермский государственный технический университет. Г. Пермь, 2008 г. с. 8.
7. Смольников Н. С., Киприянова М. А. Политология: Учебно-методическое пособие для студентов вечерне-заочного отделения. Издание 4-е, переработанное и дополненное. Пермский государственный технический университет. Г. Пермь, 2008 г. с. 15.
8. Программа Российской Социалистической партии [электронный ресурс] // Российская газета — федеральный выпуск, 2012. URL: <https://rg.ru/2012/12/28/programma-dok.html> (дата обращения: 2020.03.05).
9. Девятнадцатый съезд КПСС. Москва. 5–14 октября 1952 г.; Об изменениях в Уставе ВКП(б); Устав Коммунистической партии Советского Союза // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Изд. 9, доп и испр. — Москва, 1985. — Т. 8. 1946–1955. — С. 261–262; 285–300.
10. Белоусов А. Б. Современная практика лоббизма в США // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. — 2013. — Т. 13, вып. 2.
11. Разведчик, который сверг канцлера ФРГ [электронный ресурс] // [pravo.ru](https://pravo.ru/process/view/58837/), 2011. URL: <https://pravo.ru/process/view/58837/> (дата обращения: 2020.03.05).
12. Яковлева Э. В. Элиты против масс. Управление сознанием [Текст] // Вопросы политической науки: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2015 г.). — М.: Буки-Веди, 2015. — С. 7–13.
13. В ФРГ во второй раз пытаются запретить партию неонацистов [электронный ресурс] // ТАСС, 2013. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2707857> (дата обращения: 2020.03.05).
14. 60-летие маккартизма. Насколько обоснованы были опасения сенатора Маккарти? [электронный ресурс] // Радио Свобода, 2010. URL: <https://www.svoboda.org/a/1953782.html> (дата обращения: 2020.03.05).
15. Кому война, а кому выгода [электронный ресурс] // История.рф. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/komu-voina-a-komu-vyghoda-istoriia-plana-marshalla> (дата обращения: 2020.03.05).
16. «Гладио»: как ЦРУ организовало террор в Европе [электронный ресурс] // Военное обозрение, 2013. URL: <https://topwar.ru/36767-gladio-kak-cru-organizovalo-terror-v-evrope.html> (дата обращения: 2020.03.05).
17. Маленький Адольф [электронный ресурс] // Лента.ру, 2011. URL: <https://lenta.ru/articles/2011/11/17/neonazis/> (дата обращения: 2020.03.05).
18. COINTELPRO [электронный ресурс] // FBI Records: The Vault. URL: <https://vault.fbi.gov/cointel-pro> (дата обращения: 2020.03.05).
19. FBI COINTELPRO: The U. S. Government's War Against Dissent [электронный ресурс] // Nation of Islam. URL: <https://www.noi.org/cointelpro/> (дата обращения: 2020.03.05).
20. A break-in to end all break-ins; In 1971, stolen FBI files exposed the government's domestic spying program [электронный ресурс] // Los Angeles Times, 2006. URL: <http://articles.latimes.com/2006/mar/08/opinion/oe-jalon8> (дата обращения: 2020.03.05).
21. Как британские спецслужбы пытали подозреваемых в коммунизме: расследование The Guardian [электронный ресурс] // Фонд Историческая Память, 2018. URL: <http://historyfoundation.ru/2018/02/11/kak-britanskie-specsluzhby-pytali/> (дата обращения: 2020.03.05).
22. Как справа: британские спецслужбы создали опасную сеть влияния [электронный ресурс] // Известия, 2018. URL: <https://iz.ru/816625/vladimir-dobrynin/khak-sprava-britanskie-spetsluzhby-sozdali-opasnuiu-set-vliianiia> (дата обращения: 2020.03.05).
23. Европейская толерантность: сексменьшинства и пропаганда педофилии [электронный ресурс] // Вести.ру, 2013. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1074029> (дата обращения: 2020.03.05).
24. Niederlande: Oberstes Gericht verbietet Pädophilenverein [электронный ресурс] // orf.at, 2014. URL: <https://orf.at/v2/stories/2226679> (дата обращения: 2020.03.05).
25. Hoge Raad verbiedt pedovereniging Martijn [электронный ресурс] // volkskrant.nl, 2014. URL: <https://www.volkskrant.nl/nieuws-achtergrond/hoge-raad-verbiedt-pedovereniging-martijn~bf4fdfbc> (дата обращения: 2020.03.05).
26. The 30 Fortune 500 companies that have thrown the most money at Republicans and Democrats in the last decade [электронный ресурс] // businessinsider.com, 2018. URL: <https://www.businessinsider.com/fortune-500-companies-republican-democrat-political-donations-2018-2> (дата обращения: 2020.03.05).
27. В каких странах партии финансируют из бюджета? [электронный ресурс] // Аргументы и Факты, 2012. URL: <https://aif.ru/dontknows/1225905> (дата обращения: 2020.03.05).

28. Финансирование политических партий в других странах мира [электронный ресурс] // Коммерсантъ Украина, 2006. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/716253>.
29. Смольников Н. С., Киприянова М. А. Политология: Учебно-методическое пособие для студентов вечерне-заочного отделения. Издание 4-е, переработанное и дополненное. Пермский государственный технический университет. Г. Пермь, 2008 г. с. 14.
30. Смольников Н. С., Киприянова М. А. Политология: Учебно-методическое пособие для студентов вечерне-заочного отделения. Издание 4-е, переработанное и дополненное. Пермский государственный технический университет. Г. Пермь, 2008 г. с. 7.

Роль и функции источников информации в политической журналистике

Шутихин Александр Николаевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию роли источников информации в деятельности политического журналиста. Рассматриваются основные типы источников — официальные, неофициальные и цифровые — а также их влияние на формирование содержания публикаций и общественного мнения. Особое внимание уделяется вопросам достоверности информации и критерию доверия к различным источникам. На основе анализа литературных и практических данных выявляются тенденции взаимодействия журналиста с источниками в условиях современного медиапространства, включая влияние социальных сетей и открытых данных.

Ключевые слова: политическая журналистика, источники информации, доверие к источникам, социальные сети, этика журналиста, открытые данные.

Источники информации являются ключевым элементом работы политического журналиста, определяющим качество, достоверность и объективность публикуемых материалов [1]. От надежности и разнообразия источников напрямую зависит эффективность журналистского исследования, а также уровень доверия аудитории к медиаресурсу. В современных условиях, когда информационное пространство характеризуется высокой динамикой, ростом количества каналов передачи данных и увеличением объема недостоверной информации, особую актуальность приобретает анализ состояния источников информации, выявление проблем в их использовании и поиск механизмов повышения качества информационной поддержки журналистики.

Анализ практики взаимодействия политических журналистов с источниками показывает наличие ряда системных проблем. В первую очередь, наблюдается дефицит проверенных и компетентных источников информации. Журналисты сталкиваются с трудностями при поиске инсайдерской информации, которая могла бы дать достоверную картину политических процессов. Согласно данным исследований РАНХиГС, более 50 % журналистов отмечают сложности с получением своевременной и проверенной информации от государственных органов и политических институтов [3]. При этом использование недостоверных или ограниченных источников снижает качество журналистских материалов и может приводить к формированию искаженного общественного мнения.

Второй важной проблемой является влияние субъективных факторов на выбор источников. Политические

журналисты зачастую вынуждены ориентироваться на ограниченное число проверенных контактов, что повышает риск информационной предвзятости. Доверие к источнику формируется под влиянием личных связей, профессиональной репутации и доступности информации. Недостаток разнообразия источников и высокая зависимость от отдельных информаторов ограничивает независимость журналистики и затрудняет объективное освещение событий.

Особое внимание уделяется проблемам этики работы с источниками информации, которые остаются одной из ключевых и наиболее сложных областей в политической журналистике. Использование анонимных источников требует строгого соблюдения принципов конфиденциальности, профессиональной честности и ответственности за публикуемую информацию. Журналисты нередко оказываются в ситуации морального и профессионального выбора: с одной стороны, есть необходимость донести до общества важные сведения, полученные от информаторов, готовых раскрыться только при условии анонимности; с другой — риск публикации недостоверной информации или возникновения юридических последствий, связанных с разглашением непроверенных данных. Недостаточная разработанность внутренних стандартов проверки фактов и регламентов взаимодействия с источниками усугубляет проблему: многие редакции не имеют четких инструкций по оценке надежности анонимных контактов, а также по документированию процесса проверки информации.

Помимо этических вопросов, современная политическая журналистика сталкивается с существенными вы-

зовами цифровой среды. Социальные сети, мессенджеры, блоги и открытые платформы создают огромные возможности для оперативного получения информации и анализа общественных настроений. Вместе с тем рост объема данных приводит к увеличению количества недостоверных сведений, слухов и фейковых новостей. Журналисты, ориентируясь на скорость публикации и актуальность материала, часто используют цифровые источники без достаточной проверки, что создает угрозу распространения непроверенной информации и снижает доверие аудитории к СМИ. Особую сложность представляет необходимость различать факты, мнение и манипулятивные тексты, а также идентифицировать потенциально заинтересованных источников, которые могут целенаправленно влиять на политическую повестку [2].

С учетом выявленных проблем можно выделить несколько направлений совершенствования работы политических журналистов с источниками информации. Первым направлением является расширение и диверсификация источников. Необходимо формировать базы надежных контактов, сочетая официальные и неофициальные источники, а также использовать открытые данные и социальные сети с обязательной проверкой фактов. Регулярный обмен информацией с коллегами, участие в профессиональных ассоциациях и сетях экспертов способствует снижению зависимости от ограниченного круга информаторов и повышает объективность материалов.

Вторым направлением является усиление этического и профессионального контроля. Введение внутренних стандартов проверки источников, протоколов анонимности и правил взаимодействия с информаторами позволяет минимизировать риски распространения недо-

стоверной информации. Профессиональные тренинги и курсы повышения квалификации для журналистов должны включать модули по этике работы с источниками и цифровой безопасности, что способствует повышению ответственности и профессионализма.

Третьим важным элементом является внедрение цифровых инструментов проверки информации. Современные технологии, включая аналитические платформы для мониторинга социальных сетей, инструменты fact-checking и системы анализа открытых данных, позволяют оперативно оценивать достоверность информации и снижать риски публикации недостоверных материалов.

Наконец, значимым направлением является разработка прозрачных методик оценки качества источников. Это включает создание рейтингов надежности, регулярную аттестацию контактов и внедрение процедур обратной связи с аудиторией. Такие меры помогают формировать устойчивый информационный фундамент для работы журналиста и повышают доверие общества к политическим материалам.

Таким образом, состояние источников информации в политической журналистике характеризуется рядом проблем: дефицитом проверенных контактов, высокой зависимостью от ограниченного круга информаторов, этическими и цифровыми рисками. Решение этих проблем требует комплексного подхода: диверсификации источников, усиления профессиональной и этической подготовки журналистов, внедрения цифровых инструментов проверки информации и разработки систем оценки надежности источников. Реализация предложенных мер позволит повысить качество политической журналистики, укрепить доверие аудитории и обеспечить объективное и сбалансированное освещение политических процессов.

Литература:

1. Шариков А. В. Представленность России в британских онлайн-источниках в 2022 г. // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022.
2. Симкачёва М. В. Социальные сети в профессиональной деятельности журналиста: практический аспект // Медиакоммуникации и журналистика. 2023. Т. 9, № 3.
3. Асеева Т. А. Источники политической информации и степень значимости мнения «другого» среди молодежи // Социально-политические исследования / Social and Political Research. 2023. № 1.

Методы сбора информации политическим журналистом в современных условиях

Шутихин Александр Николаевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются современные методы сбора информации политическими журналистами. Основное внимание уделено традиционным и цифровым источникам, включая официальные документы, экспертные интервью, социальные сети и открытые данные. Проведен анализ существующих проблем, включая дефицит проверенных источников, высокую зависимость от ограниченного круга информаторов, риски распространения недостоверной информации и этические дилеммы при работе с анонимными источниками.

Ключевые слова: политическая журналистика, источники информации, сбор информации, проверка фактов, цифровые инструменты, социальные сети, этика журналиста, информационная достоверность.

Сбор информации является ключевым элементом работы политического журналиста и напрямую определяет качество, достоверность и объективность публикуемых материалов [1]. В современных условиях медиапространство характеризуется высокой динамикой, ростом объема информации и разнообразием каналов её передачи, что создаёт как новые возможности, так и значительные риски для журналистики. Эффективность работы журналиста зависит от способности использовать разнообразные источники, корректно их проверять и интегрировать полученные данные в журналистские материалы.

Анализ практики работы политических журналистов показывает наличие ряда системных проблем. В первую очередь, наблюдается дефицит проверенных и компетентных источников. Журналисты часто сталкиваются с ограниченным числом инсайдеров, готовых предоставить достоверные сведения. При этом использование непроверенной информации или чрезмерная зависимость от нескольких источников снижает объективность материалов и может формировать искажённое представление о политических процессах. Согласно исследованию Ассеевой Т. А. (2023), более 40 % журналистов отмечают трудности с получением достоверных данных, особенно в условиях политически чувствительных событий [3].

Второй важной проблемой является воздействие субъективных факторов на выбор источников. Журналисты склонны полагаться на источники, вызывающие у них доверие, что может ограничивать диверсификацию информации и создавать эффект «информационной замкнутости». Недостаток разнообразия источников повышает риск предвзятости и снижает способность журналиста объективно отражать политические события.

Особое внимание уделяется этическим аспектам работы с источниками информации, которые остаются одной из наиболее сложных и критичных сфер в политической журналистике. Использование анонимных информаторов требует строгого соблюдения принципов конфиденциальности, профессиональной честности и ответственности за публикуемую информацию. Журналист сталкивается с многослойной дилеммой: с одной стороны, существует необходимость раскрыть обществу значимые сведения, способные влиять на политические процессы и общественное мнение; с другой — риск публикации недостоверной информации, и возможные юридические последствия, связанные с нарушением закона о защите данных или клеветой, могут негативно отразиться на профессиональной репутации как самого журналиста, так и СМИ в целом.

Недостаточная регламентация взаимодействия с источниками усугубляет проблему. Во многих редакциях отсутствуют четко оформленные протоколы проверки фактов, стандарты подтверждения анонимной инфор-

мации и инструкции по документированию взаимодействия с информаторами. Это приводит к тому, что журналисту приходится самостоятельно принимать решения о достоверности и публикации сведений, что повышает вероятность ошибок и снижает объективность материала.

Кроме того, этические риски усиливаются в условиях цифровой среды, где информация быстро распространяется, а давление аудитории и конкуренция за скорость публикации создают дополнительное напряжение. Журналисты должны балансировать между оперативностью и достоверностью, тщательно оценивать мотивы источников и возможные последствия раскрытия информации. Важным элементом решения этой проблемы является внедрение комплексных внутренних стандартов, включающих процедуры проверки фактов, правила работы с анонимными информаторами, а также обучение журналистов этическим и юридическим аспектам работы с источниками.

Современная цифровая среда добавляет дополнительные сложности. Социальные сети, мессенджеры, блоги и открытые платформы создают возможность оперативного получения информации, анализа общественного мнения и мониторинга политических процессов. Вместе с тем рост объема данных приводит к увеличению числа недостоверной информации, фейковых новостей и манипулятивных материалов. Журналисты, ориентируясь на оперативность публикации, нередко используют цифровые источники без достаточной проверки, что снижает доверие аудитории и подрывает профессиональные стандарты [2].

С учетом выявленных проблем можно выделить несколько направлений совершенствования методов сбора информации. Первым направлением является диверсификация источников. Необходимо сочетать официальные источники, экспертные интервью, социальные сети и открытые данные, формируя проверенный и сбалансированный информационный пул. Регулярный обмен информацией с коллегами, участие в профессиональных ассоциациях и экспертных сетях способствует снижению зависимости от ограниченного круга контактов и повышает объективность публикаций.

Вторым направлением является разработка и внедрение стандартов проверки информации. Это включает установление процедур документирования источников, протоколов анонимности, а также критерии оценки достоверности цифровых и онлайн-данных. Профессиональные тренинги и курсы повышения квалификации должны включать модули по этике работы с источниками и цифровой грамотности, что позволяет снизить риск распространения недостоверной информации.

Третьим элементом является использование цифровых инструментов анализа информации. Платформы для мониторинга социальных сетей, системы fact-checking и ин-

струменты анализа открытых данных позволяют оперативно проверять достоверность сведений, выявлять манипулятивные источники и систематизировать информацию. Эти технологии способствуют формированию надежной информационной базы для журналистских материалов.

Наконец, важным направлением является систематизация и оценка качества источников информации, что обеспечивает устойчивость и надежность журналистской работы. Систематизация предполагает ведение базы данных источников с указанием их типа, уровня достоверности, частоты использования и сферы компетенции. Создание рейтингов надежности позволяет классифицировать информаторов по степени доверия и профессиональной компетентности, что облегчает выбор источника в зависимости от характера материала и специфики политических событий. Регулярная аттестация контактов включает проверку актуальности данных, оценку предыдущих публикаций, анализ возможной заинтересованности источника и выявление потенциальных рисков распространения недостоверной информации.

Формирование методик обратной связи с аудиторией также играет ключевую роль. Это может включать публи-

кацию уточнений и исправлений, прозрачное раскрытие методов сбора информации и привлечение экспертного сообщества к оценке материалов. Такой подход позволяет не только повысить прозрачность работы журналиста, но и формирует у читателей доверие к СМИ, укрепляет репутацию издания и способствует созданию устойчивой информационной среды. Внедрение комплексной системы оценки источников делает работу журналиста более осознанной, снижает риск ошибок и манипуляций, а также способствует повышению качества и объективности политического репортажа.

Таким образом, современные методы сбора информации в политической журналистике характеризуются рядом проблем: дефицитом проверенных источников, высокой зависимостью от ограниченного круга информаторов, этическими и цифровыми рисками. Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего диверсификацию источников, стандарты проверки фактов, внедрение цифровых инструментов анализа информации и систему оценки надежности источников. Реализация этих мер повышает качество материалов, укрепляет доверие аудитории и обеспечивает объективное освещение политических процессов.

Литература:

1. Шариков А. В. Представленность России в британских онлайн-источниках в 2022 г. // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022.
2. Симкачёва М. В. Социальные сети в профессиональной деятельности журналиста: практический аспект // Медиакоммуникации и журналистика. 2023. Т. 9, № 3.
3. Асеева Т. А. Источники политической информации и степень значимости мнения «другого» среди молодежи // Социально-политические исследования / Social and Political Research. 2023. № 1.

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Трансформация лексической нормы в условиях цифровой коммуникации: влияние интернет-среды на развитие современного русского языка

Абильдинова Жанара Бериковна, кандидат филологических наук, старший преподаватель;

Абдильда Айжан Галымжанкызы, студент;

Нурланова Ажар Нурлановна, студент

Международный университет Астана (Казахстан)

Исследование посвящено влиянию цифровой коммуникации — общения в социальных сетях, мессенджерах и на онлайн-платформах — на лексический состав современного русского языка. Рассматриваются особенности интернет-дискурса, характеризующегося гибридностью, лаконичностью, экспрессивностью, языковой интерференцией и упрощением грамматики. Анализируются изменения в лексике: рост числа англицизмов, расширение употребления сленга, стилистическое смешение и переосмысление значений слов. Эти процессы отражают адаптацию языка к условиям цифровой среды.

Ключевые слова: лексическая норма, интернет-коммуникация, цифровая среда, заимствования, интернет-сленг, неологизмы, трансформация языка, разговорная речь, англицизмы.

В современной лингвистике лексическая норма рассматривается как совокупность правил, регулирующих употребление слов в речи с учётом их значений, сочетаемости и стилистической уместности. К. С. Горбачевич определяет языковую норму как «относительно устойчивый способ выражения, отражающий исторические закономерности развития языка, закреплённый в лучших образцах литературы и предпочитаемый образованной частью общества» [1, с. 11–13]. Он подчёркивает, что норма является не только социально одобряемым правилом, но и отражением закономерностей языковой системы, подтверждаемым словоупотреблением авторитетных писателей [1, с. 25–32].

Для глубокого понимания данной темы, рассмотрим понятие лексической нормы. Лексические нормы русского языка представляют собой совокупность правил, регулирующих употребление слов в соответствии с их значением, сочетаемостью и стилевой уместностью. Соблюдение этих норм обеспечивает точность и выразительность речи.

При выборе слов важно учитывать их лексическое значение — то есть смысл, который они несут и который отражает наше понимание предметов, явлений или процессов. Нарушение лексических норм может привести к искажению смысла высказывания или сделать речь менее выразительной. Таким образом, лексические нормы оцениваются с точки зрения:

— **Точности:** соответствие значения слова контексту;

— **Выразительности:** способность слова передать отношение говорящего к предмету речи.

Лексические нормы играют ключевую роль в обеспечении точности и выразительности речи, регулируя употребление слов в соответствии с их значением, сочетаемостью и стилевой уместностью. Однако с развитием цифровых технологий и распространением интернет-коммуникации наблюдаются значительные изменения в языковой практике. Интернет-дискурс, как особая форма речевой деятельности в онлайн-среде, вносит новые тенденции в употребление лексических единиц, порождая необходимость пересмотра и адаптации традиционных лексических норм.

В условиях интернет-общения возникают специфические лексические явления, такие как неологизмы, сетевой сленг, акронимы и эмодзи, которые становятся неотъемлемой частью виртуальной коммуникации. Эти элементы отражают особенности интернет-дискурса и требуют внимания со стороны лингвистов для понимания их влияния на современный язык.

Внедрение вышеуказанных лексических явлений в повседневную речь обусловливает заметные трансформации как в цифровой, так и в традиционной коммуникации. Для наглядности был проведен опрос на тему «Влияние интернет-коммуникации на лексические нормы и речевую культуру молодежи» состоящий из 5 вопросов. Результаты опроса отражены на рис. 1.

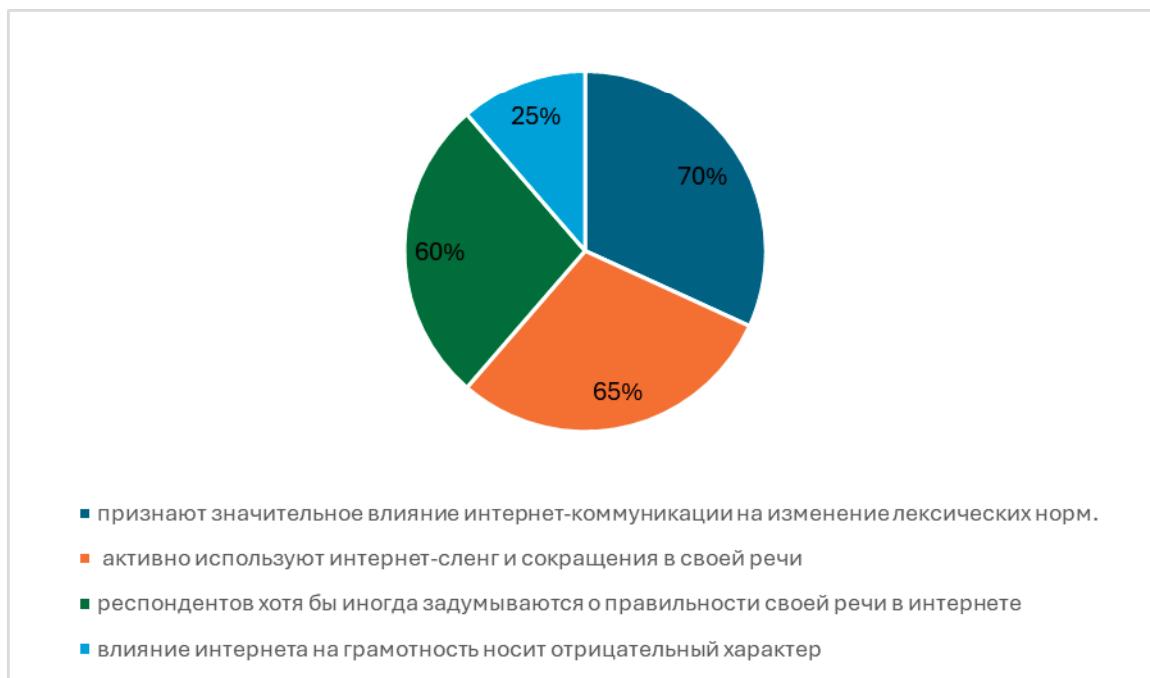

Рис. 1. Результат опроса в процентах

В ходе проведённого исследования выявлено, что значительная часть молодёжной аудитории — около 70 % респондентов — осознаёт и подтверждает влияние интернет-коммуникации на трансформацию лексических норм современного языка. Активное использование интернет-сленга и сокращений отмечается у большинства участников опроса (порядка 65 %), что свидетельствует о внедрении новых языковых элементов в повседневное общение. Вместе с тем, около 60 % респондентов демонстрируют определённую рефлексию относительно правильности своей речи в цифровой среде, что указывает на сохранение интереса к соблюдению языковых норм. В то же время, наличие 25 % опрошенных, воспринимающих влияние интернет-коммуникации как негативное в плане грамотности, подчёркивает существование актуальных проблем и вызовов в области речевой культуры.

Таким образом, интернет-дискурс выступает важным фактором языковой динамики, способствующим не только появлению новых лексических явлений, но и вызывающим необходимость осознанного отношения к языку как в онлайне, так и в оффлайн-коммуникации. Полученные данные подчёркивают актуальность дальнейших лингвистических исследований, направленных на комплексное изучение влияния цифровых технологий на языковую норму и выработку эффективных стратегий её сохранения и развития в условиях современной коммуникационной среды.

Наблюдаемые изменения в речевом поведении и анализ данных свидетельствуют о значительном влиянии интернет-коммуникации на язык. Это влияние проявляется не только в индивидуальных предпочтениях, но и в пересмотре традиционных лексических норм. Причины этих изменений кроются в функцио-

нальных особенностях цифровой среды и специфике интернет-дискурса, где размываются границы между стилями, нарушаются лексические ограничения и активно используются новые слова. Эти факторы формируют ключевые тенденции трансформации лексики в онлайн-общении, которые мы рассмотрим далее: от неологизмов и заимствований до снижения нормативности и стилистической гибридизации.

В. В. Виноградов указывает, что неологизмы — это новые лексические образования, которые возникают в силу общественной необходимости для обозначения нового предмета или явления, сохраняют ощущение новизны для носителей языка и которые еще не вошли или не входили в общелитературное употребление [2, с. 371]. К неологизмам должны относиться слова, которые существуют в определенный период языка и не существовали в предшествующий период. И. А. Воробьёва определяет точку отсчета: новые слова — это «слова, возникшие на памяти применяющего их поколения» [3, с. 158–166].

Под неологизмами в данном контексте понимаются вновь образованные или недавно зафиксированные в употреблении слова, отражающие новые реалии цифровой культуры, технические инновации, а также формы взаимодействия в виртуальном пространстве, например: *стримить, постить, залететь в чат, отправить в мут* (см. Таблицу 2). Многие из них возникают на стыке профессиональной и обыденной коммуникации, постепенно распространяясь в массовом употреблении и выходя за пределы интернет-среды.

Особое место в этом процессе занимают **лексические заимствования** — слова, которые были переняты из английского и адаптированы к нормам русского языка. Этот процесс особенно усилился в конце XX — начале XXI

века, с развитием интернета, технологий, глобализации и массовой культуры.

Основные области заимствований:

1. Информационные технологии и интернет:

— *компьютер, файл, чат, сайт, блог, браузер, лайк, фолловер, стрим, апдейт*

2. Маркетинг, бизнес и экономика:

— *бренд, менеджер, стартап, фриланс, маркетинг, бонус, инвестор*

3. Спорт и развлечения:

— *фитнес, тренд, квест, челлендж, фанат, матч, гол*

4. Мода и повседневная жизнь:

— *лук, шопинг, кэжуал, топ, стиль, фейк*

Особенности заимствованных слов:

— Проходят адаптацию по произношению и написанию: *флешка* (от flash drive), *сканер* (scanner)

— Получают русские грамматические формы: *лайкать, гуглить, репостнуть*.

Важным аспектом является то, что многие неологизмы и заимствования, сформировавшиеся в интернете, со временем теряют стилистическую маркированность и становятся частью общелитературного языка. Это явление свидетельствует о расширении лексических норм, переосмысливании стилистической стратификации и, в конечном счёте, об активной языковой адаптации к новым реалиям коммуникации.

Таким образом, распространение неологизмов и заимствований в интернет-дискурсе отражает не только процесс естественного языкового обновления, но и указывает на функциональную открытость и восприимчивость современного языка к внешним влияниям и социокультурным трансформациям.

Таблица 1

Неологизм	Происхождение	Пример употребления
Запостить	Post (англ.)	Я запостил фото в сторис
Стримить	Stream (англ.)	Он будет стримить игру вечером
Захейтить	Hate (англ.)	Они решили захейтить блогера
Вкатиться	Геймерский жаргон	Новичек быстро вкатился в тему
Забанить	Ban (англ.)	Аккаунт нарушителя забанили

Влияние интернета на язык огромно. Одним из ключевых изменений является активное использование сленга и жаргона, что размывает границы между официальным и неофициальным общением. Сленг выполняет функцию не только экономии языковых средств, но и выражения эмоций и принадлежности к определенным онлайн-группам. Такие слова, как *задонатить* или *рофлить*, быстро распространяются в сети, создавая новые коммуникативные нормы, где важна экспрессивность и игровая составляющая. Жаргон, ранее используемый только в узких кругах, теперь становится частью общеупотребительной лексики. Это свидетельствует о высокой адаптивности языка и расширении функций интернет-пространства, где скорость обмена информацией делает сленг эффективным средством коммуникации.

Еще одна важная тенденция — ослабление языковых норм. В интернете допускается большая свобода в использовании языка, что проявляется в смешении стилей, орографических ошибках и даже использовании нецензурной лексики. Это связано как с техническими ограничениями, так и с особенностями онлайн-платформ, где оперативность важнее строгого соблюдения правил. В результате формируется «текущая» норма, зависящая от ситуации и контекста. Это не означает, что нормативный язык исчезает, но он трансформируется и существует с новыми языковыми практиками, которые можно рассматривать как проявление гибкости и адаптивности языка к новым формам общения.

На первый взгляд кажется, что стремительное распространение интернет-речи с ее нарочитой неформальностью, обилием заимствований, мемов, жаргонизмов, эмодзи и синтаксических вольностей подрывает стабильность литературных норм. Действительно, язык социальных сетей и мессенджеров всё чаще характеризуется игрой слов, нарушением правил орфографии и пунктуации, а также произвольным использованием англизмов — *update* в значении «обновить», *feedback* в значении «обратная связь», *hurt* в значении «задеть» и т. д., что может вызывать тревогу у сторонников традиционного литературного языка. Например, лингвист К. М. Анисимович в своем научном труде «Русский язык на грани нервного срыва» подчеркивает, что стремительный рост неологизмов и заимствований из интернет-среды воспринимается частью общества как «деградация» языка. Однако он также отмечает, что эти процессы представляют собой не хаос, а естественное языковое развитие в новой социокультурной среде [4, с.11]. Интернет-коммуникация, по сути, является отдельным видом речевой деятельности, у которого есть своя функция — быстрая, ситуативная, неформальная передача информации.

Важно также учитывать, что интернет-пространство демократизирует язык: сегодня у каждого пользователя есть возможность не только потреблять, но и формировать речевые нормы. Однако не все лингвистические новшества, рожденные в цифровой среде, становятся частью литературного языка. Большинство из них быстро исчезают, не выдержав временного испытания, в то время

как наиболее стабильные и востребованные постепенно осваиваются и нормализуются. Например, такие слова, как «блогер», «подкаст» и «чат», уже вошли в словари, перейдя из онлайн-жаргона в общеупотребительную лексику.

Таким образом, интернет-речь, вместо того чтобы угрожать, дополняет и развивает литературный язык,

подчеркивая его гибкость и способность адаптироваться к новым условиям общения. Интернет становится своего рода лабораторным полем, где тестируются новые формы выражения мыслей и эмоций. И если подходить к этим процессам не с позиции защиты, а с позиции наблюдения и анализа, то становится очевидным: язык не разрушается — он живет и развивается вместе со своим носителем.

Литература:

- Горбачевич К. С. «Нормы современного русского литературного языка» — Москва «Просвещение» 1981.— С.11–32.
- Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Исследования по русской грамматике. — Москва «Наука», 1975. — 371 с.
- Воробьёва И. А. Понятие «неологизм», классификация неологизмов в английском языке// Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. — 2019. — № 3(101). — С.158–166
- Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва — Москва: «Знак: Языки славянских культур», 2008. — 229 с.

Современный молодежный сленг в США: этимология и аллюзии

Божиков Вадим Павлович, студент магистратуры
Государственный университет просвещения (г. Москва)

Статья является собой исследование новейшего молодежного сленга в Соединенных Штатах Америки. В поле зрения автора находится анализ этимологических корней популярной лексики и культурные аллюзии, определяющие ее значение и использование. Рассматривается влияние афроамериканского английского, игрового сообщества, интернет-мемов и поп-культуры на формирование единственного (в своем роде) языкового ландшафта поколения Z и миллениалов. Прослеживается путь слов из периферийных субкультур ко всеобщему употреблению, анализируются смысловые сдвиги и выявляются социально-психологические причины быстрой циркуляции и ухода в небытие жаргонных единиц. Автор представляет картину, определяющую молодежный сленг не как лингвистическую нелепицу, но как отражение устновок, убеждений и коммуникативных целеполаганий цифровой эпохи.

Ключевые слова: сленг, этимология, аллюзия, геймеры, стримеры, африканский американский английский, мемы

Modern youth slang in the USA: etymology and allusions

Bozhikov Vadim Pavlovich, master's student
State University of Education (Moscow)

The article is a study of the latest youth slang in the United States of America. The author focuses on analyzing the etymological roots of popular vocabulary and the cultural allusions that determine its meaning and usage. The article examines the influence of African American English, the gaming community, internet memes, and pop culture on the formation of a unique (in its own way) linguistic landscape of Generation Z and millennials. It traces the journey of words from peripheral subcultures to widespread usage, analyzes semantic shifts, and identifies the socio-psychological reasons behind the rapid circulation and decline of slang terms. The author presents a picture that defines youth slang not as a linguistic absurdity, but rather as a reflection of the attitudes, beliefs, and communication goals of the digital era.

Keywords: slang, etymology, allusion, gamers, streamers, African American English, memes

Введение

Цель работы состоит в выявлении особенностей специфической части языка современного поколения американцев, выросшего в условиях цифровизации, культурной гибридизации и завершающей свой цикл глобализации,

через исследование происхождения и использования жаргонных слов и выражений, а также уровня аллюзивности современного молодежного сленга. Исследование проведено посредством наблюдения, обзора, анализа и сравнения и послужит пособием начинающим переводчикам для эффективной передачи смыслов, которая зависит от

глубокого понимания функций сленга и контекста его употребления.

Обсуждение

Американский молодежный сленг формировался как оригинальная языковая система, объединяющая в себе различные исторические пласти британского и американского жаргона с учётом национальных особенностей США. Эти языковые пласти переплетались и трансформировались в течение длительного времени, создавая уникальный лексический запас, характерный именно для молодого поколения американцев. Сленг служил и служит зеркалом культурных сдвигов, часто указывая на более широкие общественные изменения и упадок сложившихся языковых норм. Включение его в повседневный обиход отражает динамичную эволюцию языка под влиянием развивающихся технологий и угасающей глобализации [5]. При этом, например, подавляющее большинство американских студентов (95,8 %) активно используют сленг в повседневном общении. Студенты, часто использующие жаргон, демонстрируют более высокие показатели по всем аспектам языковознания [3].

Молодежный сленг традиционно служил условной границей, позволяя молодому поколению отгородиться от мира взрослых и создать собственное культурное пространство. Между тем, в XXI веке этот процесс претерпел качественные изменения. Скорость распространения и обновления лексикона увеличилась на порядки, а источники его формирования стали глобальными. Современный молодежный сленг — это не просто набор слов, а постоянно находящаяся в движении система, отражающая глубокую интеграцию онлайн- и офлайн-опыта.

Ключевую роль в этом процессе играют социальные сети и платформы. TikTok с его форматом коротких видео стал идеальным полигоном для проверки и распространения новых выражений. X (бывший Twitter) позволяет слову или фразе стать тенденцией за считанные часы. Twitch и YouTube Gaming поставляют узкоспециализированную лексику игрового сообщества в широкие ряды пользователей незамедлительно. Иные глобальные платформы выступают в роли усилителей и нишевых инкубаторов. Алгоритмы этих платформ, привлекающие контент на основе вовлеченности, создают эффект снежного кома, когда удачное слово, использованное популярным создателем, за день может стать достоянием миллионов.

Можно выделить несколько ключевых особенностей современного сленга. Прежде всего это недолговечность. Время жизни слова сократилось с лет до месяцев, а иногда и недель. Ирония и самоирония также являются маркером современности. Подавляющее большинство выражений используются с отстраненно-ироничным подтекстом, что служит защитой от потенциального обвинения в наивности или излишней серьезности. Характерной чертой также является разнородность происхождения. Сленг представляет собой смешение афроамериканского

английского (далее также — «ААА»), геймерского жаргона, мемов, заимствований из поп-культуры. Не менее существенной особенностью новейшего сленга является гиперболизация. Язык тяготеет к преувеличениям («эпично», «легендарно», «я умер»), что отражает общую тенденцию к клиповости и повышенной экспрессивности в цифровом пространстве.

ААА

Афроамериканский английский продолжает быть самым плодовитым источником сленга. Этот процесс вызывает споры: с одной стороны, это свидетельство культурного влияния и креативности черного сообщества, с другой — частое игнорирование происхождения слов воспринимается как присвоение. Важно понимать, что заимствование происходит не из вакуума, а из конкретного культурного контекста, обладающего собственной историей и социальной динамикой. Так, слово «slay» (букв. «убивать») прошло сложный путь. Из общеанглийского языка оно было заимствовано среди бал-румов Нью-Йорка, где стало означать «непревзойденно выступать, доминировать на балу». Через музыку (Мадонна, «Vogue») и телевидение (шоу «Pose») этот смысл просочился в афроамериканский английский, а оттуда — в глобальный мейнстрим, во многом благодаря популярности таких черных артистов, как Бейонсе. Слово несет в себе отсылку к театральности, перформансу и безоговорочной победе. «You slay!» — это не просто «ты хорошо выглядишь», это признание твоей силы, уверенности и способности «убить» конкурентов своим видом и поведением. Это аллюзия на мир, где жизнь — это соревнование, а личность — перформанс.

Происхождение слова «Сар» в значении «ложь» точно не установлено. Наиболее убедительная версия возводит его к афроамериканскому сленговому выражению «high capping» — хвастовство, преувеличение. Альтернативная, но менее подтвержденная версия, связывает его с «сар» (козырек) как метафорой скрывания правды или с «caps» (буквы заглавные), якобы означавшими фальшь. Фраза «по сар» стала расхожей благодаря рэп- и хип-хоп-трекам. В эпоху «фейковых новостей» и тщательно курируемых образов в соцсетях, «по сар» стало мощным маркером искренности. Это клятва в том, что говорящий снимает все маски и говорит «на чистоту». Это аллюзия на глубокую потребность в аутентичной коммуникации.

Словечко «Вор» как термин для ритмичной музыки существует в джазе и R&B с середины XX века. Его современное возрождение — прямое заимствование из афроамериканского английского, где оно использовалось для описания хип-хоп и R&B треков. «Banger» — более агрессивный синоним, подразумевающий песню, которая «взрывает» чарты и клубы. Оба слова отсылают к физическому, а не интеллектуальному восприятию музыки. «Вор» — это песня, от которой невозможно не притоптывать ногой, «banger» — от которой хочется танцевать

агрессивно. Это оценка музыки через призму телесной реакции.

«Finna» — сокращение от «fixing to», означающее намерение что-то сделать («I'm finna go» — «Я собираюсь идти»). Его использование за пределами афроамериканского английского демонстрирует усвоение не просто лексики, но и грамматических структур. «Bet» — многофункциональное слово, означающее согласие («Договорились»), подтверждение («Конечно») или вызов («Держи пари»). Его лаконичность и емкость сделали слово чрезвычайно популярным.

Геймеры и стримеры

Игровое сообщество, особенно массовые многопользовательские онлайн-игры (ММО, МОВА, шутеры), создало уникальную языковую среду, где коммуникация должна быть быстрой, точной и эффективной. Стимминги таких платформ, как Twitch, сделали эту внутреннюю кухню достоянием многомиллионной аудитории.

Слово «Sus» прямое сокращение от английского «suspicious» (подозрительный). Его взлет в 2020 году напрямую связан с пандемийным бумом игры *Among Us*, где игроки-предатели («impostors») должны лгать и скрываться. Слово «sus» стало культурным симптомом эпохи. Оно идеально описывает атмосферу всеобщего недоверия, конспирологических теорий и сложности распознавания правды в цифровом пространстве. Его использование вышло далеко за рамки игры, описывая подозрительное поведение политиков, коллег и даже друзей.

Аббревиатура «GG» («Good Game» — хорошая игра) — это давний киберспортивный ритуал, аналог рукопожатия после футбольного матча. Ее пишут в чат в конце игры, чтобы признать мастерство соперника. «EZ» («Easy» — легко) — ее антипод, используемый для того, чтобы унизить проигравших и спровоцировать их. В реальной жизни «GG» может использоваться иронично для обозначения завершения любого сложного дела. «EZ» же почти всегда несет токсичный, пренебрежительный оттенок, отражая культуру чрезмерной конкуренции и троллинга, присущую геймерам.

«Pog» / «Poggers» восходит к эмодзи «PogChamp», который изображал лицо игрока Густава «PogChamp» Магнуссона. Изначально этот снимок был сделан, когда он выиграл игру в *Pogs* (детская игра). На Twitch эмодзи стали использовать для выражения крайнего удивления и восторга от крутого игрового момента («Play Of the Game»). «Pog» и «Poggers» — производные от него. «Pog» стал универсальным маркером позитивного шока. Это реакция на нечто, превзошедшее ожидания, «эпичное» событие. Его история — яркий пример того, как случайный культурный артефакт может стать центральной единицей коммуникации в целой субкультуре.

Вот еще несколько примеров узкоспециализированной геймерской лексики, вышедшей в широкий обиход. *Rage Quit* (выйти из игры в ярости) — теперь описывает любое

импульсивное прекращение деятельности из-за гнева. *Camping* (тактика игры, при которой игрок занимает выгодную позицию и не двигается) — используется для описания людей, которые избегают активных действий в социальных ситуациях. *Nerf* (ослабить персонажа или оружие в игре после обновления) — применяется к любым ситуациям, когда что-то было намеренно ослаблено («The new update nerfed my favorite coffee machine»).

Мемы

Мем, по определению Ричарда Докинза, — это единица культурной информации, распространяется путем имитации [1, с.201]. Современные интернет-мемы — это сложные конструкты, состоящие из изображения, текста и подтекста. Фразы из самых удачных мемов проникают в язык, становясь готовыми формулами для описания сложных ситуаций.

В 2000 году Эминем выпустил песню «Stan» об одержимом фанате, который в итоге кончает жизнь самоубийством. Изначально слово «stan» подразумевало опасную, нездоровую одержимость. Сегодня оно полностью изменило смысл и означает просто «преданный поклонник». Этому способствовало его использование в фан-домах (объединениях поклонников), например, «BTS stans». Современное «stan» как глагол («I stan her») подразумевает активную, почти активистскую поддержку знаменитости или идеи. Это аллюзия на культуру, где страстное поклонничество стало формой идентичности и социальной активности.

Грамматически усеченная конструкция «It's giving...» популяризована в бал-рум культуре и черном сообществе в целом. Полная фраза могла бы звучать как «It is giving me [vibe of]...». Это мощный инструмент для создания ассоциаций и атмосферы. Фраза позволяет лаконично охарактеризовать не объект сам по себе, а ауру, которую он создает. «It's giving vintage» (это отдает винтажем), «It's giving failed state» (это отдает несостоявшимся государством). Она несет в себе отсылку к оценочному суждению, основанному на интуиции и восприятии, а не на фактах.

Фраза «Main Character Energy» из тренда в TikTok, где пользователи снимали видео, в которых они — «главные герои» своей жизни, а окружающие — просто статисты. Тренд был основан на ироничном переосмыслении клише из фильмов и сериалов. Обладать «MCE» — значит вести себя так, как будто твоя жизнь имеет историческую значимость. С одной стороны, это можно трактовать как нарциссизм поколения, выросшего в культуре селф-promoушена. С другой — как здоровую попытку вернуть себе значимость и стать постановщиком собственной жизни в мире, где человек часто чувствует себя винтиком в системе.

Мем «Let him cook» (букв. «дайте ему готовить») возник из видеоигр, где игроки просили команду не мешать («let him cook»), когда один из них проявлял не-

ожиданное мастерство. Фраза эволюционировала, чтобы описать любую ситуацию, когда человеку нужно дать пространство для творчества или реализации неочевидной для окружающих идеи. Отсылает к образу гениального, но непонятого шеф-повара, чей процесс со стороны может выглядеть хаотичным, но результат превзойдет все ожидания. Это аллюзия на веру в потенциал и креативность, даже когда они неочевидны. Фраза стала слоганом для поддержки нестандартного мышления.

Термин «The ick» (букв. «омерзение») популяризирован подкастом «Sentimental Garbage» и сериалом «Alone». Он описывает внезапное, иррациональное и почти физическое чувство отвращения к объекту романтического интереса, часто вызванное мелкой, нелепой или социально непримлемой деталью (например, манера пить кофе или выбор одежды). «The ick» кодирует сложный психологический феномен — момент, когда романтический флер рассеивается, обнажая неприглядную реальность. Это аллюзия на гиперкритичность в эпоху приложений для знакомств, где выбор кажется бесконечным, а терпение для преодоления мелких раздражений — ограниченным. Слово стало заметным ярлыком для внезапной потери влечения.

Ироничный слоган «Gatekeep, gaslight, girlboss» родился в TikTok как критика токсичного поведения, особенно в женских сообществах и бизнес-среде. Трилогия действий описывает манипулятивную стратегию: ограничить доступ к сообществу или ресурсам (gatekeep), затем психологически манипулировать, заставляя жертву сомневаться в своем восприятии реальности (gaslight), прикрывая все это риторикой женской силы и независимости (girlboss). Фраза является прямой аллюзией на разочарование в корпоративном феминизме и культуре «girlboss» 2010-х, которая часто маскировала эксплуатацию и злобность под эмансипацию. Это емкий критический инструмент для разоблачения лицемерия в поведении лидеров мнений и брендов.

Хорошо забытое старое

Помимо заимствований, сленг активно создается через переосмысление существующих слов. Основными способами служат метафоризация (перенос значения по сходству («Ghosting» — исчезнуть как призрак)), гиперболизация (усиление значения до крайности («slay» — не просто победить, а уничтожить)), ироническая перестановка (использование слова в противоположном или смягченном смысле («sick» — круто, «villain arc» — период жизни, когда человек ведет себя эгоистично)). Приведем несколько примеров.

В AAA слово «Lit» давно использовалось для описания состояния алкогольного или наркотического опьянения. К началу 2010-х его значение сместилось к описанию атмосферы: вечеринка, концерт или любое событие, достигающее пика энергетики и веселья, могло быть охарактеризовано как «lit». Это классический пример семантического расширения и гиперболизации. Слово захватывает ощущение

коллективного экстаза и повышенной энергии. Его использование — это аллюзия на поиск и оценку моментов максимального, почти трансового удовольствия в общественной жизни.

Слово «Salty» (соленый) в значении «озлобленный, раздраженный» имеет долгую историю. Оно восходит к американскому военно-морскому сленгу, где «salty» описывало старого, опытного и циничного моряка, «пропитанного соленой водой». Со временем значение «sulical» (циничный) трансформировалось в «angry» (злой), особенно в контексте реакции на проигрыш или неудачу. Идеально описывает эмоциональный осадок после поражения. Это более образный и менее агрессивный синоним слов «angry» или «mad». Его использование часто несет оттенок снисходительности: «не злись ты так», намекая, что человек не может достойно принять поражение.

Термин «Ghosting» пришел из мира онлайн-знакомств середины 2000-х. Он описывает практику полного прекращения общения с кем-либо без какого-либо объяснения, игнорируя все сообщения и звонки, словно человек превратился в призрака. Является прямой аллюзией на легкость и безнаказанность исчезновения в цифровую эпоху. Отсутствие физического контакта и анонимность позволяют оборвать связь одним движением пальца. Производные, такие как «soft ghosting» (постепенное сведение общения на нет) или «breadcrumbing» (оставление случайных сообщений, чтобы поддерживать чей-то интерес без намерения развивать отношения), отражают развитие тактик ухода от прямого общения. Это лингвистическое поле описывает новую этику (или ее отсутствие) в межличностных отношениях.

«Simp» исторически — сокращение от «simpleton», использовавшееся для уничижительного обозначения наивного человека. В современном сленге «simp» — это тот, кто проявляет чрезмерную, по мнению окружающих, симпатию и внимание к объекту своего обожания, особенно к женщине, часто в ущерб себе и своему достоинству. Возрождение слова произошло в стримерской и хип-хоп среде. Его использование часто служит для укрепления норм сомнительной мужественности, высмеивая мужчин, которые проявляют эмоции или щедрость по отношению к женщинам. Это аллюзия на глубокую тревогу по поводу гендерных ролей и страх быть использованным в романтических отношениях.

В 1990-х годах для нейтрального описания людей, испытывающих трудности в поиске партнера, возникло слово «Incel» (сокр. от «involuntary celibate» — вынужденное целомудрие). Сегодня оно относится к радикальной онлайн-субкультуре, характеризующейся ненавистью к определенному полу и крайне негативными, часто насилиственными идеологиями. Переход нейтрального по смыслу слова в идеологический ярлык — яркий пример того, как интернет может радикализировать язык. Его современное использование — это аллюзия на опасность и мрак онлайн-субкультур, а также на социальные проблемы, ведущие к изоляции и ненависти к себе и другим.

Зачем и кому это нужно

Отличительная черта сленга состоит в том, что сленг не только отражает жизненные реалии, но и выступает средством социальной идентификации и выражения принадлежности к определённой группе. Эта особенность, в первую очередь, предопределена влиянием молодежной субкультуры, стремлением носителей языка к реализации оппозиции «свой — чужой» [4]. Знание актуальных слов и их уместное употребление служит пропуском в сообщество сверстников. И наоборот, использование устаревшего («cringe») или неуместного сленга моментально определяет человека как чужака (часто унижительно называемого «cheugy»). Этот механизм особенно важен в подростковой среде, где потребность в принадлежности максимальна.

Кроме того, ирония пронизывает большую часть современного сленга. Она позволяет смягчить прямоту — сказать «it's giving villain arc» иронично легче, чем «ты ведешь себя ужасно», защититься от уязвимости, выразить восхищение («slay») или разочарование («the ick») с определенной дистанцией, чтобы не показаться слишком эмоциональным или наивным, критиковать власть — мемы вроде «Gatekeep, gaslight, girlboss» позволяют проводить острую социальную критику в доступной и легко тиражируемой форме.

Еще одним назначением жаргона служит кодирование сложных эмоциональных состояний. Сленг представляет точные ярлыки для сложных психологических и социальных феноменов, для которых в стандартном языке часто нет отдельных слов. «Ghosting», «the ick», «main character energy» — все это термины, которые позволяют легко идентифицировать, обсудить и разделить с другими специфический опыт, характерный для современности.

Наконец, сленг идеально приспособлен для цифровой коммуникации. Одно слово («sus», «bet», «rog») может передать сложную гамму чувств и контекст, для описания которого в литературном языке потребовалось бы целое предложение. Это соответствует принципу экономии языковых усилий и формату платформ, где важны краткость и скорость.

Жизненный цикл

Алгоритмы социальных платформ являются главными движителями сленга. Они выявляют тенденции и массово подсовывают контент с определенными словами широкой публике. Когда заметный создатель контента использует новое слово, алгоритм фиксирует высокую вовлеченность

и начинает продвигать это слово, запуская вирусный эффект. Это ускоряет жизненный цикл сленга до невиданных ранее скоростей.

Прекращение использования сленгового слова наступает, когда его начинают вовлекать в оборот маркетологи и бренды, пытающиеся быть «в теме», родители и представители старших поколений, пытающиеся преодолеть межпоколенческие барьеры несмотря на то, что у них возникают трудности с восприятием как и у старших из других стран [2], либо когда слово используется медиа чрезмерно часто или в негативном ключе. В этот момент слово теряет свою исключительность и ироничную остроту и становится «кринжовым» (cringe — вызывающим стыд и неловкость). Яркий пример — судьба слова «YOLO» (You Only Live Once), которое из дерзкого девиза превратилось в символ бездумных поступков и объект насмешек.

Заключение

Проведя настоящее исследование, автор приходит к следующим выводам. Интернет-культура является основным проводником и распространителем сленга, отодвинув на второй план локальные субкультуры. AAA, геймерский жаргон и бал-рум культура остаются тремя фундаментами, на которых строится большая часть наиболее расхожего жаргона, что указывает на некоторый (в лингвистическом смысле) творческий потенциал этих сообществ. Сленг выполняет социально-психологические функции — от создания идентичности до завуалированного выражения сложных эмоций и критики общества. Жизненный цикл сленга существенно укоротился под влиянием алгоритмов, что делает его крайне динамичным объектом для изучения. И, основное — существенное количество аллюзий в жаргоне американской молодежи никак не указывает на общую отрицательную динамику уровня американского английского, но напротив — дает основание для утверждения о стремлении молодежи к обогащению языка дополнительными смыслами.

Исследовав тему, можно спрогнозировать усиление упомянутых выше тенденций. Алгоритмы искусственного интеллекта, обучающегося на данных из социальных сетей, смогут не только отслеживать, но и генерировать новые сленговые слова и фразы, что может еще больше ускорить их цикл. Развитие виртуальных миров может создать еще более нишевые и специализированные языковые среды, лексика из которых будет просачиваться в общий обиход. По мере того, как мир становится сложнее, ирония и самоирония как защитные механизмы будут только укрепляться, что найдет прямое отражение в языке.

Литература:

1. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. — Москва: Мир, 1993. — С. 201.
2. Абайдельданова, М. К. Русский язык в интернете: анализ молодежного сленга с оценочным значением / Р. Г. Тирадо // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки — 2024 — № 17 — URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-internete-analiz-molodezhnogo-slenga-s-otsenochnym-znacheniem-viewer> (дата обращения: 16.11.2025).
3. Овхадов, М. Р. Молодежный сленг как фактор развития лингвистической компетенции студентов в России и англоязычных странах / М. Т. Мамацуева // Управление образованием: теория и практика — 2024 — Т.14 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-sleng-kak-faktor-razvitiya-lingvisticheskoy-kompetentsii-studentov-v-rossii-i-angloyazychnykh-stranah> (дата обращения: 16.11.2025).
 4. Разуваева, Т. Н. Сленгизмы в американском варианте современного английского языка: особенности образования и функционирования / Т. Н. Разуваева // Филологические науки: вопросы теории и практики — 2016 — № 12 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slengizmy-v-amerikanskom-variante-sovremennoego-angliyskogo-yazyka-osobennosti-obrazovaniya-i-funktsionirovaniya> (дата обращения: 16.11.2025).
 5. Сасина, С. А. Специфика использования молодежного сленга в британском и американском вариантах английского языка / М. М. Бричева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение — 2024 — № 3 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-ispolzovaniya-molodezhnogo-slenga-v-britanskom-i-amerikanskom-variantah-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 16.11.2025).

Rhetorical question as a means of communicating emotional-evaluative component in artistic discourse

Grushina Ekaterina Borisovna, master's student
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow)

In the context of artistic discourse, the emotional-evaluative component fulfils a pivotal role in influencing the reader, realising the aesthetic function of the text and expressing the author's intentions. The article examines the utilization of the rhetorical question as a syntactic means of conveying the emotional-evaluative component. The study sets out to identify the semantic and pragmatic features of the use of rhetorical questions in the context of a work of fiction.

Keywords: rhetorical question, emotional-evaluative component, artistic discourse.

Риторический вопрос как средство передачи эмоционально-оценочного компонента в художественном дискурсе

Грушина Екатерина Борисовна, студент магистратуры
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В художественном дискурсе эмоционально-оценочный компонент представляется ключевым средством воздействия на читателя, реализации эстетической функции текста и выражения авторских интенций. В статье рассматриваются примеры использования риторического вопроса как одного из синтаксических средств передачи эмоционально-оценочного компонента. Исследование направлено на выявление семантических и pragmaticальных особенностей применения риторического вопроса в контексте художественного произведения.

Ключевые слова: риторический вопрос, эмоционально-оценочный компонент, художественный дискурс.

The study of discourse invariably involves examining the communication process, encompassing the interrelation of specific participants, their intentions, goals, and strategies. In the context of artistic discourse, communication is conducted through the use of text between the author and the reader. Therefore, artistic communication is considered as indirect in essence. In this regard, the author's primary objective is to exert an aesthetic and emotional influence on the recipient in order to convey personal values, emotions, and assessments through the text of the work. At the same time, the reader is not merely an object of passive perception, but also an active agent in the process

of interpretation. The process of decoding the text of a work of art stimulates the recipient to reflect, analyse and undergo internal changes due to the influence of the world picture presented in the artistic text, which provides scope for varying interpretations. The author's position, along with the psychological and philosophical concepts embedded within the text, is frequently communicated not directly, but through the utilisation of symbols, images and stylistic devices intended to evoke specific emotions, experiences and associations in the reader [1].

One of the most effective stylistic means of conveying the emotional-evaluative component is the rhetorical question.

Rhetorical questions are not distinguished from regular interrogative sentences in terms of form, yet differ in content, as they are employed to express an opinion regarding the information being communicated. In other words, the utilisation of such a syntactic device is not motivated by the pursuit of an answer, but rather by the objective of grabbing the attention of the listener or reader. In a work of fiction, rhetorical questions are used to enhance the emotional-evaluative component, as well as to create a dramatic or comic effect [2]. However, it is notable that rhetorical questions are commonly implemented in conflict situations, serving to express negative emotions and evaluations, including surprise, distrust, reproach, and resentment, among others [3, p. 138].

For the purpose of a detailed analysis of the use of rhetorical questions in the communication of the emotional-evaluative component, the novel *Jade City* by contemporary writer Fonda Lee was selected as material.

In the following example, the use of rhetorical questions is linked to the conveyance of the character's emotional state:

Hilo went back to eating, and she wondered, How can he even eat right now [4, p. 271]?

The rhetorical question «*How can he even eat right now?*» is used in the heroine's inner speech and reflects her negative evaluation of another character's actions. The heroine's perception of the situation suggests that eating seems impossible or inappropriate at that moment. Therefore, the question emphasises her moral involvement in the situation, as well as expressing astonishment and condemnation of Hilo's indifference. Moreover, the employment of the adverb *even* serves to enhance the expressiveness of the line, thereby underscoring the internal emotional tension. As a result, the rhetorical question not only reflects the character's reaction but also influences the reader, involving in the emotional experience of the situation. The use of the rhetorical question reinforces the expressiveness of the narrative and contributes to the disclosure of the character's personality and moral values.

Rhetorical questions are also present in the narrator's speech, as demonstrated in the following instance:

Who else in the clan could stand up to Hilo? Who else could moderate him, could keep him from getting himself killed and taking the clan down with him [4, p. 273]?

The series of rhetorical questions serve to depict a state of emotional tension, coupled with a sense of despair. The syntactic structure of the questions is based on the use of parallel constructions expressed by the interrogative adverb *who* and the adverb *else*, as well as the predicates *could stand up*, *could moderate*, and *could keep*. The parallelism is intended to encourage the reader to evaluate Hilo as an exceptional clan leader and to reveal his impulsiveness and potentially dangerous nature. Therefore, the combination of these syntactic devices enhances the emotivity of the narrative and emphasises the sense of anxiety. Rhetorical questions, along with parallelism, convey the narrator's doubts, his fear of the future, and his awareness of the clan's fragility without Hilo.

Rhetorical questions are also used in a character's direct speech to convey strong experiences:

Why him? He was always such a good, thoughtful man, a dutiful son. Ah, Lan-se, why were you so foolish? So good, and so foolish [4, p.287]?

The speaker suffers emotional trauma and a deep sense of loss, which is conveyed through rhetorical questions such as «*Why him?*», expressed in an elliptical sentence consisting of the interrogative adverb *why* and the pronoun *him* in the objective case, as well as «...*why were you so foolish? So good, and so foolish?*». The questions become a form of outburst of inner feelings. Through their utilisation, the protagonist embodies a state of desolation, bewilderment, and an endeavour to comprehend the tragic turn of events. Besides, the line contains a repetition of the phrase *so foolish*, which indicates the character's emotional breakdown and feelings of guilt and loss. Furthermore, as a stylistic device the apostrophe *ah, Lan-se* introduces a sense of farewell to the speech and reflects the speaker's regret. Thus, the syntactic organisation of the line conveys the character's chaotic thoughts and sincerity, contributing to the emotional tension of the scene and evoking empathy in the reader.

The extract from the dialogue presented below exemplifies the utilisation of rhetorical questions in a conflict situation:

«I tried to bring the clans together again.» «By covering for the Mountain while they mined jade behind our backs? By colluding with their Weather Man to sell us out? [4, p. 288]»

The line «*I tried to bring the clans together again*» is the speaker's attempt to justify himself and declare his good intentions. However, the subsequent speech of the interlocutor, consisting of rhetorical questions, refutes what has been said and intensifies the conflict between the characters. The sequence of rhetorical questions «*By covering for the Mountain while they mined jade behind our backs? By colluding with their Weather Man to sell us out?*» conveys both indignation and doubt about the honesty of the other party. In addition, the questions are based on syntactic parallelism, which is constructed according to the following pattern preposition *by* + complex object expressed by -ing form (*covering, colluding*) + subordinate clause. The structure of this reply enables the speaker to create rhythm and enhance the narrative's expressiveness, giving the speech a sharp, tense and sarcastic tone. Thus, rhetorical questions contribute to the emphatic reinforcement of the negative evaluation and dramatic aspect of the dialogue.

In the course of analysing rhetorical questions in artistic discourse, it becomes apparent that the stylistic device acts as a tool for emotional-evaluative impact, deeply embedded in the structure of communication between the author, characters, and reader. Rhetorical questions in artistic discourse are a universal device for expressing evaluation, as well as a means of enhancing the emotional and aesthetic impact of the narrative. The use of these devices enables a profound exploration of the inner world of the characters, adds dynamism and persuasiveness to the narrative, and engages the reader in a process of reflection and empathy.

References:

- Бех, Е. Ф. Художественный дискурс и его отличия от остальных видов дискурса / Е. Ф. Бех // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: международная научно-практическая заочная конференция: сборник статей, Белгород, 15 ноября 2017 года. — Белгород: ООО ГиК, 2017. — С. 232–235.
- Минова, М. В. Риторические вопросы в художественном дискурсе / М. В. Минова // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания.: Сборник статей по материалам межвузовской студенческой научно-практической конференции, Москва, 06 декабря 2019 года / Отв. редактор Н. В. Бутылов. Том Выпуск 3. — Саранск: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2020. — С. 166–173.
- Скородумова, Е. А. Риторический вопрос-реакция как средство выражения эмоций (на материале англоязычных художественных текстов) / Е. А. Скородумова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 39(177). — С. 137–139.
- Lee, F. Jade City / F. Lee. — New York: Orbit, 2017. — 560 p.

Использование категории вежливости в диалогах на французском языке

Мустофокулов Фарход Холмурод угли, старший преподаватель
Самаркандский государственный институт иностранных языков (Узбекистан)

В статье анализируется использование элементов категории вежливости в диалогической речи французского языка и их специфика в процессе коммуникации. Также анализируются языковые элементы, выражающие вежливость во французском языке, на примере диалогов и отдельных примеров.

Ключевые слова: вежливость, диалог, диалогическая речь, коммуникация, сценарий, взаимодействие, сцена.

При организации устной коммуникации можно наблюдать, как процесс взаимодействия анализируется на основе сценариев, разделённых на несколько частей — сцен.

Сценарий представляет собой типичную модель, отражающую взаимосвязанные факты, характерные для определённой ситуации. Такая структура включает действия и состояния, связанные с конкретной реальностью (например, обед в ресторане, учебный процесс, посещение музея и т. д.) [8, с. 35].

Примером может служить сценарий «à la boulangerie» — «в булочной», который можно рассмотреть на основе следующего диалога:

La cliente: — Bonjour monsieur!

Le vendeur: — Bonjour madamme!

La cliente: — Je voudrais un pain complet en tranches.

Le vendeur: — Désirez-vous autre chose?

La cliente: — Je voudrais 2 baguettes et des petits pains aux raisins.

Le vendeur: — Combien?

La cliente: — 4 ça ira. Avez-vous des gâteaux d'anniversaire?

Le vendeur: — Bien sûr, mais vous devez le commander 3 jours à l'avance, ça dépend des ingrédients que vous y mettez.

La cliente: — En fait je voudrais une tarte aux fruits frais, avec peut-être de la crème anglaise ou de la crème fouettée.

Le vendeur: — Ok vous pouvez la commander la veille dans ce cas.

La cliente: — D'accord, dans ce cas je voudrais un gâteau pour 6 personnes, je le réglerai avec mes baguettes.

Le vendeur: — 50 € de vous madamme.

La cliente: — Je peux vous faire un chèque?

Le vendeur: — Oui madamme, si vous avez une pièce d'identité.

La cliente: — Voilà, s'il vous plaît.

Le vendeur: — Au revoir madamme.

La cliente: — Au revoir monsieur [10].

В приведённом выше диалоге мы видим, что сценарий «à la boulangerie» состоит из трёх лингвистически связанных сцен. Первая из этих сцен — сцена «вход покупателя в пекарню», которая служит введением к процессу взаимодействия. В когнитивном плане эта сцена состоит из следующих компонентов: покупатель входит в пекарню, рассматривает продукцию, знакомится с ценами, консультируется с продавцом и выбирает продукты [8, с. 35].

Коммуникативная продукция — это языковые продукты этого диалога, то есть процессы приветствия продавца и приглашения покупателя купить товар в его магазине, являющиеся частью процесса взаимодействия. Кроме того, категория вежливости организуется в языковое обеспечение процесса взаимодействия [7].

Вежливые языковые единицы, используемые в этом диалоге, такие как «Bonjour monsieur» и «Bonjour madam», которые являются частью процесса приветствия между покупателем и продавцом, являются инструментами, помогающими участникам процесса взаимодействия достичь общей цели, ожидаемой от всего сценария.

Вторая сцена этого сценария когнитивно представлена в данной сцене как процесс помещения выбранных товаров в тележку и движения к кассиру [8, с. 35].

С коммуникативной точки зрения, основная часть процесса взаимодействия — это лингвистические аспекты коммуникации между продавцом и покупателем, а именно выбор товара покупателем, запрос цены и ответ продавца покупателю.

Последняя, или третья, сцена сценария когнитивно представляет собой сцену запроса чека у кассира и состоит из следующих этапов: оплата, получение чека, выход из магазина [8, с. 35].

С коммуникативной точки зрения эта сцена считается завершающей частью процесса взаимодействия, а процесс оплаты приобретённого товара покупателем в этой сцене — последним невербальным действием в этом процессе взаимодействия. Эта часть также включает в себя лингвистические элементы, такие как приветствие продавца и покупателя друг другу, приглашение продавца покупателю купить ещё товаров в этом магазине и различные другие пожелания, высказанные продавцом и покупателем друг другу [9].

В третьей сцене этого диалога мы видим, что такие элементы вежливости, как «Je peux vous faire un chèque?» — «Могу ли я выписать вам чек?», «Oui madamme, si vous avez une pièce d'identité» — «Да, сэр, если у вас есть удостоверение личности», «Voilà, s'il vous brait» — «Вот», и «Au revoir madamme» — «До свидания, мадам», «Au revoir monsieur» — «До свидания, сэр» — «До свидания, сэр» — которые выражают процесс прощания, составляют заключительную часть процесса взаимодействия.

Анализируя этот сценарий, мы видим, что сценарий «В булочной» состоит из трёх сцен, две из которых коммуникативно полностью заполнены категорией вежливости.

Литература:

1. Berthet A., Hugot C., Kizerian V. M., Saniosonis B., Waeddendries M. *Alter Ego Méthode de français*. — Paris: Hachette livre, 2006.
2. Lyons J. *Diexis as the sources of reference// Formal semantics of natural language: Papers from a Colloquium sponsored by King's college research centre, Cambridge*, — Cambridge Univ. press, 1975.
3. Maxsudova M. *Muloqot psixologiyasi*. — Toshkent: Turon- Iqbol, 2006.
4. Muhammadiyeva S., Saparniyozova M. *Matn lingistikasi*. — Toshkent, 2011.
5. Orecchioni K. *Les interactions verbales*. — Paris: A.Colin, 1990.
6. Rouvillois F. *Histoire de la politesse de 1789 a nos jours*. — Paris: Flammarion, 2006.
7. Qarshibayeva, U. D. (2021). Specific linguistic conditions of time categories in the works of Victor Hugo. *Интернаука*, (21–5), 100–101.
8. III. С.Сафаров. Когнитивная лингвистика. *Джиззах*. 2006
9. TRAVERSO, Veronique. *L'analyse des conversations*. Nathan. Paris. 1999.
10. www.françaisfacile.fr

Кроме того, в данном процессе взаимодействия категория вежливости играет важную роль в достижении общих и частных целей, преследуемых участниками данного сценария. Она способствует повышению pragматической эффективности процесса взаимодействия.

Участниками этого процесса взаимодействия являются покупатель и заказчик, общей целью является реализация процесса продажи, а частной целью — продажа товара для продавца и покупка товара для покупателя [9].

Кроме того, в основной части данного сценария мы можем увидеть использование вежливых элементов, таких как «Désirez- vous autre chose?», «50 € de vous madamme». Как видно из данного анализа, для организации процесса речевого взаимодействия и достижения поставленной цели данного взаимодействия участникам взаимодействия важно знать конкретные pragматические значения вежливых элементов и уметь правильно и уместно использовать их в соответствии с речевым процессом и ситуацией.

При организации беседы с использованием таких факторов и элементов категории вежливости говорящий не имеет возможности акцентировать свою индивидуальность, принижать собеседника, выражать своё мнение чрезмерными интонациями и жестами. В таких случаях беседа, как правило, завершается положительно.

Как сказал Оноре де Бальзак: «Истинная вежливость подобна цветку милосердия: она заключается в том, чтобы действительно забыть о себе». Ведь в процессе речи нежная речь или вежливость человека, подобно подаренному кому-либо цветку, должна воздействовать на сл�шателя, заставляя его забыться и увлечься словами говорящего, искусно украшенными pragматическими красками, и даже забыть самого себя; только тогда это может быть истинной, чистой вежливостью.

Теоретико-лингвистические основы изучения англицизмов в современном русском языке

Ниязметова Дилмира Шакировна, студент магистратуры
Ургенчский технологический университет RANCH (Узбекистан)

В статье рассматриваются теоретико-лингвистические основы изучения англицизмов в современном русском языке. Анализируются причины активного проникновения англоязычных элементов в русскую речь, а также механизмы их адаптации на фонетическом, морфологическом, словообразовательном и семантическом уровнях. Утверждается, что заимствование англицизмов обусловлено глобализационными процессами.

Ключевые слова: англицизм, заимствование, современный русский язык, адаптация.

Современный русский язык переживает интенсивный этап развития, связанный с активизацией международных контактов, расширением информационного пространства, ростом цифровых технологий и глобализацией культуры. На этом фоне англоязычное влияние оказывается наиболее значительным: английский язык сегодня выполняет функции языка международной коммуникации, науки, бизнеса, массовой культуры и цифровой среды. Именно поэтому англицизмы в последние десятилетия пополняют русский язык особенно активно, становясь важным объектом теоретико-лингвистического анализа. Их изучение позволяет выявить особенности функционирования современной лексической системы, понять механизмы заимствования и адаптации, а также определить социальные и культурные факторы, влияющие на развитие языка.

Понятие «англицизм» в лингвистике трактуется по-разному, но в целом под ним понимают любую языковую единицу английского происхождения, вошедшую в систему русского языка [1, с. 142]. Н. Ф. Алефиренко отмечал, что англицизмом считается не только слово, но и семантическая модель, устойчивая конструкция или калька, возникшая вследствие английского влияния. Англицизмы могут относиться к разным уровням языка: лексике, словообразованию, синтаксису. Чаще всего заимствования фиксируются в лексике, однако сама структура языка также подвергается трансформации: меняются словообразовательные модели, появляются новые способы словообразования (например, продуктивные суффиксы *-инг*, *-ер*), формируются новые речевые стратегии.

Причины появления англицизмов в русском языке многогранны и связаны как с внеязыковыми, так и с собственно языковыми процессами. Одним из ключевых факторов является глобализация, которая усиливает потребность в новых терминах, обозначающих современные реалии: технологии, экономические процессы, сферу маркетинга, интернет-коммуникацию [2, с. 89]. Так, слова «маркетинг», «стартап», «контент», «фейк», «тренд» вошли в русский язык вследствие необходимости номинации новых явлений. Эти слова выполняют важную коммуникативную функцию, поскольку точных русских эквивалентов нередко не существует, или они значительно длиннее и менее удобны в употреблении. Например, английское слово «чат» короче и более компактно, чем

выражение «интернет-беседа»; слово «файл» проще и функциональнее, чем его возможная русская замена «компьютерный документ».

К числу внеязыковых причин также относят престижность английского языка, который воспринимается как язык инноваций и прогресса. В профессиональной и молодёжной среде употребление англицизмов становится маркером принадлежности к современной культуре. Этому способствует и массовая культура: кино, музыка, реклама, видеоигры. Интернет-пространство — социальные сети, видеохостинги, платформы для общения — создаёт особую среду, где английские слова начинают функционировать ещё до того, как попадают в словари [5]. Так появляются слова типа «лайк», «репост», «фолловер», а затем — глаголы «лайкать», «серфить», «репостнуть».

Л. П. Крысин выделяет прямые заимствования, кальки и семантические заимствования как основные группы англицизмов [2, с. 134]. Языковые причины заимствования включают лакунарность (отсутствие необходимой номинации в русском языке), тенденцию к экономии языковых средств, выражение новых оттенков значений и стилистических нюансов. Английские слова часто несут дополнительную модальную окраску — современность, динамичность, принадлежность к профессиональному сообществу. Например, слово «бренд» не всегда совпадает по значению с русским «марка», а «имидж» имеет более широкий семантический диапазон, чем русское «облик». Эти различия показывают, что англицизмы нередко расширяют семантические возможности языка.

Для теоретико-лингвистического анализа важным является вопрос классификации англицизмов. Исследователи предлагают различные типологии, среди которых наиболее распространённой является классификация по степени освоенности. Полностью освоенные англицизмы соответствуют нормам русской грамматики, имеют русские формы рода, числа, падежа: «футбол», «компьютер», «менеджер». Частично освоенные сохраняют элементы английской фонетики или графики: «фриланс», «кешбэк», «лайфхак». Неосвоенные англицизмы обычно используются в профессиональных сферах и сохраняют исходное звучание или написание: «dedline», «performance», «event».

Другой подход связан со способом заимствования. Прямые заимствования включают слова, пришедшие в рус-

ском виде: «сканер», «маршруting», «драйв». Кальки — это буквальные или частичные переводы английских выражений: «точка зрения» (point of view), «быть на одной волне» (to be on the same wavelength). Семантические кальки меняют значение существующего русского слова под влиянием английского: например, слово «реализация» в значении «осуществление» является калькой с англ. realization.

Важное направление анализа англицизмов — исследование механизмов их адаптации. Процесс адаптации включает фонетические, морфологические и словообразовательные изменения, что подчёркивают многие исследователи современной лексикологии [4, с. 211]. В первую очередь это **фонетическая адаптация**, при которой английские звуки заменяются ближайшими по артикуляции русскими. Затем происходит **графическая адаптация**, то есть переход слов из латиницы в кириллицу. **Морфологическая адаптация** проявляется в способности англицизмов иметь русские формы: «рекламировать бренд», «загрузить файл», «постить новости». Особый интерес представляет словообразовательная адаптация: на базе англицизмов формируются новые слова по русским моделям. Так появляются глаголы «лайкать», «мониторить», «постить», существительные «скриншотник», «блогерство», прилагательные «креативный», «оффлайновый».

Отдельного внимания заслуживает семантическая адаптация. В русском языке англицизмы могут развивать значения, не свойственные им в английском. Например, слово «кейс» в русском языке широко используется как «ситуация», «методическое задание», тогда как в английском *case* имеет гораздо более широкие значения. Слово «офис» в русском языке обозначает прежде всего место работы, в то время как в английском оно может иметь и общёное значение «учреждение». Это показывает, что в процессе освоения англицизмы вписываются в культурные и речевые потребности русскоязычного общества.

Литература:

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. — М.: Флинта, 2019. — 304 с.
2. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М.: Наука, 2004. — 240 с.
3. Крысин Л. П. Русский язык сегодня: состояние, проблемы, перспективы. — М.: Языки славянской культуры, 2018. — 380 с.
4. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Иностранные слова в русском языке. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. — 256 с.
5. Прокофьева Т. Н. Англицизмы в языке СМИ: тенденции и функционирование. — М.: Флинта, 2020. — 198 с.

Функционирование англицизмов отражает динамику современного русского языка как системы, открытой к взаимодействию с другими языками. Многие исследователи отмечают, что заимствования — естественное и неизбежное явление, сопровождающее развитие языков в различные исторические периоды. Русский язык неоднократно переживал волны заимствований: старославянинизмы, тюркизмы, германизмы, галлицизмы. Англицизмы — лишь очередной этап в этой истории, но их масштаб и скорость проникновения действительно уникальны. Это объясняется особенностями современного мира: технологиями, интернетом, открытостью культур, высокой скоростью обмена информацией.

Англицизмы выполняют не только номинативную, но и стилистическую, экспрессивную, прагматическую функции. В художественных текстах англицизмы помогают автору моделировать речь персонажей, передавать особенности эпохи, интерьера, социального пространства. В медиа-дискурсе они служат средством привлечения внимания, создания динамичной и лаконичной коммуникации.

Таким образом, теоретико-лингвистические основы изучения англицизмов включает анализ их природы, причин появления, механизмов адаптации и особенностей функционирования в языке. Англицизмы отражают как внутренние закономерности развития русского языка, так и внешние социальные процессы. Их исследование позволяет понять, каким образом современный русский язык реагирует на вызовы времени, какие изменения происходят в его структуре, какие новые явления входят в сферу человеческого общения. Англицизмы не разрушают язык, а свидетельствуют о его гибкости, адаптивности и способности к обновлению. В условиях цифровой эпохи они продолжают активно проникать во все сферы коммуникации, что делает их изучение актуальным и значимым для современного языкоznания.

0. Henry's «The skylight room»: a study in stylistic features

Ospanova Asel Madiyarkyzy, master's student

Scientific advisor: Omarbayeva Gulmira Sagatbekovna, candidate of philology, associate professor
Kazakh National University named after Al-Farabi (Almaty, Kazakhstan)

This article presents a stylistic analysis of O. Henry's short story «The Skylight Room». The study focuses on the author's use of linguistic and stylistic devices such as irony, symbolism, metaphor, and contrast to reveal the emotional depth and moral essence

of the narrative. O. Henry, known for his vivid portrayal of ordinary people and his mastery of surprise endings, combines simple language with profound emotional resonance. The analysis demonstrates how lexical and syntactic simplicity, figurative language, and the compassionate tone of narration contribute to the story's artistic unity. The stylistic interpretation also highlights the symbolic meaning of the skylight as a metaphor for hope and spiritual elevation amid social hardship. Through the character of Miss Leeson, O. Henry reflects the resilience of human imagination and the power of inner beauty in the face of poverty and loneliness.

Keywords: O. Henry, stylistic analysis, irony, symbolism, metaphor, narrative style, *The Skylight Room*.

Introduction

William Sydney Porter (1862–1910), better known by his pen name O. Henry, is one of the most celebrated American short story writers of the early twentieth century. His literary fame rests on his ability to portray the everyday life of ordinary people through humor, irony, and moral insight. O. Henry's stories are distinguished by their colloquial language, lively characterization, and unexpected endings that leave readers both surprised and moved. His works often reflect the lives of the lower and middle classes in urban America, focusing on themes of poverty, hope, kindness, and the triumph of the human spirit [1, p. 24].

Among his numerous short stories, «*The Skylight Room*» stands out as a touching example of O. Henry's artistic style and social compassion. The story tells about Miss Leeson, a young typist who rents a small room at the top of a boarding house — a «skylight room». Despite her difficult living conditions, she remains optimistic, naming a distant star «Billy Jackson». The irony of the story lies in the fact that when she later collapses from hunger, she is saved by a doctor with the same name.

The stylistic value of the story lies in the interplay between simple linguistic form and emotional intensity. Through figurative language, contrast, and symbolic imagery, O. Henry turns an ordinary scene into a moral allegory of faith and endurance. The combination of irony, sympathy, and linguistic economy creates the author's unique tone that blends realism with poetic sensitivity [2, p. 56].

The purpose of this study is to conduct a stylistic analysis of «*The Skylight Room*» in order to identify and interpret the main stylistic devices that contribute to the story's aesthetic and emotional power. The analysis focuses on the author's use of irony, symbolism, metaphor, and colloquial speech as key elements of his literary technique. The research also aims to demonstrate how O. Henry's individual style serves not only as a means of artistic expression but also as a reflection of humanistic values and social empathy.

Theoretical Background

Stylistics is a branch of linguistics that studies the expressive resources of language and the principles that determine their use in various types of texts. According to Galperin, stylistics «investigates the special language means which secure the desirable effect of the utterance» [7, p. 18]. It explores how different linguistic forms — lexical, syntactic, phonetic, and semantic — contribute to the overall meaning, tone, and aesthetic impact of a literary work.

Leech and Short define stylistics as «the study of the relationship between linguistic form and literary function» [6, p. 11]. This definition emphasizes the connection between form (language structure) and function (the effect it produces on the reader). The primary goal of stylistic analysis is to explain how linguistic choices shape the author's individual style and emotional influence.

According to Wales, stylistics serves as «a bridge between linguistics and literary criticism» [5, p. 7]. This means that stylistics allows researchers to interpret literature not only aesthetically but also linguistically, uncovering how an author's word choice, sentence pattern, and figurative language convey deeper meaning.

Stylistic analysis usually includes several levels of examination. At the lexical level, the researcher studies word choice, connotation, and emotional coloring. At the syntactic level, attention is paid to sentence structure, rhythm, and repetition. At the figurative level, the analysis focuses on imagery, metaphor, irony, and symbolism [4, p. 22]. These devices help create the atmosphere, tone, and emotional effect of the story. In literary stylistics, language is not viewed as a neutral medium but as a tool of artistic creativity. As Kukharenko notes, «the main task of stylistic analysis is to reveal how the writer's linguistic means realize his artistic intention» [3, p. 33]. This perspective is especially relevant to O. Henry's works, where simple language and colloquial expressions conceal profound human emotions and moral reflection.

Thus, stylistics provides the theoretical foundation for analyzing O. Henry's «*The Skylight Room*». It helps reveal how irony, metaphor, and symbolic imagery work together to create the story's emotional depth and humanistic tone.

Stylistic Analysis of «*The Skylight Room*»

O. Henry's short story «*The Skylight Room*» is a vivid example of the writer's humanistic worldview and stylistic mastery. The narrative, while simple and humorous on the surface, contains profound symbolic and emotional layers. Through the image of a poor typist named Miss Leeson, the author explores themes of **loneliness, imagination, social indifference, and hope**. The story, set in a cheap New York boarding house, reveals the life of ordinary people struggling to survive in an urban environment. O. Henry's unique style — marked by irony, contrast, and emotional sincerity — gives the story its timeless charm and moral depth [1, p. 3].

1. Irony as a Dominant Stylistic Device

Irony serves as the central stylistic device throughout the story. The narrator's polite yet mocking tone highlights the absurdity and cruelty of the boardinghouse world. For example, «You would not dare to interrupt her description of

their advantages...» ridicules Mrs. Parker's self-importance while revealing the humiliation of the poor room-seeker. The second-person narration («you») draws the reader into this social drama, blurring the boundary between observer and victim. This pervasive irony gives the story both its humor and its underlying moral tension.

2. Symbolism and Its Emotional Effect

The **skylight** is the story's central symbol. It represents both confinement and hope. The tiny room is described as «like the sides of a coffin», yet through the skylight, Miss Leeson sees «a square of blue infinity». The contrast symbolizes the coexistence of despair and aspiration in the human spirit. The star she names «Billy Jackson» becomes a personal emblem of faith and imagination. In the final scene, when she whispers «Good-bye, Billy Jackson,» the symbol achieves full emotional resonance: the star embodies both her isolation and her enduring hope.

3. Use of Metaphor and Personification

Metaphor and personification animate the story's emotional and visual imagery. The walls «seemed to close in upon you like the sides of a coffin», transforming the physical setting into a metaphor for social suffocation. The night sky is personified as «Night fastens her kimono with a big diamond pin», combining the cosmic and the domestic. Through these figures, O. Henry contrasts the harsh material world with the beauty of imagination. The doctor's later appearance — «his face was that of one who bears his own dead» — turns a realistic moment into moral allegory, revealing compassion amid tragedy.

4. Epithets and Lexical Expressiveness

O. Henry's epithets vividly characterize his figures while conveying emotional judgment. Phrases such as «half-contemptuous, half-Tuskegeenial tones» and «the tall blonde who taught in a public school and said, 'Well, really!'» condense entire personalities into expressive linguistic forms. Descriptive adjectives like «gay-hearted», «fragile body», and «smooth-faced, confident» add emotional coloring and guide the reader's sympathy. Through these lexical choices, the narrator maintains a delicate balance between satire and empathy — mocking social pretension while honoring human vulnerability.

5. Syntax, Dialogue, and Narrative Voice

The story's syntax alternates between long, elaborate sentences and brief, dramatic ones. The lengthy, clause-filled sentences («Convinced by her second-floor manner that it was worth the \$12...») mirror the tedious formality of social transactions, while short sentences like «I'll take it! sighed Miss Leeson» emphasize emotional exhaustion. Dialogue functions as characterization: Mrs. Parker's verbose manner, Miss Longnecker's pretentious repetitions («Well, really!»), and Miss Leeson's simple, playful remarks reflect differences in education, class, and temperament. The narrative voice combines irony with compassion, maintaining O. Henry's characteristic tone of amused sympathy.

References:

1. Smith, C. Alphonso. O. Henry: A Biography. Garden City, N.Y. and Toronto: Doubleday, Page & Company, 1925.

6. Tone and Mood

The tone evolves from **comic satire** to **lyrical tragedy**. The beginning ridicules urban life's absurdities, yet by the end, the mood becomes tender and sorrowful. When Miss Leeson gazes at her star, humor dissolves into quiet despair and transcendence. The closing line — «Dr. William Jackson... says the patient will recover» — introduces a faint but genuine hope. This tonal shift creates the story's emotional arc: laughter gives way to pity, and irony transforms into moral illumination.

7. Lexical Simplicity and Artistic Effect

O. Henry's diction is simple and direct, which strengthens the story's sincerity. Everyday words — «room», «star», «hungry», «little girl» — make the narrative accessible while intensifying its realism. The plainness of Miss Leeson's farewell — «Good-bye, Billy Jackson... you kept where I could see you most of the time» — heightens emotional authenticity. The artistic effect lies in contrast: behind lexical simplicity, deep emotion and universal meaning emerge. This simplicity reflects O. Henry's democratic vision of art — beauty found in the lives of ordinary people.

Conclusion

In conclusion, the stylistic analysis of O. Henry's «*The Skylight Room*» reveals the author's remarkable ability to express deep human emotions through simplicity of form and richness of meaning. His writing style is characterized by clarity, emotional precision, and a subtle balance between irony and sympathy. The story reflects O. Henry's central artistic principle — to find beauty, dignity, and moral value in the ordinary lives of common people.

Through the character of Miss Leeson, the author conveys the fragility of human existence and the resilience of imagination. The tiny room, symbolically named «skylight,» becomes both a prison and a window to the universe — a space where dreams resist despair. The star «Billy Jackson» embodies hope, companionship, and the belief that light exists even in darkness. These images, supported by stylistic devices such as metaphor, personification, and epithets, make the story emotionally vivid and thematically profound.

O. Henry's stylistic mastery also lies in his use of irony. The ironic title and the unexpected ending create a powerful emotional reversal, demonstrating how imagination can transform reality. The combination of simple vocabulary, natural dialogue, and poetic undertones gives the narrative both realism and lyricism.

Ultimately, «*The Skylight Room*» represents the synthesis of O. Henry's humanism and artistry. His careful choice of language and expressive means allows readers to perceive not only the external events of the story but also the inner world of its hero. The story affirms that kindness, imagination, and faith can transcend poverty and solitude, making O. Henry's artistic message universal and enduring.

2. Porter, William Sydney (O. Henry). The Skylight Room. New York: The McClure Press, 1912.
3. Bloom, Harold. Bloom's Major Short Story Writers: O. Henry. New York: Chelsea House Publishers, 1999.
4. Utkirovna, N. S. «O. Henry's Unique Writing Style». Language, Literature, Translation, and Modern Approaches, 2022, pp. 126–128.
5. Khamdamovna, M. U. «Irony and Sarcasm in English Humour». Online Conferences Platform, 2021, pp. 78–82.
6. Leech, Geoffrey N., and Short, Michael H. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. 2nd ed., Pearson Education, 2007.
7. Galperin, I. R. Stylistics. Moscow: Higher School Publishing, 1977.

Лингвостилистические средства создания атмосферы страха в романе Стивена Кинга *The Shining*

Пилипенко Софья Андреевна, кандидат педагогических наук, доцент;

Савенко Арина Витальевна, студент магистратуры;

Филиппова Влада Евгеньевна, студент магистратуры

Севастопольский государственный университет

*В статье были определены и рассмотрены лингвостилистические средства, которые используются для создания атмосферы страха в романе Стивена Кинга *The Shining*. Особое внимание уделяется специфике жанра «хоррор» в целом и идиостилю Стивена Кинга.*

Ключевые слова: жанр хоррор, стилистика, лингвостилистические средства, выразительные средства, стилистические приемы, Стивен Кинг.

Данная статья посвящена исследованию лингвостилистических средств создания атмосферы страха в романе Стивена Кинга *The Shining*. Творчество Стивена Кинга нередко рассматривается с точки зрения реализации художественных средств. В романе *The Shining* автор добивается эмоционального напряжения (создает атмосферу страха) при помощи множества выразительных средств и стилистических приемов.

Объектом исследования являются языковые особенности романа Стивена Кинга *The Shining*. Предмет исследования — лингвостилистические средства, создающие атмосферу страха в романе. Материалом исследования является роман Стивена Кинга *The Shining*.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе лингвостилистических средств в романе Стивена Кинга *The Shining*.

Исследование актуально ввиду недостаточной изученности специфики лингвостилистических средств, формирующих атмосферу страха и тревоги в литературных произведениях жанра «хоррор».

Жанр «хоррор» представляет собой самостоятельную жанровую единицу, несмотря на то, что его элементы часто используются в иных литературных направлениях. Современный писатель М. С. Парфенов утверждает, что определение «хоррора» как подвида фантастики ошибочно, так как фантастическое допущение основано на противопоставлении реального и нереального миров, создаваемых воображением автора. Это не является фундаментальной характеристикой произведения в жанре «хоррор» [4].

Согласно определению Парфенова, «хоррор» представляет собой разновидность преимущественно массовой литературы (а также искусства в целом), основная особенность которой состоит в целенаправленном воздействии на эмоциональное восприятие читателя, а именно, на чувство страха [4].

Методы воздействия литературы жанра «хоррор» на читателя не ограничиваются строго определенным набором выразительных средств и стилистических приемов, так как для создания атмосферы страха писатель может использовать различный контекст. В языковой действительности разграничивают два вида контекста: экстралингвистический и лингвистический. Лингвистический контекст может быть лексическим, синтаксическим, лексико-синтаксическим, морфолого-синтаксическим и смешанным [3, с. 29, 31]. В противоположность лингвистическому контексту, экстралингвистический контекст опирается на совокупность сведений, не представленных непосредственно в тексте, но являющихся понятными и знакомыми как для говорящего, так и для реципиента, так как «состоит из (1) предметной обстановки (время, место), (2) речевой ситуации (личность автора, источник, адресат, назначение переводимого материала)» [6].

Ярким примером литературы жанра «хоррор» служит творчество американского писателя Стивена Кинга, обладающего уникальной способностью передавать страх и тревогу с помощью выразительных средств и стилистических приемов. Основные особенности идиостиля Стивена Кинга:

- 1) человек — центральная фигура в произведении;
- 2) проработанная реальность;
- 3) частое применение сравнений, гипербол и метафор;
- 4) глубокое изучение психологического состояния персонажей.

Вышеперечисленные особенности делают стиль Стивена Кинга узнаваемым и позволяют писателю добиться необходимого для жанра «хоррор» воздействия на читателя [1].

В нашем исследовании рассмотрены лингвостилистические средства в рамках сюжетной хронологии романа «The Shining» (заязка, развитие действия, кульминация). Мы опираемся на классификацию А. Н. Мороховского, который разграничивает выразительные средства и стилистические приемы. Выразительные средства являются фигурами замещения, т. е. средствами вторичной номинации, то есть отклонение от нейтральной модели. Стилистические приемы — приобретение дополнительного значения в определенном речевом контексте за счет транспозиции модели [3]. По В. Н. Телии вторичная номинация — это процесс использования уже существующих языковых единиц для обозначения новых понятий [5, с. 836].

В заязке романа писатель вводит такие выразительные средства, как эпитет, метафора и сравнение:

He had whirled Danny around to spank him, his big adult fingers digging into the scant meat of the boy's forearm, meeting around it in a closed fist, and the snap of the breaking bone had not been loud, not loud but it had been very loud, HUGE, but not loud [6].

В данном фрагменте словосочетание *big adult fingers* противопоставляется метафоре *the scant meat of the boy's forearm*, образуя синтаксический прием — антитезу [2].

Just enough of a sound to slit through the red fog like an arrow — but instead of letting in sunlight, that sound let in the dark clouds of shame and remorse, the terror, the agonizing convulsion of the spirit [6].

Метафора «*the dark clouds*» вызывает ассоциации с темнотой, символизирующей зло и опасность. Атмосферу страха усиливает употребление синонимического ряда и олицетворение абстрактного понятия «*spirit*», что также придает образу многослойность.

На этапе развития действия атмосферу страха в романе создают описания видений Дэнни, сына Джека Торранса. Писатель вводит фонетический прием — звукоподражание, а также в описаниях страшных эпизодов появляется синтаксический прием — парцеляция. Более того, учащается использование нецензурной лексики и антитезы, из-за чего создается ощущение отсутствия гармоничности повествования. По мере развития

сюжета, писатель использует абстрактные слова и выражения и прибегает к графическим средствам выразительности.

Crash. Crash. Crash. Splintering wood. A bellow of rage and satisfaction. REDRUM. Coming [6].

В данном фрагменте «*Crash. Crash. Crash*» является звукоподражанием (фонетическое средство) и повтором (синтаксическое средство). «*A bellow of rage and satisfaction*» — антитеза.

С наступлением кульминации отмечается активное использование автором парцеляции, олицетворения и графических выразительных средств. Ярким примером является следующий фрагмент:

He walked to the chopping block and put his hand on the handle of the mallet.

He hefted it.

Swung it.

It hissed viciously through the air. Jack Torrance began to smile [6].

В заключение, необходимо описать выявленные закономерности использования лингвостилистических средств в романе Стивена Кинга *The Shining*.

В заязке романа такие выразительные средства, как эпитет, метафора и сравнение играют ведущую роль в создании атмосферы страха. Ближе к кульминации романа они являются дополнением к другим стилистическим приемам. Следует также отметить, что Стивен Кинг использует синтаксическое средство повтор для выражения мыслей героев произведения. С развитием сюжета, помимо перечисленных выше выразительных средств, писатель вводит фонетический прием — звукоподражание, а также синтаксический — парцеляцию. Более того, в рамках произведения в целом прослеживается градация, а именно, в использовании лингвостилистических средств для усиления напряженности повествования на разных этапах развития сюжета.

Мы отмечаем активное использование автором графических средств выразительности. Например, написание определенных слов заглавными буквами, написание нескольких или даже одного предложения на нескольких строках, чтобы передать расстановку пауз, интонацию и настроение персонажей, а также чтобы показать их мысли в сам момент говорения.

Роман Стивена Кинга *The Shining* демонстрирует богатое разнообразие лингвостилистических средств, направленных на формирование атмосферы страха и напряжения. С помощью выразительных средств и стилистических приемов автор постепенно повышает уровень напряжения и усиливает атмосферу страха в произведении. Таким образом Стивен Кинг достигает высокого уровня эмоционального воздействия на читателя.

Литература:

1. Ассулин, П. Ужасы Стивена Кинга/ П. Ассулин // Ровесник. — 1990 — № 12. — С. 20–21.

2. Митева, Н. В. О синтаксических стилистических приемах // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / — Москва: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 20. — С. 108–110.
3. Мороховский, А. Н. Стилистика английского языка / А. Н. Мороховский — Киев: Высшая школа, 1991. — 272 с.
4. Парфенов, М. С. Что такое хоррор // Darker — 2012 — URL: <https://darkermagazine.ru/column/> (дата обращения 18.11.2025).
5. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименования) / В. Н. Телия. — Москва: Наука, 1977. — С. 129–221.
6. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь/Л. Л. Нелюбин. — 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 320 с.
7. King, Stephen. The Shining / Stephen King. — Georgia: Doubleday, 1977. — 640 p.

Семантические особенности глагольной лексики, обозначающей чувства и переживания, в любовной лирике Анны Ахматовой (на материале стихотворений «Сжала руки под тёмной вуалью...» и «Песня последней встречи»)

Сапаева Шахноза Мухамедовна, студент магистратуры
Ургенчский технологический университет RANCH (Узбекистан)

В данной статье рассматриваются особенности функционирования глагольной лексики, которая обозначает чувства и эмоциональные состояния, в любовной лирике Анны Ахматовой. На материале стихотворений «Сжала руки под тёмной вуалью...» и «Песня последней встречи» выявляются семантические и грамматико-видовые характеристики глаголов, анализируется их роль в создании психологического и композиционного строя произведений. Также особое внимание уделено эмоциональной функции глаголов, передающих внутренние переживания, динамику чувств и отражающих концепцию любви в творчестве Ахматовой.

Исследование показывает, что глагольная лексика является не только средством обозначения действий, но и важнейшим инструментом создания художественной образности и эмоционального воздействия. Выявленные лексико-тематические группы позволяют глубже понять стилистические особенности любовной лирики Ахматовой и ее место в русской поэзии XX века. Результаты исследования могут быть полезны для дальнейшего изучения поэтической лексики, анализа языковой картины мира Ахматовой, а также для сравнительных исследований произведений поэтов Серебряного века.

Ключевые слова: Ахматова, глагольная лексика, семантика, любовная лирика, эмоциональность, поэтический язык.

Semantic peculiarities of the verbal lexicon denoting feelings and experiences in the love lyrics of Anna Akhmatova (on the material of the poems "Clasped her hands under the dark veil..." and "Song of the last meeting")

The article examines the features of the functioning of verbal lexicon that denotes feelings and emotional states in Anna Akhmatova's love poetry. Based on the poems «She clasped her hands under a dark veil...» and «The Song of the Last Meeting», the article identifies the semantic and grammatical-aspect characteristics of the verbs and analyzes their role in creating the psychological and compositional structure of the works. Special attention is given to the emotional function of the verbs, which convey inner experiences, the dynamics of feelings, and reflect the concept of love in Akhmatova's poetry.

The study shows that verb vocabulary is not only a means of denoting actions, but also an important tool for creating artistic imagery and emotional impact. The identified lexical and thematic groups allow us to gain a deeper understanding of the stylistic features of Akhmatova's love poetry and its place in Russian poetry of the 20th century. The results of the study can be useful for further research on poetic vocabulary, analysis of Akhmatova's linguistic worldview, and comparative studies of the works of Silver Age poets.

Keywords: Akhmatova, verb vocabulary, semantics, love lyrics, emotion, poetic language.

Введение

Язык поэзии Анны Ахматовой, как писал Ю. М. Лотман, всегда обращён внутрь личности. Одним из важнейших средств выражения внутреннего состояния героя яв-

ляются глаголы, которые способны передать движение души, переход чувства, его изменение во времени. Глагол в любовной лирике Ахматовой выступает не только грамматическим центром высказывания, но и смысловым ядром образной системы.

Актуальность исследования определяется тем, что глагольная лексика в поэзии Ахматовой отражает не внешнее действие, а внутренний психологический процесс. Целью работы является выявление семантических и функциональных особенностей глаголов в любовной лирике Ахматовой, которые обозначают и передают чувства и переживания.

Теоретические основы анализа глагольной лексики

Как отмечают исследователи, глагол в поэзии выполняет не только грамматическую, но и эстетическую функцию [2]. Он выражает внутренний конфликт, эмоциональную динамику, переходность состояния.

В. В. Виноградов отмечал, что поэтический глагол фиксирует момент эмоционального напряжения, становясь образом чувства. [1]. Именно эта его особенность делает глагол центральным элементом любовной поэтики Ахматовой.

Глагольная лексика в стихотворении «Сжала руки под тёмной вуалью...»

Стихотворение «Сжала руки под тёмной вуалью...» (1911) отражает момент внутреннего разрыва героини со своим влюбленным, в котором глаголы передают смену душевных состояний: *сжала, сказала, прошептала, ушёл*. Каждый из этих глаголов фиксирует мгновение внутреннего движения.

Глагол *сжала* передаёт физическое действие героини, но смысл его метафоричен, то есть это жест подавленного чувства или же попытка удержать себя. Такие глаголы как *сказала* и *прошептала* создают эффект интонационного затихания, убывания эмоциональной энергии. Завершающий глагол *ушёл* обозначает не только уход мужчины, но и уход чувства, завершение эмоциональной связи между влюбленными. Следовательно, система глаголов отражает динамику душевного состояния героини — от сдержанности к безысходности. Видовая организация (совершенный вид) данных глаголов подчёркивает, что события завершены, расставание неизбежно и окончательно.

Глагольная лексика в стихотворении «Песня последней встречи»

В стихотворении «Песня последней встречи» (1911), глаголы выполняют схожую функцию, но образуют более развернутую семантическую цепь: *иши, неся, забыть, глядела, сказала, смеялась, глядела*.

Глаголы несовершенного вида такие как *иши, глядела, смеялась*, создают эффект продолжительности и повторяемости, погружая читателя в психологический поток. Ахматова через эти формы показывает замедленное восприятие времени — состояние, когда каждое движение становится частью прощания.

Как отмечает Л. Я. Гинзбург, Ахматова «говорит языком поступка, но действие у неё всегда равно внутреннему переживанию» [Гинзбург, 1974]. Именно в глаголах проявляется это совпадение действия и чувства.

Сравнительный анализ

В обоих стихотворениях наблюдается единство эмоционального кода, который выражен через глагольную лексику. Однако если в стихотворении «Сжала руки под тёмной вуалью...» глаголы обозначают момент эмоционального обрыва, то в «Песне последней встречи» — замедление чувства, постепенное его угасание между героиней и ее влюбленным.

Видовые различия (совершенные / несовершенные) глаголов передают контраст между резким окончанием и протяжённым расставанием. Глаголы первой группы — *сжала, ушёл* — фиксируют завершённое действие, тогда как во втором тексте — *иши, глядела, смеялась* — действие длится, отражая постепенность утраты.

Таким образом, Ахматова использует видовременные формы глаголов как средство психологического контраста. В системе её любовной лирики глагол — это не столько действие, сколько эмоциональный жест, через который выражается глубина внутреннего её переживания...

Семантические и грамматико-видовые особенности

Основные группы глаголов, которые встречаются в исследуемых текстах, можно классифицировать по следующим семантическим полям:

- 1) глаголы речи (сказала, прошептала);
- 2) глаголы движения (шла, ушёл);
- 3) глаголы восприятия (глядела);
- 4) глаголы внутреннего состояния (забыть, сжала — в метафорическом значении).

Все эти поля формируют единый эмоциональный контур. Преобладание глаголов совершенного вида в первом стихотворении и несовершенного — во втором подчёркивает постепенный переход чувства от напряжения к покою.

Д. С. Лихачёв писал, что Ахматова создала особый язык интимной исповеди, где грамматика становится поэзией. И это мы увидели на примере данных стихотворений.

Заключение

Исследование глагольной лексики в любовной лирике Анны Ахматовой позволило выявить ключевые закономерности ее использования и определить роль глаголов в поэтическом тексте. Анализ показал, что глаголы являются не просто средствами обозначения действий и состояний, но и важнейшими инструментами создания художественного образа, передачи эмоций, формирования композиционной структуры стихотворения.

Одним из важнейших стилистических приемов Ахматовой является использование глаголов несовершенного вида для передачи длительности и неопределенности, вечности эмоций и состояний. В то же время совершенный вид глаголов фиксирует ключевые моменты, эмоцио-

нальные всплески, окончательность решений и событий. Особенно значимой является игра на контрастах глаголов типа «помнить — забыть», «прийти — уйти», «любить — ненавидеть», представляющие собой антонимические пары, создают напряжение, передают драматизм лирических ситуаций.

Глагольная система любовной лирики Ахматовой отражает не движение внешнего мира, а внутренний процесс — становление и угасание чувства. Через выбор видовременных форм и семантических оттенков поэтесса создаёт психологически точную картину женского переживания.

Семантика глаголов служит ключом к пониманию авторской концепции любви: чувства у Ахматовой обре-

тают форму поступка, но поступок этот является внутренним, духовным.

Таким образом, глагольная лексика становится не только грамматическим, но и поэтическим инструментом, позволяющим выявить глубинную эмоциональную структуру ахматовского текста.

В целом, результаты проведенного анализа подтверждают, что глаголы в любовной лирике Анны Ахматовой не просто обозначают действия, а являются мощными стилистическими и экспрессивными инструментами, раскрывающими глубину переживаний лирической героини и создающими сложную, многослойную картину мира, наполненную эмоциями, драматизмом и философскими размышлениями о любви, судьбе и памяти.

Литература:

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. — М.: Гослитиздат, 1947.
2. Гинзбург Л. Я. О лирике. — Л.: Сов. писатель, 1974.
3. Жирмунский В. М. Теория стиха. — Л.: Наука, 1969.
4. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — М.: Наука, 1988.
5. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. — Л.: Наука, 1972.
6. Лавров А. В. Анна Ахматова: Поэтика. — СПб.: Искусство, 1991.
7. Ахматова А. А. Собрание сочинений в шести томах. — М.: Эллис Лак, 1998.

Структура и функции описательных оборотов в пейзажной лирике А. А. Фета

Худайберганова Интизор Икрамовна, студент магистратуры
Ургенчский технологический университет RANCH (Узбекистан)

Данная статья посвящена поэтике А. А. Фета и анализу структурно-семантических особенностей описательных оборотов в его пейзажной лирике. Исследуются такие художественные средства, как синестезия, эллипсис, бессоюзие, инверсия и музыкальность стиха, играющие ключевую роль в создании феномена «музыки света». Показано, что фетовское слово формируется как выражение мгновенного эмоционального переживания, что сближает его лирику с эстетикой импрессионизма и предвосхищает поэтические поиски символистов.

Ключевые слова: пейзажная лирика, мгновение, синестезия, музыкальность слова, эллипсис, бессоюзие, инверсия, чистая красота, поэтика Фета.

Structure and Functions of Descriptive Turns in A. A. Fet's Landscape Lyrics

The paper is devoted to the poetics of Afanasy Fet and the analysis of structural-semantic features of descriptive constructions in his landscape lyrics. The study examines artistic devices such as synesthesia, ellipsis, asyndeton, inversion, and musicality of verse, which play a key role in creating the phenomenon of "the music of light." It is shown that Fet's word is formed as an expression of instantaneous emotional experience, which brings his lyrics close to the aesthetics of Impressionism and anticipates the poetic searches of the Symbolists.

Keywords: landscape lyrics, moment, synesthesia, musicality of the word, ellipsis, asyndeton, inversion, pure beauty, Fet's poetics.

Творчество Афанасия Афанасьевича Фета занимает уникальное место в истории русской поэзии XIX века. Его стихи строятся не на логике последовательного повествования и не на философском осмыслиении событий, а на стремлении передать **тончайшую вибрацию мгно-**

вения, переживания, едва уловимого отклика сердца. Уже современники называли его «поэтом мгновения».

Н. Н. Страхов, один из исследователей творчества А. А. Фета, отмечал, что «он уловляет только один момент чувства или страсти, он весь в настоящем... Каждая

песня Фета относится к одной точке бытия» [1, с. 142]. Подобная характеристика точно указывает на внутреннюю природу его творчества: Фет не стремится изображать мир в целом, а фиксирует **эмоциональные вспышки**, отражающие внутреннее состояние лирического субъекта.

Сам поэт осознавал эту особенность своей поэзии. В письме он писал: «Для меня важно не событие, а миг, не рассказ, а то, что проходит через сердце в одно неуловимое дыхание» [1, с. 45].

Таким образом, центральным принципом фетовской поэзии является фиксация **точки бытия**, мгновения света, звука или движения, через которое проявляется **полнота чувства**. В этом проявляется его стремление к **струящности образов**, их музыкальной вибрации и тонкой слитности восприятия.

Поэтика Фета формировалась на переломе эпох — в период перехода от позднего романтизма к эстетике, предвосхищающей импрессионизм и символизм. Его внимание к мельчайшим деталям природы и психологии делает пейзаж **живым, дышащим организмом**, который отражает внутренний мир лирического субъекта.

Фет сознательно уходит от конкретизации топонимов и создает **импрессионистические зарисовки**. Природа в его стихах пребывает в перманентном движении и метаморфозе, фиксируя **ускользающий, мимолётный момент** времени. В отличие от современников, которые склонны к философскому или социальному осмыслению природы, Фет фокусируется на её эстетическом воздействии и **не-отразимой красоте**, воспринимаемой человеком как эмоциональное переживание.

Такое отношение к пейзажу оказалось сильное влияние на символистов (В. Брюсов, К. Бальмонт), которые передали у него музыкальность стиха и умение передать **мгновение чувства** через поэтическую «живопись» природы.

Эстетическая установка Фета ярко выражена в стихотворении «Лишь у тебя, поэт...»:

«Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук,
Лишь ты один в душе хранишь мгновенный ток разлук...» [1, с. 234].

Здесь слово освобождено от рассудочной нагрузки, оно живёт дыханием, движением, трепетом. Оно удерживает то, что в обычной речи исчезает. Современники также подчеркивали эту особенность. А. В. Дружинин в издании «Стихотворения А. А. Фета» (1856) писал:

«Сила Фета в том, что поэт наш, руководимый своим вдохновением, умеет забираться в сокровеннейшие тайники души человеческой... Ему открыта... область по этических ощущений». Таким образом, **чувство в поэзии Фета стоит выше рационального**, и этот эмоциональный порыв становится сознательно поставленным творческим принципом [3, с. 12].

Для всей лирики Фета характерны **одухотворённость, кристально нерастреченный свет молодости, трепетное восприятие жизни, прозрачная мудрость осени**. Его стихи соединяют свежесть юных переживаний и зрелый, очищенный опытом взгляд. В них неизменно присут-

ствуют мягкая душевность, дымчатые переливы света и легкие озарённые солнцем образы мира.

Особенно показательно стихотворение, написанное в сентябре 1892 года, всего за два месяца до смерти:

«Мысль свежа, душа вольна,

Каждый миг скажет: хочу, что я могу...» [1, с. 267].

Эти строки выражают итог творческого пути Фета: доверие к мгновению, способность воспринимать мир трепетно, осознание, что **истинная поэзия рождается из живого движения души**.

Фет активно использует **синестезию**, соединяя зрительные, слуховые и осязательные образы в единое впечатление. Природа у него не просто изображается, она звучит и вибрирует вместе с внутренним состоянием лирического героя.

Эллипсис придаёт строкам лёгкость и органичность, а **бессоюзие** создаёт непрерывный поток чувств, отражая естественный ритм восприятия. **Инверсия** и **синтаксический параллелизм** формируют внутреннюю мелодику стиха, превращая его в **ритмическую волну**, где эмоциональное и природное восприятие сливаются воедино.

Пример бессоюзия и эллипсиса:

«Сияла ночь. Луной был полон сад.

Лежали лучи у наших ног в гостиной без огней»

Инверсия позволяет выделить ключевые элементы: «И страстью и тоской в груди моей запело» — акцент на действии как отклике души. «Какая грусть таит твои движения» [7] — драматизм и психологическая загадочность усиливаются благодаря вынесению глагола вперед.

У Фета пейзаж выполняет функцию **непосредственного выражения внутреннего мира героя**. Он сопреживает, вступает в диссонанс или гармонирует с эмоциональным состоянием лирического субъекта. Через описательные обороты передается **эмоциональная глубина и музыкальность восприятия**, формируя эффект «музыки света».

Описательные конструкции фиксируют мгновенную красоту, передают движение и дыхание природы, подчеркивают гармонию между человеком и вселенной, которая является центральной идеей **эстетики чистой красоты** Фета.

Структурные особенности описательных оборотов в пейзажной лирике Фета — не случайность, а прямое выражение его художественной философии. Импрессионистическая фрагментация образов, синестезия и психологический параллелизм работают вместе для передачи мгновенных, глубоко субъективных переживаний.

Фет создал цельную модель мироощущения, где личность и природа находятся в непрерывном диалоге. Его поэзия — это «**музыка света**», где каждое слово становится живописным штрихом, а каждая фраза раскрывает движение человеческой души.

Таким образом, через синестезию, музыкальность стиха, фрагментарность и интонационную гибкость Фет создаёт уникальный мир, в котором слово освобождено от рассудочности и становится носителем непосредственного чувства. Такой подход позволил поэту сформировать

эстетическую модель, оказавшую влияние на символистов и в целом предвосхитившую импрессионистические поиски русской литературы. Его пейзажи не описательны — они эмоционально насыщены, отражают внутреннее состояние человека, создавая ощущение гармонии между душой и природой. В поздних стихах Фета особенно за-

метно стремление довериться мигу, услышать «музыку света» и сохранить в слове ту красоту, которая существует лишь в одно дыхание. Поэтому его поэзия остаётся примером художественной чистоты и глубины, в которой каждое слово — это отклик живой души и проявление высокой, одухотворённой чувствительности.

Литература:

1. Фет А. А. Стихотворения и поэмы. — М.: Художественная литература, 1987.
2. Страхов Н. Н. Русская литература XIX века. — М., 1885.
3. Дружинин А. В. Стихотворения А. А. Фета. — СПб., 1856.
4. Аторина О. Г. А. А. Фет и русский символизм: К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, А. А. Блок, А. Белый: Автoref. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2005.
5. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. — М.: Просвещение, 1998.
6. Михайлов А. В. Поэзия и философия А. А. Фета. — М., 1999.
7. Тимофеев Л. И. Стилистика и поэтика Фета. — СПб., 2004.
8. Тютчев Ф. И., Фет А. А. Стихотворения. — М.: Художественная литература, 1988.

Влияние переводческих стратегий на восприятие китайской культуры в русском переводе романа «Путешествие на Запад»

Шельпякова Анна Александровна, студент

Научный руководитель: Ерохин Александр Владимирович, доктор филологических наук, доцент
Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова

Статья посвящена исследованию влияния переводческих стратегий на восприятие китайской культуры в русском переводе романа «Путешествие на Запад». В работе рассматриваются лингвокультурные аспекты перевода текста, а также способы адаптации юмора и сатиры с китайского на русский язык. На материале 18-й и 19-й глав анализируются конкретные переводческие стратегии, использованные Рогачевым А. П. Теоретической основой исследования послужили труды лингвистов Комиссарова В. Н., Фёдорова А. В. и Стернина И. А.

Ключевые слова: Путешествие на Запад, классический китайский роман, восприятие китайской культуры в России, переводческие стратегии.

The impact of translation strategies on the perception of Chinese culture in the Russian translation of «Journey to the West»

This article examines the influence of translation strategies on the perception of Chinese culture in the Russian translation of the novel "Journey to the West". The study explores linguocultural aspects of the text translation and methods of adapting humor and satire from Chinese into Russian. Using chapters 18 and 19 as materials, the analysis focuses on specific translation strategies employed by the Soviet translator A. Rogachev. The theoretical framework draws upon the works of linguists V. Komissarov, A. Fedorov and I. Sternin.

Keywords: Journey to the West, classical Chinese novel, perception of Chinese culture in Russia, translation strategies.

Роман «Путешествие на Запад» — один из «Четырёх великих классических романов» китайской литературы, оказавший значительное влияние на формирование культуры и литературы всей Восточной Азии. Как отмечает Б. Л. Рифтин, формирование этого произведения было логическим этапом в развитии китайской повествовательной прозы, «...которое в XIV — XVI вв. можно

определить, как время создания крупных жанровых форм: героической эпопеи и романа» [1, с. 639]. Несмотря на то, что автором произведения считается У Чэн-энь, писатель эпохи Мин, авторство до сих пор является предметом дискуссий, поскольку первая полная версия была опубликована анонимно в 1592 году. Особенностью романа является не сочинение нового сюжета, а соединение народных

сказаний, фантастики, а также буддийских, даосских и в некоторых моментах конфуцианских идей. Это можно заметить через призму героев, которые предстают зачастую в комичных и юмористических образах, что в сочетании создает уникальный культурный код, представляющий сложность для перевода и адаптации на русский язык.

Актуальность данного исследования заключается в том, что переводческие стратегии напрямую формируют у читателя образ китайской культуры. Новизна данной работы также заключается в том, что, несмотря на культурную значимость, роман «Путешествие на Запад» в российской научной среде редко становится предметом детального литературоведческого и переводческого анализа. Детальный анализ глав позволяет преодолеть трудность, связанную с объемным содержанием текста, и более пристально рассмотреть ключевые моменты перевода текста.

Важно отметить, что над переводом романа «Путешествие на Запад» трудилась целая команда переводчиков. Основной текст первого двух томов был переведен А. П. Рогачевым, перевод стихотворений осуществлялся под руководством И. С. Голубева, а литературная редакция — В. Гордеева и А. А. Адалис. Третий и четвертый тома были переведены В. С. Колоколовым, стихотворные фрагменты — И. С. Голубевым, а литературная обработка под редакцией А. С. Эфрон. Таким образом, одна книга содержит отпечаток не только У Чэн-эня, но и многих переводчиков, что делает роман уникальным объектом для изучения влияния коллективного труда на целостность восприятия.

При переводе иностранной литературы, особенно романа «Путешествие на Запад», переводчика можно назвать соавтором произведения, переписывающим оригинальный текст. Так, стихотворные фрагменты романа сначала были дословно переведены И. С. Голубевым на русский язык, а затем отредактированы русскими поэтами того времени, такими как А. А. Адалис, А. С. Эфрон и др. В своей работе А. В. Федоров отмечает данный подход к переводу: «Правдивый перевод по существу представляет разрешение задачи, неосуществимой с точки зрения формальной точности» [6, с. 142]. Данная мысль также нашла отклик у В. Н. Комиссарова. Он подчеркивает, что: «Правильная оценка, отбор и использование равноценных высказываний зависят от знаний, умений и творческих способностей переводчика...» [2, с. 47]. Таким образом, именно выбор переводческих стратегий в конечном итоге влияет на адекватность восприятия культурных, религиозных и языковых особенностей.

Одной из ключевых задач переводчика является передача скрытого смысла произведения, в частности религиозных коннотаций. Как отмечает И. А. Стернин, именно они формируют «...определенные, регулярно актуализируемые в данной культуре мыслительные (когнитивные) схемы интерпретации того или иного типа высказываний» [3, с. 9]. Неточный или неверный перевод этих смыслов ведет к упрощенному восприятию китайского культурного кода. Так как скрытый смысл неразрывен

с восприятием текста, следовательно, переводчик должен стремиться перевести не только очевидное содержание, но и понять скрытый смысл.

Важнейшей задачей переводчика является донесение смысла до читателя. Из этого следует, что важны переводческие стратегии, которыми пользовался переводчик в процессе перевода. В. Н. Комиссаров подробно описал все переводческие стратегии, используемые переводчиками в процессе перевода. В своей работе он описал такие стратегии, как лексические, грамматические и лексико-грамматические. Для анализа «Путешествия на Запад» наиболее применимы: транскрипция, калькирование, генерализация, опущение и модуляция. Именно эти трансформации могут послужить основой для последующего анализа.

Выбор 18-й и 19-й глав для настоящего исследования обусловлен тем, что именно в них происходит знакомство читателя с одним из главных героев книги — Чжу Ба-цзе. А. П. Рогачев во вступительной статье перед романом отмечает: «...в образе Чжу Ба-цзе автор правдиво отобразил характерные черты китайского крестьянина» [4, с 10]. Следовательно, данные главы являются выражением народного духа романа, что ставит перед переводчиком требования детального перевода национального и культурного кода, который проявляется через сатиру, юмор и семантически наполненные имена собственные.

В эпическом романе «Путешествие на Запад» можно заметить различные жанры, среди которых ярко выражены элементы плутовского романа, воплощенные в спутниках Танского монаха. Так, например, Сунь У-Кун выступает как главный плут, чьи хитрость и маскировка помогают ему одолеть врагов, в то время как Чжу Ба-цзе является воплощением глупого, недальновидного простака-обжоры. Через их приключения и взаимодействия с различными персонажами книги У Чэн-энь не только высмеивает пороки общества того времени, используя сатиру и юмор, но и представляет религиозный путь как способ просветления и решения проблем.

Ярким примером жанровой особенности и связанной с ней авторской иронии являются имена собственные и ключевые реалии книги, что наглядно можно увидеть в сравнительном анализе оригинала и перевода в таблице 1.

Основываясь на приведенном в таблице исследовании, при переводе имен и реалий на русский язык Рогачев чаще всего прибегает к калькированию («Деревня Гаолаочжуан») и транскрибированию («Сунь У-Кун», «Чжу Ба-цзе»). Такие подходы к переводу имен собственных, с одной стороны, облегчают восприятие благодаря избеганию объяснений каждого термина, но, с другой стороны, лишают текст многозначности смысла. Несмотря на обилие комментариев переводчика, глубинная ирония, заложенная в именах собственных, остается нераскрытым. Кроме того, использование таких переводческих стратегий облегчает восприятие произведения, поскольку исключает буддийско-даосские термины. Тем не менее

Таблица 1. Сравнительный анализ перевода имен собственных и культурных реалий в романе «Путешествие на Запад»

Китайский язык (оригинал)	Значение	Русский язык А. П. Рогачев
孙悟空(sūn wùkōng)	Сунь, постигший пустоту	Сунь У-Кун
唐僧(tángsēng) 三藏(sān zàng) 玄奘(xuán zàng)	Танский монах / трипитака* / удивительный, большой	Танский монах, святой монах, монах / трипитака / Сюань-цзан
猪刚鬣(zhū gāngliè) 猪八戒(zhū bājiè)	Свинья с грубой щетиной / свинья + 8 заповедей буддизма	Чжу Ган-ле / Чжу Ба-цзэ
高老庄(gāo lǎozhuāng)	Старая деревня Гао	Деревня Гаолаочжуан
心经(xīnjīng)	Священный текст, молитва	Священные книги Сутры

*Трипитака — совокупность всех трех разделов буддийских канонических книг: сутта-питака, виная-питака, абхидахарма-питака.

данный подход к переводу искажает иронию, заложенную в оригинальном произведении.

Буддизм, даосизм, а также юмор и ирония в романе тесно связаны между собой на глубинном уровне. Авторская сатира часто противопоставляет высокие духовные принципы (буддизм) приземленной, порой звериной натуре героев (даосизм). Ярким примером служит имя одного из главных героев произведения — Чжу Бацзэ. В оригинале оно является олицетворением ироничного слияния двух слов — «свинья» (猪) и «восемь заповедей буддизма» (八戒). В имени контрастируют животное начало и строгие духовные обеты, такие как «не убивать», «не пить» и другие. Имя «Чжу Ба-цзэ» — это сочетание двух противоположностей, выделяющее его сущность и духовные обязательства. В этом и заключается сатира У Чэн-эня. В переводе сохранилась лишь фонетическая составляющая имени, что приводит к утрате глубинных культурных особенностей и сарказма. В связи с этим можно сказать, что имена собственные были подвергнуты адаптации для легкости чтения, но тем самым лишая персонажей глубины восприятия.

В романе «Путешествие на Запад» не только имена полны смысла, но и фантастические приключения героев полны юмора и сатиры. Это придает повествованию особое сочетание фантастики и юмора с глубоким смыслом. Стратегии перевода А. П. Рогачева являются отражением не только перевода имен собственных, но и перевода фантастических приключений героев, наполненных юмором и сатирой. Одним из ярких примеров является описание метаморфоз Чжу Бацзэ.

В оригинале описывается детальный образ Чжу Бацзэ: «初来时, 是一条黑胖汉, 后来就变做一个长嘴大耳朵的呆子, 脑后又有一溜鬃毛, 身体粗糙怕人, 头脸就像个猪的模样» [5, с. 313].

Литература:

1. Рифтин Б. Л. Повествовательная проза // История всемирной литературы: в 9 томах — Т. 3. — М.: Наука, 1985. — 1026 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.

В переводе на русский язык это описание изменилось: «Первое время он был парень как парень, правда, толстоват и черноват, а потом рот и уши у него начали увеличиваться и он стал походить на какого-то дурня» [4, с. 334].

Несмотря на то, что при переводе на русский язык А. П. Рогачев сохранил разъясняющие детали метаморфоз главного героя, общее описание на уровне целого текста претерпевает изменения. Он генерализирует описание превращения в свинью. Кроме того, смягчается сатирическое начало, основанное на контрасте между человеческими и животными чертами, которое является основой комического эффекта в данном отрывке. Эта метаморфоза напрямую связана с религией. Яркое описание перехода из мужчины в свинью служит для представления борьбы между неизменными привычками и буддийскими обетами. Смягчая этот контраст, А. П. Рогачев невольно ослабляет сатирический и одновременно религиозный посыл, который является основой иронии в этом отрывке. Таким образом, несмотря на сохранение главной мысли, комичность и философская глубина, обусловленная китайским религиозно-культурным контекстом, теряет свою глубину.

Переводческие стратегии напрямую влияют на процесс международной коммуникации, поэтому переведенная версия «Путешествия на Запад» неизбежно подверглась изменениям и корректировкам со стороны переводчика. Использованные переводческие стратегии влияют на восприятие читателей, облегчая чтение и делая его менее теоретизированным. Однако при этом произведение утратило философскую глубину, изначально задуманную автором. Это сделано не с целью обеднить культуру, а с целью внедрения китайской культуры в русскую среду, даже с уменьшением объема важного смысла.

3. Стернин И. А. Анализ скрытых смыслов в тексте. — Воронеж: «Истоки», 2011. — 66 с.
4. У Чэн-энь. Путешествие на Запад. Том 1 / У Чэн-энь. — 1-е изд. — Москва: Гослитиздат, 1959. — 462 с.
5. 吴承恩·西游记 (У Чэн-энь. Путешествие на Запад [На китайском языке]) / У Чэн-энь. — 北京: 人民文学出版社 [Издательство народной литературы], 2019. — 1216 с.
6. Федоров А. В. Основы общей теории перевода [Текст] / А. В. Федоров. — 5-е изд. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский дом «Филология Три», 2002. — 415 с.

Наименования представителей флоры и фауны в Коране: лексико-семантический анализ

Юнкина Камиля Якубовна, студент магистратуры
Российский исламский институт (г. Казань)

Статья посвящена лексико-семантическому анализу наименований представителей флоры и фауны в тексте Священного Корана. Коран, будучи божественным откровением, использует окружающий мир как источник знамений (аятов), а растения и животные выступают в нем не только как биологические объекты, но и как важные семиотические и риторические единицы. В работе рассматривается классификация лексики, обозначающей флору и фауну, анализируются их прямые и переносные значения, а также выявляются религиозно-этические, дидактические и мировоззренческие функции, которые они выполняют в кораническом дискурсе. Исследование показывает, что наименования растений и животных являются неотъемлемым элементом коранической картины мира, служащим для иллюстрации могущества Творца, назидания верующим и описания метафизических реалий.

Ключевые слова: Коран, флора, фауна, лексика, семантика, анализ, фитоним, зооним

The names of representatives of flora and fauna in the text of the Quran: lexical-semantic analysis

Yunkina Kamilya Yakubovna, master's student
Russian Islamic Institute (Kazan)

The article is devoted to the lexical-semantic analysis of the names of representatives of flora and fauna in the text of the Holy Quran. The Quran, being a divine revelation, uses the surrounding world as a source of signs (ayat), and plants and animals act in it not only as biological objects but also as important semiotic and rhetorical units. The paper considers the classification of vocabulary denoting flora and fauna, analyzes their direct and figurative meanings, and identifies the religious, ethical, didactic, and ideological functions they perform in the Quranic discourse. The study shows that the names of plants and animals are an integral element of the Quranic picture of the world, serving to illustrate the power of the Creator, to edify the believers, and to describe metaphysical realities.

Keywords: Quran, flora, fauna, lexicon, semantics, analysis, phytonym, zoonym

Введение

Священный Коран, как последнее Откровение Всевышнего Аллаха, обладает уникальным стилем, сочетающим в себе глубочайший смысл и высочайшую литературную форму. Одной из характерных черт коранического текста является активное обращение к образам окружающего мира, среди которых особое место занимают представители флоры и фауны. Эти образы не случайны; они являются частью сложной семиотической системы, призванной донести до человека фундаментальные истины о мироздании, Творце и самом себе. Лексико-семантический анализ данной группы слов позволяет глубже понять кораническую картину мира, выявить специфику использо-

зования конкретной лексики и раскрыть многослойность смыслов, вкладываемых в те или иные природные объекты.

Лексико-семантическая классификация флоры в Коране

Флора в Коране можно условно разделить на несколько групп по их семантике и функции:

- **Культурные растения:** عَنْ — виноград, قُرْ — финик, زَيْتُونْ — оливы, زَعْدَانْ — гранаты.
- **Деревья и кустарники:** أَنْ — тамариск, سَدْر — сидр, نَيلُوفَرْ — лотос, طَلْحَ — акация.
- **Растения обобщенной семантики:** بَاتْ — растение, حَبْ — злак, أَعْشَابْ — трава.

Прямая номинативная функция данной лексики связана с описанием райских благ или земных даров, ниспосланных Аллахом.

يُبَثِّ لَكُمْ بِهِ الرَّزْقَ وَالرِّزْقُونَ وَالْجَيْلَ وَالْعَنَابَ وَمِنْ كُلِّ النَّمَرَاتِ إِنَّ فِي ذَلِكَ لَذَّةٌ لِّلْقَوْمِ
11. يَتَفَكَّرُونَ» (النحل: 68–69).

«Он возвращает для вас злаки, маслины, финики, виноград и всевозможные плоды. Воистину, в этом — знамение для людей размышляющих!» (Коран, 16:11) [4].

«اللَّذِينَ وَالرِّزْقُونَ» (النَّبِيُّ: 1).

«Клянусь смоковницей и оливой». (Коран, 95:1) [4].

فَأَعْرَضُوا فَأَرْسَلْنَا عَلَيْهِمْ سَيْلَ الْعَرِيمِ وَبَدَّلْنَاهُمْ بِجَنَّتِنَا دَوَاقَ أَكْلٍ حَمْطٍ وَأَثْلٍ وَشَنِيعٍ
16. مَنْ سَدِرْ قَلِيلٌ» (Себя: 16).

Но они отвернулись, и Мы наслали на них поток, прорвавший плотину, и заменили их два сада двумя садами с горькими плодами, тамариском и несколькими лотосами! (Коран, 34:16) [4].

Другой яркий пример: **дерево Заккум**, которое упоминается как пища для грешников в Аду. Это дерево с горькими плодами, растущее из самого сердца Ада, является антиподом райских деревьев и символизирует мучительное наказание и окончательность божественного приговора.

إِنَّ شَجَرَةَ الرَّقْوُمِ طَعَامُ الْأَثِيمِ، كَالْمُهْلِ يَغْلُبُ فِي الْبُطُونِ، كَغَلِ الْحَمِيمِ» (الدخان: 43–46)

«Воистину, дерево заккум будет, пищей грешника. Подобно осадку масла (или расплавленной меди), оно будет кипеть в животах так, как кипит кипяток». (Коран, 44:43–46) [4]

Лексико-семантическая классификация фауны в Коране:

- Сельскохозяйственные и верховые животные: — верблюд, — корова, — **ضأن** — бык, — лошадь.
- Дикие животные: — лев, — **ذئب** — волк, — **فَيل** — слон.
- Птицы и насекомые: — **طَائِر** — птица, — **غُرَاب** — ворон, — **نَعْدَل** — пчела, — **مَنْجَل** — муравей, — **ذَبَاب** — муха

Прямое упоминание животных часто связано с рассказами о пророках и знамениях для людей.

فَبَعَثَ اللَّهُ غُرَابًا يَبْحَثُ فِي الْأَرْضِ لِنُبَيِّنَ كَيْفَ يُوَارِي شَوْءَةً أَخِيهِ قَالَ يَا وَيَلَّا أَعْجَزْتُ أَنْ أَكُونَ
31. مَثْلَ هَذَا الْغُرَابِ فَأَوْارِي شَوْءَةً أَخِي فَأَصْبِحَ مِنَ الْمَدِينِ» (Амадея: 31)

«Аллах послал ворона, который стал разгребать землю, чтобы показать ему, как спрятать труп его брата. Он сказал: «Горе мне! Неужели я не могу поступить, как этот ворон, и спрятать труп моего брата?» Так он оказался одним из сожалеющих». (Коран, 5:31) [4]

Так, история о том, как ворон, который появляется после убийства Хабиля, демонстрирует Кабилю, как похоронить брата. Этот эпизод иллюстрирует использование фауны не только для повествования, но и как средство передачи нравственного и сакрального знания. Ворон выступает посредником между человеком и сакральным порядком, показывая, что наблюдение за творениями Аллаха может служить источником мудрости и нравственного ориентирования.

Литература:

1. Ализаде А. А. Энциклопедия: Коран и его толкование. / А. А. Ализаде. — Баку: Нур, 2002. — 415 с.

Особое место занимает

وَأَوْحَى رَبُّكَ إِلَيَّ النَّحْلَ أَنَّ الْجَنَّاتِ مِنَ الْجِنَّاتِ بُيُوتًا وَمِنَ السُّجَرِ وَمِمَّا يَعْرِشُونَ، لَمْ كُنْ مِنْ كُلِّ
النَّمَرَاتِ فَأَشْلَى سُبَلَ رَبِّكَ ذُلْلًا يَخْرُجُ مِنْ بُطُونِهَا شَرَابٌ مُخْتَلِفٌ أَلْوَانُهُ فِيهِ شَفَاءٌ لِلنَّاسِ إِنَّ فِي ذَلِكَ
الْأَيُّ لِقَوْمٍ يَتَفَكَّرُونَ» (النحل: 68–69)

«Твой Господь внушил пчеле: «Воздвигай жилища в горах, на деревьях и в строениях. А потом питайся всевозможными плодами и следуй по путям твоего Господа, которые доступны тебе». Из брюшков пчел исходит питье разных цветов, которое приносит людям исцеление. Воистину, в этом — знамение для людей размышляющих» (Коран, 16:68–69) [4].

Целый отрывок посвящен тому, как Аллах внушил пчеле строить жилища и собирать мед — целебный напиток для людей. Здесь пчела предстает не просто насекомым, а сознательным творением, подчиняющимся божественному повелению, а ее деятельность — как модель идеальной, божданной природной гармонии и пользы.

Животные могут выступать и в качестве олицетворения негативных качеств.

وَأَوْ شِنَّا لَرَقَعْتَاهُ بِهَا وَلَكِنَّهُ أَخْلَدَ إِلَيَّ الْأَرْضِ وَاتَّبَعَ هَوَاهُ فَمَكَّلَهُ كَمَكَلِ الْكَلْبِ إِنْ تَحْمِلُ عَلَيْهِ
يَلْهَثُ أَوْ تَرْهَهُ يَأْهَثُ ذِلْكَ مَثَلَ الْفَلَوْمَ الَّذِينَ كَذَبُوا بِأَيْمَانِهَا فَأَفْصَحَ الْقَصَصَ لَعَلَّهُمْ يَتَنَاهُونَ
176. ((الأعراف: 176))

«Если бы Мы пожелали, то возвысили бы его посредством этого. Однако он приник к земле и стал потакать своим желаниям. Он подобен собаке: если ты прогоняешь ее, она высовывает язык, и если ты оставил ее в покое, она тоже высовывает язык. Такова притча о тех, которые считают ложью Наши знамения. Рассказывай эти истории, — быть может, они призадумаются». (Коран, 7:176) [4].

В этой суре человек, который пренебрегает знамениями Аллаха, уподобляется собаке. Этот образ красноречиво передает состояние духовной опустошенности и неблагодарности.

Заключение

Проведенный лексико-семантический анализ показал, что наименования флоры и фауны в Коране являются неотъемлемым и высокоструктурированным компонентом его образной системы. Выполняя первоначально номинативную функцию, эти лексемы последовательно развиваются богатый спектр символических и метафорических значений, становясь инструментом для раскрытия ключевых богословских концепций: милости и кары Аллаха, бренности земной жизни, величия творения и нравственных ориентиров для человека. Понимание глубинной семантики этих единиц необходимо для адекватной интерпретации коранического текста и его перевода, что открывает широкие перспективы для дальнейших исследований в области коранической лингвистики, лингвокультурологии и арабского языка.

2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. / О. С. Ахманова. — М.: Советская энциклопедия, 1966.— 607 с.
3. Баранов Х. К. Большой арабско-русский словарь. / Х. К. Баранов. — М.: Живой язык, 2011.— 934 с.
4. Коран. <https://islam.global/>
5. Крачковский И. Ю. Анализ перевода Корана. / И. Ю. Крачковский. — М.: Диля, 2012.— 800 с.
6. Пиотровский М. Б. Коранические сказания. / М. Б. Пиотровский. — М.: Наука, 1991.— 219 с.
7. Фролов Д. В. Кораническая филология: Избранные труды / Д. В. Фролов. — М.: Языки славянской культуры, 2015.— 528 с.

ФИЛОСОФИЯ

Диалектика нечто и иного в «Науке логики» Гегеля

Бархатков Антон Игоревич, кандидат философских наук, доцент
Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (г. Минск, Беларусь)

В статье автор, раскрывая диалектику нечто и иного в «Науке логики» Гегеля, показывает ее значение для характеристики диалектического принципа всеобщей взаимосвязи явлений.

Ключевые слова: диалектика, логика, немецкий идеализм.

Одной из ключевых отличительных черт диалектического метода является подход к действительности с точки зрения внутренней взаимосвязи явлений. И наиболее ярко эта внутренняя взаимосвязь раскрывается в той диалектике, которая развертывается между категориями нечто и иного в «Науке логики» Гегеля.

К категории нечто Гегель приходит, раскрывая имманентное движение категории наличного бытия: наличное бытие как единство бытия и ничто сначала показывает себя как простое равенство с собой, но затем в нем проявляется его отрицательная сторона, и оно предстает перед нами как качество, в котором, в свою очередь, выступает различие реальности и отрицания. Сняв себя в себе самих, реальность и отрицание снова возвращаются к простому равенству с собой, к бытию. Но это бытие уже иного порядка, нечто. Проще говоря, бытие показывает, что оно есть не абстрактное бытие. Бытие — это всегда бытие чего-то.

Чистое бытие было совершенно неопределенным, наличное бытие уже содержало в себе определенность — было таким-то и таким-то, имело качество. Теперь же бытие предстало перед нами как сущее, как нечто, обладающее этим самым бытием. Произошел переход, который будет в дальнейшем не раз повторяться на более конкретных этапах развития логических категорий. Одно дело жизнь и совсем другое — нечто живое. Одно дело мышление и совсем другое — некто мыслящий. Но в чем же состоит этот переход? Почему отрицание отрицания превращает бытие в сущее?

Гегель определяет нечто как соотношение себя с самим собой и как внутри-себя-бытие. Чистое бытие ни с чем не соотносилось. Нечто из простого единства наличного бытия вернулось через качество снова к этому простому единству. Оно проделало круг, и за счет этого мыслительного круга в нем уже есть отношение к чему-то, но это что-то — оно само. И, проделав этот круг, оно теперь есть внутри себя самого. С одной стороны, это значит, что

все определения, которые мы находим в нечто, не привнесены нами извне, а порождены самим внутренним развертыванием его собственных логических моментов. Всё, что в нем есть, как бы порождено им самим, а не заимствовано откуда-то извне. С другой же, проделав этот круг, мы как бы очертили какое-то мыслительное пространство, какое-то логическое поле. Нечто есть внутри себя самого, потому что поле, на котором оно теперь играет, создано им самим. Внутри чистого бытия ничего не было, потому что у него не было этого внутреннего пространства. Теперь это внутреннее пространство есть за счет движения, проделанного отрицанием отрицания. Теперь мы можем говорить о том, что есть внутри нечто.

Но, с точки зрения Гегеля, отрицать что-то — не значит покончить с этим раз и навсегда. То, что отрицалось, было снято, т. е. одновременно сохранено. Нечто есть благодаря своему отношению с собой. Но это отношение с собой стало возможным лишь за счет снятия различия в качестве — различия реальности и отрицания. И это различие в нечто осталось. А значит, оно должно теперь пропустить в самом нечто.

Напомним, что нечто появляется за счет соотношения с собой в некотором качестве. Но качество может быть положительным — реальностью, а может и негативным — отрицанием. А значит и нечто у нас теперь раздваивается. Как соотношение с собой реальности, оно есть, собственно, нечто. А вот как соотношение с собой отрицания оно уже есть что-то другое — именно что другое, т. е. иное: «Во-первых, нечто и иное суть налично сущие, или нечто. Во-вторых, каждое из них есть также иное. Безразлично, которое из них мы называем сначала и лишь потому именуем нечто (по-латыни, когда они встречаются в одном предложении, оба называются *aliud*, или «один другого» — *alius alium*, а когда речь идет об отношении взаимности, аналогичным выражением служит *alter alterum*). Если мы одно наличное бытие называем *A*, а другое *B*, то

В определено ближайшим образом как иное. Но точно так же А есть иное этого В. Оба одинаково суть иные» [1, с. 178–179].

Итак, наряду с нечто, как противостоящее ему, появилось что-то иное. Но как отличить одно от другого? На этом, еще очень абстрактном уровне, мы этого сделать попросту не можем. Начнем с первого — и «иным» окажется второе. Начнем со второго — и «иным» будет, наоборот, первое. И в мысли тут абсолютно никакого различия между первым и вторым нет.

«Для фиксирования различия и того нечто, которое следует брать как утвердительное, служит слово «это». Но «это» как раз и выражает, что такое различие и выделение одного нечто есть субъективное обозначение, имеющее место вне самого нечто. В этом внешнем показывании и заключается вся определенность; даже выражение «это» не содержит никакого различия; всякое и каждое нечто есть столь же «это», сколь и иное. Считается, что словом «это» выражают нечто совершенно определенное; но при этом упускают из виду, что язык как произведение рассудка выражает лишь всеобщее; исключение составляет только имя единичного предмета, но индивидуальное имя есть нечто бессмысленное в том смысле, что оно не выражает всеобщего, и по этой же причине оно представляется чем-то лишь положенным, произвольным, как и на самом деле собственные имена могут быть произвольно приняты, даны или также изменены» [1, с. 179].

Мысль выражает только всеобщее. На единичное можно только показать пальцем. Можно еще дать ему личное имя. Но сообщить о том, что вы дали именно данной вещи данное имя, вы сможете, только опять же, на нее пальцем. Еще более ярко и доходчиво эта фундаментальная для гегелевской логики мысль выражена в «Феноменологии духа»: «На вопрос: что такое «теперь»? мы, таким образом, ответим, например: «теперь» — это ночь. Чтобы проверить истину этой чувственной достоверности, достаточно простого опыта. Мы запишем эту истину; от того, что мы ее запишем, истина не может проиграть, как не может она проиграть от того, что мы ее сохраним. Если мы опять взглянем на записанную истину теперь, в этот полдень, мы должны будем сказать, что она выдохлась. «Теперь», которое есть ночь, сохраняется, это значит, что оно трактуется как то, за что оно выдается, — как нечто сущее; но оно оказывается, напротив, не сущим. Само «теперь», конечно, остается, но как такое «теперь», которое не есть ночь» [2, с. 52–53].

И нечто, и иное суть нечто, если взять их сами по себе. Но также и нечто, и иное суть иные, если рассматривать их в отношении к их иному. Они есть одно и то же, потому что каждое есть соотношение с самим собой в своей определенности. Это всё относительно просто и близко здравому смыслу. А вот следующий логический шаг Гегеля не так прост: «В-третьих, следует поэтому брать иное как изолированное, в соотношении с самим собой, брать абстрактно как иное, как то ётёров Платона, который противопоставляет его единому как один из моментов та

ности и таким образом приписывает иному свойственную ему природу. Таким образом, иное, понимаемое лишь как таковое, есть не иное некоторого нечто, а иное в самом себе, т. е. иное самого себя» [1, с. 180].

Гегель, повторяя логический ход, предпринятый еще Платоном в диалоге «Парменид», предлагает нам здесь обратить внимание не на ту вещь, которую мы называем «иной», а на саму мысль об «ином». На то, что вообще значит быть «иным». Мы изолируем эту мысль об ином, и рассматриваем иное само по себе. Что же случится с «иным», если мы рассмотрим его вот так вот изолированно, как иное само по себе?

«Иное само по себе есть иное по отношению к самому себе и, следовательно, иное самого себя, таким образом, иное иного, — следовательно, всецело неравное внутри себя, отрицающее себя, изменяющееся. Но точно так же оно остается тождественным с собой, ибо то, во что оно изменилось, есть иное, которое помимо этого не имеет никаких других определений. А то, что изменяется, определено быть иным не каким-нибудь другим образом, а тем же самым; оно поэтому соединяется в том ином лишь с самим собой. Таким образом, оно положено как рефлектированное в себя со снятием иобытия; оно есть тождественное с собой нечто, по отношению к которому, следовательно, иобытие, составляющее в то же время его момент, есть нечто отличное от него, не принадлежащее ему самому как такому нечто» [1, с. 180].

Иное, взятое само по себе, есть иное самого себя. Это такое чистое беспокойство, изменчивость. Оно отрицает самого себя, изменяется, становится иным, чем оно было. Но в то же время оно ведь и до изменения было иным. Т. е., становясь иным, иное становится тождественным себе. Иное соотносится с собой через свое иобытие. Оно возвращается к себе самому, оно тождественно себе, т. е. есть снова нечто.

В результате этого логического движения возникает новая структура. Мы снова получили нечто, но теперь это нечто — результат изменения, бытия иным самому себе. А значит, оно уже не просто нечто, а нечто, которое не является чем-то другим. Другое содержится здесь как-то, через снятие чего нечто остается собой. Во-первых, нечто есть нечто лишь постольку, поскольку оно не одноково, но находится в отношении с чем-то другим. Это называется бытие-для-иного. Во-вторых, соотносясь с этим другим, оно, тем не менее, остается собой вопреки этому соотношению. Это называется в-себе-бытие: «Наличное бытие, как таковое, есть непосредственное, безотносительное; иначе говоря, оно имеется в определении бытия. Но наличное бытие как включающее в себя небытие есть определенное бытие, подвергшееся внутри себя отрицанию, а затем ближайшим образом — иное; но так как оно в то же время и сохраняется, подвергнув себя отрицанию, то оно есть лишь бытие-для-иного. Оно сохраняется в отсутствии своего наличного бытия и есть бытие; но не бытие вообще, а как соотношение с собой в противоположность своему соотношению с иным, как равенство с собой

в противоположность своему неравенству. Такое бытие есть в-себе-бытие» [1, с. 181].

Ранее нечто и иное были как бы безразличны друг другу. Мы легко могли менять их местами, и они показывали себя попеременно то как нечто, то как иное. Теперь нечто находится в отрицательном отношении с иным. В самой его логической структуре содержится, что оно не есть иное. Оно необходимо соотносится с иным, но в то же время, противостоя этому негативному отношению, снимая его, соотносится с самим собой — и есть именно нечто, а не иное.

На данном этапе нечто показало, что оно не безразлично к своему иному. Оно есть нечто именно потому, что

находится в отношении с этим иным. Оно противостоит ему не внешне — отношение к инаковости как бы «вшито» в само нечто, составляет его момент. Между ними, следовательно, имеется внутреннее отношение. И такое внутреннее отношение к иному, как находящееся в самом нечто, Гегель называет бытием-для-иного.

Мышление таких внутренних отношений — отличительная черта диалектической логики. Вещи для нее не стоят друг подле друга как независимые и связываемые лишь внешним образом. Для диалектики между явлениями природы, общества и духа есть глубокие внутренние взаимосвязи. И сущность любой вещи неотделима от ее внутреннего отношения к другим вещам.

Литература:

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. — М., «Мысль», 1970.
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Г. Шпета // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. IV. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959.

Логическая природа определения в философии Гегеля

Бархатков Антон Игоревич, кандидат философских наук, доцент
Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (г. Минск, Беларусь)

В статье автор исследует трактовку определения в «Науке логики» Гегеля, выявляя диалектический смысл этой категории в ее логическом, лингвистическом и культурно-антропологическом аспектах.

Ключевые слова: диалектика, немецкий идеализм, определение.

Трактовка определения в «Науке логики» Гегеля существенно отличается от его понимания в формальной логике и представляет собой конкретно-диалектическое постижение этой логической категории в связи как с другими категориями диалектики, так и с той действительностью, природу которой оно выражает.

В категории определения мы имеем, по сути, ту же категорию, которая ранее представляла в «Науке логики» как качество — но это качество на новом витке логического развития. Гегель определяет ее следующим образом: «Качество, которое есть «в себе» в простом нечто и существенно находится в единстве с другим моментом этого нечто, с в-нем-бытием, можно назвать его определением, поскольку это слово в более точном его значении отличают от определенности вообще. Определение есть утвердительная определенность как в-себе-бытие, которому нечто в своем наличном бытии, противодействуя своей переплетенности с иным, которым оно было бы определено, остается адекватным, сохраняясь в своем равенстве с собой и проявляя это равенство в своем бытии-для-иного» [1, с. 185].

Определение при этом не стоит путать с простой определенностью. Определенность — значит просто наличие небытия, и в этом смысле всё, кроме чистого бытия, со-

держит такую определенность. Определение же — не просто определенность, это в-себе-бытие, т. е. внутренняя суть вещи. Однако, в-себе-бытие не существует само по себе, абстрактно. В-себе — лишь момент нечто, другим моментом которого является бытие-для-иного. Но это значит, что в-себе-бытие, внутренняя суть вещи, не остается внутри этой вещи, но с необходимостью проявляется в ее отношении к иным вещам. Определение — это то, что вещь есть по своей природе, но эта природа не остается лишь внутренней, она проявляется вовне — и в этом проявлении вещь показывает, что она есть.

А далее Гегель говорит слова, которые в русском переводе остаются не вполне понятными: «Нечто осуществляет (erfüllt) свое определение, поскольку дальнейшая определенность, многообразно вырастающая прежде всего благодаря его отношению к иному, становится его полнотой (Fülle) в соответствии с его в-себе-бытием. Определение подразумевает, что то, что нечто есть в себе, есть также и в нем» [1, с. 185].

Что в действительности означает это «осуществление определения», вернее, правильнее было бы перевести, «исполнение определения»? Дело в том, что Bestimmung по-немецки значит не только «определение», но и «предназначение». Нечто есть в-себе то-то и то-то, но его пред-

назначение состоит в том, чтобы не оставаться внутри себя самого, но реализовать в действительности то, что оно есть поистине. Это древняя идея, восходящая еще к Аристотелю, а во времена Гегеля связанная, главным образом, с творчеством Гёте.

И когда Гегель говорит «Die Bestimmung des Menschen» — это значит не просто «определение человека», но «предназначение человека». Так, кстати, называлась одна из самых известных работ непосредственного предшественника Гегеля — Иоганна Готлиба Фихте. И, говоря о предназначении человека, Гегель на этом примере проясняет нам различие между «в-себе» и «в нём», о котором шла речь в предыдущем выпуске: «Мыслящий разум — вот определение человека; мышление вообще есть его простая определенность, ею человек отличается от животного; он есть мышление в себе, поскольку мышление отличается и от его бытия-для-иного, от его собственной природности и чувственности, которыми он непосредственно связан с иным. Но мышление есть и в нем: сам человек есть мышление, он налично сущ как мыслящий, оно его существование и действительность; и далее, так как мышление имеется в его наличном бытии, а его наличное бытие — в мышлении, то оно конкретно, его следует брать имеющим содержание и наполненным, оно мыслящий разум и таким образом оно определение человека» [1, с. 185].

С одной стороны, «мыслящий разум» — это определение человека, ведь именно своей способностью к разумному мышлению человек отличается от прочих животных. И в то же время человек ведь и сам — животное, и его разум противостоит его же животности, его же чувственной природе. Если мы рассмотрим человека конкретно, то мышление, разум окажется самим его наличным бытием. В том, как цельный человек, трудясь и преобразуя окружающий мир, относится к природе, он действует именно как мыслящее существо. Разум не остается скрытым где-то внутри человека, он проявляется в его делах — и есть «в нём», т. е. объективно, как факт, доступный наблюдению со стороны.

Но тут у нас появляется новая двойственность. Осуществление определения, или, лучше сказать, осуществление предназначения, теперь противостоит имевшемуся изначально в-себе-бытию. Нечто как бы разделяется на внутреннее ядро (в-себе-бытие) и внешнюю поверхность, открытую воздействиям извне, связанную с иным. Такая открытая внешним воздействиям поверхность называется «свойство»: «Переход определения и свойства друг в друга — это прежде всего снятие их различия; тем самым положено наличное бытие или нечто вообще, а так как оно результат указанного различия, заключающего в себе также и качественное иной бытие, то имеются два нечто, но не только вообще иные по отношению друг к другу — в таком случае это отрицание оказалось бы еще абстрактным и относилось бы лишь к сравнению их между собой — теперь это отрицание имеется как имманентное этим нечто» [1, с. 187].

У нечто есть то, что составляет его суть, его природу, остающееся неизменным внутреннее. Но сама логическая структура нечто такова, что у него та же должна быть сторона, которой оно открыто к иному, к внешнему. И это внешнее оказывает на него воздействия, формирует его свойства. Быть открытым иному — значит становиться иным, изменяться. Нечто по самой своей природе изменчиво, его свойства меняются под влиянием внешних обстоятельств. Но нечто сохраняет себя в этом изменении, остается собой несмотря на все перипетии судьбы. Вернее, так оно кажется сперва. В действительности определение и свойство далее показывают нам, что их нельзя абстрактно противопоставлять, что они суть лишь взаимосвязанные моменты целого.

Начнем с определения. Определение, внутренняя природа вещи, кажется чем-то всецело независимым от иного. Но ведь определение в том и состоит, чтобы, отталкивая от себя всё иное, уходить в себя, вглубь. А это значит, с иным оно всё-таки соотносится — оно оказывается открытым воздействию этого иного. На практике это означает, что, при определенных воздействиях извне, могут поменяться не только лишь поверхностные свойства нечто — сама его суть также не застрахована от изменений. Вещи меняются не только внешне, меняется сама их природа, само их определение.

Но если теперь мы возьмем нечто со стороны его открытости внешним воздействиям, со стороны свойства, и изолируем свойство от определения — мы получим то же, что ранее в «Науке логики» происходило с категорией иного самого по себе. Ведь свойство — это способ, которым нечто соотносится с чем-то иным. Это не внутренне присущее нечто бытие, это то, в чем нечто есть иное. Это способ нечто быть иным, поскольку он определен не самим нечто, а именно что этим иным. Но, будучи определено иным, свойство само становится иным, становится не тем, чем оно было. Но ведь иное, ставшее иным, становится тем же, чем оно было, соотносится с собой. А это соотношение с собой есть ничто иное, как определение. Свойство переходит в определение. Но различие между свойством и определением в то же время сохраняется, иными словами, они низведены до моментов. А значит, хотя нечто и открыто воздействиям внешних обстоятельств, но момент определения, в-себе-бытия в нем тоже присутствует. На практике это означает, что то, какие именно свойства вызовет внешнее воздействие, зависит от определения, от внутренней природы вещи.

Итак, качество и свойство перешли друг в друга — и мы снова имеем перед собой единое, тождественное себе нечто. Но это новое нечто возникло из снятия качества и свойства, а качество и свойство были способами соотношения с иным. Следовательно, нечто, которое мы получили, также должно находиться в отношении к иному — к иному нечто. Теперь у нас есть два нечто, и каждое из двух противостоящих друг другу нечто воздействует на самое сердце другого, как бы угрожает самому его бытию. Различие между нечто и иным — это вполне опреде-

ленное различие. Но это их определение — общее для нечто и иного. Такое определение, в котором сталкиваются нечто и иное, и которое их разделяет, отличает их друг от друга, называется «граница».

Итак, определение в философии Гегеля выступает как одновременно качество на новом витке развития, результат диалектики нечто и иного — и в то же время как категория, из которой непосредственно вытекает

новая категория — категория границы. Тем самым определение в логике Гегеля предстает не просто как одна из абстрактных логических операций, но как категория, не только выражающая важное свойство действительности — взаимное воздействие вещей друг на друга, затрагивающее саму их внутреннюю природу, но и содержащая существенные культурные и антропологические коннотации.

Литература:

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. — М., «Мысль», 1970.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (598) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 03.12.2025. Дата выхода в свет: 10.12.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.